

Министерство образования и науки Республики Таджикистан

Худжандский государственный университет
имени академика Б. Гафурова

На правах рукописи

Сидикова Мадинахон Алишеровна

**Функционально-семантическое поле сравнения в таджикском и
английском языках**

Специальность:

**10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и
сопоставительное языкознание**

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук
профессор Джамshedов П.

Душанбе 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КАТЕГОРИИ СРАВНЕНИЯ В ЛИНГВИСТИКЕ	
1.1. Степень изученности категории сравнения в лингвистике.....	10
1.2. О понятии «сравнение», его видах и функциях.....	21
1.3. Сравнение как объект изучения функционально-семантической категории.....	31
Выводы по первой главе.....	39
ГЛАВА 2. ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СРАВНЕНИЯ	
2.1. Лексические особенности выражения сравнения в исследуемых языках.....	41
2.2. Фразеологические средства выражения сравнения в исследуемых языках.....	48
2.3. Морфологические средства выражения сравнения в сопоставляемых языках.....	67
2.4. Синтаксические средства выражения сравнения в сопоставляемых языках.....	79
Выводы по второй главе.....	88
ГЛАВА 3. СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КАТЕГОРИИ СРАВНЕНИЯ В ИССЛЕДУЕМЫХ ЯЗЫКАХ	
3.1. Метафора как один из способов выражения сравнения.....	90
3.2. Троп <i>сравнение</i> как один из способов выражения функционально- семантической категории сравнения.....	103
3.3. Дифференциальные признаки метафоры и сравнения.....	109
3.4. Метонимические сравнения в исследуемых языках.....	122
3.5. Гиперболическое сравнение и его особенности.....	125
3.6. Сравнение, основанное на эпитете.....	129

3.7. Сравнение, основанное на контрасте.....	137
3.7.1 Сравнение, основанное на оксюморе.....	139
Выводы по третьей главе.....	142
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	145
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	151
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	172

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В последние годы всё более актуальным становится анализ особых отраслей языкознания, таких как стилистика, фразеология, семасиология и другие лингвистические науки, что не представляется возможным без применения методов сопоставления. Такой подход позволяет раскрыть не только своеобразие того или иного языка, но и культуру его носителей, а также определить их изоморфные и алломорфные особенности.

В частности, одной из центральных проблем в современном языкознании является изучение способов выражения сравнений, их стилистического потенциала и лексико-грамматических характеристик в разноструктурных языках.

Английский и таджикский языки богаты соответствующими оборотами, которые нуждаются в детальном изучении в рамках функционально-семантического поля, так как сравнение в языке выражается единицами его различных уровней, включая фразеологический и стилистический. К тому же, теория поля находилась и находится в настоящее время в центре внимания многих лингвистов, таких как А.В. Бондарко [24], Е. И. Шендельс [161], Н.А. Широкова [164], Е.В. Гулыга [50], О.С. Ахманова [178] Н.С. Федосеева [145] и др. В контексте данной теории проблема сравнения в лингвистике считается малоизученной и нуждается в более детальном рассмотрении, так как ряд её сторон является дискуссионным. В частности, не определена их классификация, механизмы включения в речь. Следует отметить, что на сегодняшний день отсутствуют чёткие разграничения между сравнением и метафорой, не полностью определены лексические и стилистические средства выражения сравнения. Следует также подчеркнуть, что стилистический аспект функционально-семантического поля сравнения требует детального анализа и всестороннего изучения.

Таким образом, дискуссионность отдельных аспектов категории сравнения в целом, недостаточная разработанность различных способов и средств его выражения в английском языке, необходимость всестороннего изучения этого явления в таджикском языке, а также потребность в сравнительно-сопоставительной интерпретации данного феномена на материале таджикского и английского языков обосновывают **актуальность выбора темы** диссертационной работы.

Степень изученности темы исследования. Проблема сравнительных конструкций и оборотов привлекала и продолжает привлекать внимание многих лингвистов. По нашим данным, ей посвящены более двадцати пяти диссертационных работ, включая докторские. В них рассматриваются способы и средства выражения сравнения в русском, английском, немецком, французском, татарском, хакасском и других языках. Сюда относятся диссертационные исследования С.Б. Абсаматова [1], С. Я. Александровой [4], Ю.М. Анохиной [6], Д.У. Ашурова [13], Э.Бабаева [14], Р.М. Болгаровой [23], А.В. Ваганова [34], Ю.Н. Власовой [42], Х.М. Губанова [48], И.А. Железнова-Линьца [59], С.В. Ивановой [70], И.З. Искендеровой [71], Е.Г. Карапетовой [73], Е.Б. Карневской [74], М.А. Кондратьевой [80], О.В. Кравец [82], Н.Н. Макаренко [100], С.М. Мезинена [101], А.Б. Михайлова [104], В.М. Огольцова [111], Е.М. Покряшена [115], И.Г. Пятаевой [119], Н.М. Сидяковой [129], Н.С. Федосеевой [145], Ф.К. Зикрияева [68], В.О. Назарян [106], В.В. Павловой [112] и др. Из этих авторов С.Я. Александрова [4] исследовала проблему семантической характеристики сравнительных конструкций английского языка. Д.У. Ашурова [13] изучила лингвистическую природу художественного сравнения на материале английского языка; Х.М. Гурбанов [51] исследовал придаточные сравнительные предложения английского языка. Лингвист С.В. Иванова [70] так же посвятила свою диссертацию структурно-семантическим особенностям придаточных сравнения в английском тексте. Е.Г. Карапетова [73] занималась изучением функционально-семантической

категории компаративности в английском языке. С.М. Мезинин [101] разработал проблему конструкций английского языка, имеющих значение сравнения. Н.М. Сидякова[129] исследовала компаративные ФЕ типа [(as)+adj+as+N] в современном английском языке.

Как видно, проблема сравнительных конструкций английского языка не исследована ни в одной работе. Здесь многие аспекты данного явления нашли более или менее удовлетворительное освещение, чего нельзя сказать в отношении изучения данного явления в таджикском языке. Нет ни одной работы, в которой рассматривался бы данный феномен как особая категория. Только профессор Ф.К. Зикриёев [68] в своей кандидатской диссертации подверг анализу придаточные предложения сравнения в таджикском языке.

Что касается сопоставительного изучения данной темы в английском и таджикском языках, то в 1978 году Э. Бабаев [14] посвятил своё диссертационное исследование образным сравнительным оборотам этих языков.

Ознакомление с работами вышеуказанных англистов и таджикских учёных привело нас к заключению о том, что некоторые аспекты проблемы сравнения остаются в лингвистике белыми пятнами.

Таджикское языкознание остро нуждается в такой работе. Рассмотрение данной категории английского и таджикского языков в сфере теории поля может способствовать выявлению многих неизученных сторон данного феномена.

Целью данной диссертационной работы является сопоставительное изучение средств и способов выражения категории сравнения в таджикском и английском языках в свете теории поля.

В соответствии с поставленной целью в работе ставятся **следующие задачи:**

- изучить понятие сравнения в английской и таджикской лингвистике с точки зрения сопоставительного анализа;

- рассмотреть морфологические и синтаксические пути и средства реализации сравнения в рассматриваемых языках;
- проанализировать лексические и фразеологические средства выражения сравнения в исследуемых языках;
- определить стилистический потенциал сравнения в английском и таджикском языках;
- описать роль эмотивности и экспрессивности в выражении сравнения в исследуемых языках.

Методология и методы исследования. Теоретической базой исследования послужили труды Н.Н. Амосовой [5], Н.Д. Арутюновой [12], Э. Бабаева [14], А.В. Бондарко [24], В.В. Виноградова [41], В.А. Звегинцева [66], Б. Камолиддинова [72], А. И. Смирницкого [132], Г.С. Щур [165], И.Р. Гальперина [45], А.В. Кунина [183], М.Фозилова [189] и др.

В работе, главным образом, используются следующие методы:

1. сравнительно-сопоставительный метод;
2. метод контекстуального анализа ;
3. описательный метод ;
4. методы компонентного анализа.

Сравниваемый материал подвергается анализу методом сплошной выборки с точки зрения лингвокультурологии, грамматики, стилистики и семантики. В качестве исходного языка выступает английский язык, так как в нём данное явление изучено более глубоко и всесторонне.

Материалы исследования взяты из словарей, лексикографических источников и художественных произведений на английском и таджикском языках, а также из переводной литературы на двух языках. Кроме того, при переводе примеров из английской художественной литературы на таджикский язык большую помощь оказали ученые-специалисты, работающие на факультете иностранных языков ХГУ имени академика Б. Гафурова

Объектом диссертационного исследования является категория сравнения

и способы его выражения в таджикском и английском языках с применением теории поля в лингвистике.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в том, что впервые предпринимается попытка комплексного подхода изучения вопроса категории сравнения в таджикском и английском языках. В диссертации выделяется ряд разноуровневых средств выражения категории сравнения, определяется специфика функционально-семантического поля сравнения.

В работе выявлена особенность взаимодействия категории сравнения и эмотивности, также предпринимается попытка определить и рассмотреть стилистический потенциал выражения сравнения сопоставляемых языков, куда включаются тропы - эпитет, антитеза, метонимия и гипербола.

Теоретическая и практическая значимость исследования исследования заключается в том, что на материале таджикского и английского языков более глубоко обосновывается системная организация семантической категории сравнения и выявляются определённые его свойства в этих языках. Исследование указанных языков в избранном ракурсе позволяет внести вклад в решение ряда проблем их лексикологии, фразеологии и стилистики, нахождение особых точек соприкосновения в этой области является важнейшей задачей типологии языков.

Практическая значимость работы состоит в том, что результаты исследования могут быть использованы в лекционных курсах, на семинарских занятиях по лексикологии, стилистике, фразеологии и лингвистике текста английского и таджикского языков, при написании курсовых и дипломных работ студентов и магистрантов, а также при составлении пособий по английскому языку для таджикоязычной аудитории и составлении англо-таджикского словаря.

Положения, выносимые на защиту:

1. Вопрос о степенях сравнения прилагательного выходит не только за пределы морфологии прилагательного, но и аналитической лингвистики.

2. Синтаксический аспект изучения сравнения связан с особыми синтаксическими оборотами, которые образуются при помощи единиц *as if*, *as though* и *like* в английском языке и *мисли*, *монанди*, *барин* в таджикском языке, и могут встречаться в структуре как сложных, так и простых предложений. В сфере сложноподчинённых предложений сравнение, основанное на каких-либо ассоциациях, реализуется при помощи сравнительных придаточных предложений, поясняющих содержание главного предложения путём сравнения.

3. Сравнение может быть выражено при помощи лексики, включая словообразовательные средства. Одному словообразовательному суффиксу английского языка могут соответствовать более семи суффиксов таджикского языка. В качестве лексических средств выражения компаративности в английском языке выступают сложные прилагательные типа «milk-white». В таджикском языке функционирует подобный структурный разряд прилагательных типа «шердил»

Сравнение может быть выражено средствами фразеологии. В рамках фразеологии в значительной мере следует опираться на традиции, условия жизни и культуру носителей сравниваемых языков. Апробированные примеры можно разделить на следующие кластеры, опорными словами в которых являются: названия животных, части тела животных, названия человека и частей его тела, названия растительного мира, названия отдельных предметов материального мира, названия артефактов, блюд и названия сказочных и мифологических явлений.

4. Большим сравнительным потенциалом обладают такие стилистические приёмы, как метафора, метонимия, антитеза, гипербола, эпитет и оксюморон. Из этих стилистических средств следует особо выделить метафору и оксюморон, которые привлекают внимание читателя своеобразным способом выражения сравнения и контраста.

5. Арсенал средств выражения компаративности в таджикском языке богаче, чем в английском, что большей частью проявляется в стилистических тропах.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования обсуждались на ежегодных научно-теоретических и практических конференциях учёных и аспирантов Худжандского государственного университета имени академика Б. Гафурова. По материалам диссертации опубликовано 6 статей, 4 из которых помещены в научных рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК РФ.

Структура и объем работы. Работа состоит из введения, трёх глав, заключения и списка использованной научной и художественной литературы. Объем работы составляет 172 страницы компьютерного набора.

Во введении обосновывается выбор темы, её актуальность, также ставятся цель, задачи и определяется методика исследования. Указывается на научную новизну, перечисляются положения, выносимые на защиту, отмечается теоретическая и практическая значимость, раскрываются теоретическая и практическая базы.

В первой теоретической главе отмечается степень изученности темы, характеризуется понятие «сравнение» с точки зрения философии, логики и лингвистики, обосновываются точка зрения о вхождении сравнения в сферу функционально-семантических категорий и даётся понимание данной категории в лингвистическом ракурсе.

Во второй главе подвергаются анализу лексико-фразеологические и грамматические средства выражения компаративности в таджикском и английском языках.

В третьей главе рассматривается стилистический потенциал выражения сравнения в сопоставляемых языках, куда включаются тропы - эпитет, антитеза, метонимия и гиперболы как средства выражения и сравнения в таджикском и английском языках.

В заключении подводятся итоги научного исследования.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОНЯТИЯ «СРАВНЕНИЕ» В ЛИНГВИСТИКЕ

1.1. Степень изученности категории сравнения в лингвистике

Объектами анализа данной главы являются теоретические аспекты исследования категории сравнения на материале двух дальнородственных языков, т.е. английского и таджикского. В первую очередь, изучение этого вопроса требует определить степень изученности феномена «сравнения» в лингвистике.

Следует отметить, что существуют различные толкования данного явления, которые принадлежат перу лингвистов, философов, учёных-литературоведов и др. Как известно, сравнение считается одним из средств познания действительности. С античных времён и по сей день эта тема вызывает интерес как философов, так и лингвистов. Сравнение можно считать понятием психолого-логического, философского или лингвистического порядка.

Сравнение играет существенную роль в жизненной деятельности индивида, т.е. считается одним из путей познания действительности, ибо говорят, что «все познаётся в сравнении». Сравнение, с психологической точки зрения, является способом восприятия мира. Сравнение играет значительную роль в процессе познания и умозаключения. И.М. Сеченов утверждает, что всё то, что воспринимается человеком органами чувства, можно соединить в нашем сознании ассоциативно [128, с. 190]. М.Фуко определяет сравнение, как самое очевидное, и в то же время, как самое скрытое явление или элемент, что определяет форму познания и способствует его обогащению [146, с. 45].

Изучение данного вопроса у зарубежных лингвистов основывается на психологическом подходе. Как известно, западные исследователи рассматривают любой язык, прежде всего, как «язык личности» [94, с. 282]. Рассматривая сравнение с точки зрения психологии, они принимают во внимание то, что сравнение как мыслительная операция устанавливает

иерархическую связь между сравниваемыми понятиями или предметами, на фоне чего и выбирается объект для установления сравниваемых черт сопоставляемых предметов, в то время как психология рассматривает сравнение как мыслительную и когнитивную функцию.

Философия, в свою очередь, трактует сравнение как познавательный процесс, что включает в себя рассмотрение тождеств и различий объектов. В философском словаре отмечается, что основная функция сравнения заключается в сопоставлении и выявлении возможных отношений тождественных предметов [190, с. 204]. По мнению большинства философов, качественные и количественные характеристики предметов осуществляются в результате сравнения.

В логическом плане оно играет значительную роль для восприятия индивидом окружающего мира. Сравнение, с точки зрения логики, является средством познания духовных и культурных ценностей, так как познание любого предмета начинается с того, что человек дифференцирует предметы и устанавливает их тождество и сходство с другими предметами. Р. Болгарова считает, что «логическое сравнение - это процесс, движение мысли от заданных элементов к истинным. Она утверждает, что сравнение как логическая категория состоит из трёх компонентов: понятие, которое нуждается в пояснении; понятие, которое предназначено для пояснения; и соединяющее звено» [23, с. 10].

Считается, что сложно основать какое-либо понятие, не воспользовавшись таким логическим понятием, как «сравнение». Продолжая идею Н.И. Кондакова, Б.А. Серебренников утверждает, что одним из мощных средств познания окружающего мира является сравнение, которое играет огромную роль при формировании человеческих знаний и познаний относительно внешней природы [127, с. 29]. Развивая идею Н.И. Кондакова и Б.А. Серебренникова, В.М. Огольцов пишет, что «...ни анализ и синтез, ни абстрагирование и обобщение не возможны без сравнения. Подобно тому, как сравнение пронизывает формы мышления, начиная с элементарных и

кончая читается высшими, оно пронизывает многообразные и многочисленные единицы языка на его различных уровнях - лексическом, словообразовательном, фразеологическом, на уровне словосочетаний и предложений. При этом, оно всегда оказывается в основе их семантики, грамматического значения или изобретательной функции» [111, с. 10].

В лингвистическом ракурсе сравнение направлено на выявление тождеств или различий в качествах, свойствах и признаках объектов. О. С. Ахманова определяет сравнение как «понятие равенства и неравенства качества, которые находят своё отражение в грамматической, лексической и фразеологической категории» [178, с. 443]. В словаре русского языка под редакцией С.И. Ожегова сравнение определяется как «слово или выражение, содержащее уподобление одного предмета другому» [185, с.620].

Сравнение в лингвистическом плане нашло свою интерпретацию в XVIII веке в работах ведущих учёных того времени. В своей работе М.В. Ломоносов рассматривает сравнение в соответствии с грамматическими традициями своего времени и выявляет ряд именных словосочетаний, которые считаются типичными для русского языка. В этой сфере он выявил следующее: словосочетания со сравнительной степенью и словосочетания для обозначения превосходства [96, с. 107]. Следует подчеркнуть, что именно основательный труд М.В. Ломоносова послужил основой для развития учения о сравнении. Такие учёные-лингвисты, как Ф.И. Буслаев [33], А.А. Потебня [116] и другие, пытаясь выявить тождества и различия в языках разных национальностей, обосновывали исторический подход к изучению данного феномена. Новый подход к изучению и рассмотрению данного вопроса возник в XX веке. Согласно этому подходу, сравнение в лингвоструктурном (грамматическом, фразеологическом и стилистическом) подходе направлено на анализ и выявление языковых средств выражения этой категории. Стилистический аспект изучения сравнения был основан В.В. Виноградовым, который выделяет оценочную функцию сравнения среди других образных средств [40, с. 225].

В диссертационной работе Н.Ю. Анохиной утверждается, что в середине XX-го века французские лингвисты начали изучать сравнительные конструкции в работах по стилистике и риторике [6, с.14]. Многие лингвисты изучают сравнение комплексно и объединяют стилистический и синтаксический подход. Как утверждает И.Г. Пятаева, на синтаксическом уровне сравнение следует рассматривать как «минимальный фрагмент текста, которому присуща особая внутренняя организация» [цит по: 6, с. 11].

Имеется ряд работ, в которых выявляются особенности сравнения на материале художественных произведений различных авторов А.В. Ваганов [34], М.И. Черемисина [153], О.Ф.Шевченко[160] и др. Работы русского лингвиста В.М. Огольцова посвящены исследованию сравнения во фразеологическом ракурсе. Он считает, что устойчивые компаративные единицы являются способом выражения образности о явлениях и представления [111, с.41]. Л.А. Лебедева относит компаративные устойчивые единицы или устойчивые сравнения к «единицам языковой системы», которые являются «продуктом речи» [92, с. 5]. Некоторые разновидности фразеологических единиц с компонентом сравнения нашли своё отражение в работах Е.И. Дибровой [53, с. 50]. Л.Ф. Тарасов рассматривает сравнение в художественном аспекте. По его мнению, сравнение в художественной системе является способом изображения окружающей реальности [135, с. 76].

Лингвопоэтический аспект сравнения исследуется В.В. Виноградовым, который утверждает, что поэтическая образность не содержится в фигурах речи или тропах, а существует в содержании самой поэтической речи [40, с. 193].

Н.А. Широкова выявляет многообразие структурных и семантических разновидностей сравнительных придаточных в русском языке. Она считает, что дифференциация разновидностей придаточных предложений сопутствует

появлению новых разновидностей как при обогащении сравнительно-союзных систем, так и уточнении их функций [164, с. 3].

М.И. Черемисина изучает сравнение как в семантическом, так и в прагматическом аспектах. По её мнению, сравнительные конструкции являются синтаксической категорией [153, с. 17].

С. Б. Абсаматов рассматривает сравнительные конструкции как «нерасчленимое единое целое». Он подчёркивает, что необходимо задействовать познавательные ресурсы мышления для понимания сравнительного оборота [1, с. 75].

Согласно А.А. Потемне, сравнительные конструкции или сравнительные обороты должны состоять из трёх элементов:

- **Comparandum** – явление сравниваемое;
- **Comparatum** – явление, которое сравнивается;
- **Tertium comparationis** – в результате объединения comparandum и comparatum появляется третья сила и основа сравнения [117, с. 130].

Эта трёхэлементная система в категории сравнения отмечается во многих работах, но при этом каждый лингвист даёт своё название этим элементам. З.И. Искандерова номинирует эти элементы как объект сравнения – «тема», признак сравнения – «модуль сравнения» [71, с. 3]. С.М. Мезинин предложил рассмотреть эталон сравнения как «агент образного выражения», объект сравнения – «референт образного сравнения» и «основание» как модуль сравнения [101, с. 49]. В.В. Павлова пользуется теми же терминами, лишь заменяя концепт «модуль» на «сегмент» [112, с. 10]. Разнообразие и несоответствие элементов (терминов), которые связаны с компаративной категорией, подтверждают сложность данной проблемы, что требует тщательного и основательного анализа.

В настоящей работе мы придерживаемся точки зрения Е.И. Шендельс о том, что сравнение членится на три составляющие :

- **объект сравнения;**

- эталон сравнения;
- модуль или совокупность качеств или признаков, которые являются характерными в сравниваемых объектах.

Таджикский лингвист Э. Бабаев [14] в своей работе под названием «Образные сравнительные обороты в современном английском и таджикском языках» номинирует эти компаративные элементы как тему или предмет сравнения, сравнительный союз и основу сравнения. Он утверждает, что «первый компонент», т.е. модуль сравнения, употребляется в своем буквальном смысле, а «второй компонент», т.е. эталон сравнения, имеет усилительную функцию.

М.А. Кондратьева в своей исследовательской работе, посвящённой стилистическому потенциалу компонентов функционально-семантического поля сравнения в немецком языке, отмечает, что сравнение является логическим приёмом познания, который направлен на определение содержания одного предмета (А) через другой предмет (В). Она также подчёркивает, что предметам А и В свойственно сопоставление при наличии сходство одного или более признаков. Предположим, что предмет А имеет а, b, c, d признаки, а предмету В свойственны признаки а, g, h, в данном случае предметы А и В могут быть сопоставимы, так как предметы А и В обладают признаком а. Тем не менее, сравниваемый признак В должен быть значительно важным, так как вследствие сравнения предмет В получает постоянную относительную черту и выступает в качестве эталона сравнения. Признак предмета может быть присущим в разной степени теме и эталону сравнения [80, с. 18].

При сопоставлении выявляются идентичность или различие, т.е. дифференциация признаков предмета. Думется, что сравнение не только служит для выявления сходства или тождества, но и может привести к представлению об уникальной сравниваемости.

Б.В. Томашевский, изучая вопрос о том, в какой полноте значения выступают элементы сравнения, подчёркивает, что с наибольшей полнотой выступает предмет. Изучая образные элементы сравнения, он подчёркивает, что элемент не выступает во всём объёме, так как в образе выделяется и сравнивается лишь единственный признак, который является необходимым для данного сравнения. В примере *as slow as snail* внимание реципиента привлекается только к признаку замедленности, элиминируя другие признаки этого моллюска. Исходя из этого, при выражении такого рода сравнения признак называется, но при этом опускается часть этого элемента, и в результате соединяются предмет и образ. В сравнениях такого рода признак не отсутствует, а подразумевается. При использовании метафорического сравнения «она как черепаха», говорящий подразумевает и подчёркивает не другие качества, а именно медлительность черепахи [140, с. 30].

Следует отметить, что у каждого сравнения имеется своя логическая функция, которая вытекает из взаимоотношения эталона и модуля сравнения. Модуль сравнения имеет свойство отображения содержания эталона сравнения, что может послужить основой для формирования сравнения. Под термином «модуль» понимается связывающий элемент эталона и темы сравнения. Он (модуль) иллюстрирует и разъясняет как признак темы, так и признак эталона. Именно на основе модуля и происходит сравнение. В роли модуля могут выступать следующие признаки: цвет, объём, свойство, текстура, размер, характер, запах, образ действия и т.д. Например:

Цвет:

Моҳи тобон рӯи заминро бо нури дурахшони худ шир барин сапсафед нишон медод ва ба руи об афтода, инъикос медод [215, с. 119].(Сверкающая луна освещала землю таким образом, что она казалась молочно-белой)

She went red as a beetroot. [195, с. 1274] – (Она стала красной, как свёкла.)

Текстура:

Гүё , ки дили ту дил набуда, санг мебошад! [215, с. 144]. (Будто у тебя каменное сердце)

The Country's like a tree; you can keep it in order, but you can't go taking it up by the roots to look at them [234, с. 50]. (Загородная зона подобна дереву, ты можешь содержать её в порядке, но ты не можешь схватить её за корни, чтобы полюбоваться ими.)

Образ действия:

It mustn't be a novelist, or they'll say he's jealous—which he probably is: the book selling like hot cakes—I believe that's the expression [234, с. 70]. (Навряд ли он романист, тогда бы про него сказали, что он завистник, да он, видимо, такой и есть, книги расходятся, как горячие пирожки, вот в чем соль).

Гүё таачуби соҳиби тӯй таънае буд, ки чун тир косахонаи сарро сӯроҳ намуда, ба сӯзи он расид ва сих занонд [219, с. 8]. (Удивление хозяйки торжества было упрёком, словно пуля вонзилась в мозг...)

Вышеприведённые примеры служат основой для вывода, что объект и эталон сравнения во многих случаях не принадлежат одному классу. Сравнение данного типа выражает не только сходство или тождество предмета, но и взаимосвязь предметов, которая чувствуется автором высказывания. Сравнение, которое основано на скрытых признаках, можно считать образным или абстрактным, что придаёт высказыванию немалую экспрессивность и эмоциональность. Например:

Emotions really were like wild horses, and all she could do now was set them free [245, с. 72]. (Её чувства напоминали неистовство диких лошадей и единственное, что она могла сделать сейчас, это дать им волю).

Дар канораи гирифту узр ангехт.

В-оби наргис ба рӯи гул мерехт [188 с. 885].

Нақле, ки пештарақ аз ин Ёдгор аз писари оқсақол дар бораи ўро ба шавҳар доданӣ буданашон карда буд, гўё чакраи захри ҳақиқӣ буд, ки ба

хаёли ширини Гулнор омехта буд, бо вучуди ин вай худро тасалло медод, ки маро ҳеч гоҳ бо зӯрӣ ба шаврҳар дода наметавонанд, дар ин роҳ то чораи охири пойдор меиста [200, с. 15].

Особой яркостью и уникальностью обладают те признаки сравнения, которые являются визуальными, так как именно сравнение преследует цель создания и воспроизведения визуальности и наглядности.

Следует подчеркнуть, что модуль сравнения может быть выражен различными средствами:

1. Прилагательным:

Ба рӯи шир барин сафеди Мӯниса тарам-тарам сурхии хун давида, ба чаими падар зеботар, хушодобу ҳалимтар менамояд [219, с. 335]. – (*Белое, как молоко, лицо Мунисы покрылось румянцем, от чего в глазах отца она казалась красивее, воспитаннее и добродушнее*)

He looks as ill as he sounded on the phone [195, с. 56]. - (*Он выглядит таким больным же, каким он казался, когда его голос звучал по телефону.*)

2. Существительным:

Аммо ба ман бисёр нармдилона муомила мекарданад ва монанди бародари худ дустдори менамудан д [219, с. 80].

I don't need to be taught like a child [231, с. 57] (*Нечего меня учить, как ребёнка*)

3. Модуль сравнения, выраженное глаголом:

There were more than a dozen of them and they jumped and kicked like sand fleas [236, с. 128]. (*Их было больше дюжины, и они прыгали и перебирали ножками, словно земляные блохи.*)

Относительно эталона сравнения можно сказать, что именно он устанавливает интенсификацию признака или явления.

Сравнение может быть эксплицитным или имплицитным вследствие использования эталона сравнения [80, с.25]. Проблема эксплицитности и имплицитности была исследована В.А. Кухаренко [89], В.Н. Комиссаровым [79], И.В. Арнольд [8] и другими лингвистами.

Под **эксплицитным сравнением** следует понимать такую конструкцию, в которой присутствует эталон сравнения, выбираемый говорящим. Например: *He runs like wind*. [195, с.723] (*Он мчится, как ветер.*)

А.Д. Швейцер пишет, что «эксплицитное сравнение является явно словесно выраженным сравнением, а имплицитное сравнение только намекает на сравнение, что требует логичности для выявления сравнения между объектами А и В» [159, с. 50]. Относительно **имплицитного** сравнения можно сказать, что здесь в качестве эталона сравнения выступают не конкретные объекты или явления, а обобщённые нормы. Например: *Ин аз хама кори бехтарине, ки ту карда тавонистӣ. –This is the best work you are busy with*. (*Работа, которой ты занят, самая лучшая*) (перевод информантов). Восприятие имплицитного сравнения гораздо сложнее, чем эксплицитного.

Конструкции эксплицитного и имплицитного характера можно встретить в любом языке, однако при их переводе с одного языка на другой зачастую трудно найти подходящие эквиваленты. Поэтому В.Н. Комиссаров утверждает, что соответствие эксплицитного и имплицитного высказываний в различных языках могут быть разными [79, с. 127]. Например, в английском языке есть образный сравнительный оборот «*as agile as monkey*» –ловкий, как обезьяна, который отсутствует в таджикском языке, что является трудным для перевода. *He`ll climb up that tree in a jiffy. He is as agile as a monkey* [234, с. 201]. (*Да он вскарабкается на это дерево в мгновение ока. Он же вертлявый, как обезьяна*) – *Ў ба он дарахт дар як лаҳза чаҳида мебарояд. Ў хеле чаққон аст* (перевод информантов). Мы не можем перевести сравнительный оборот «*as agile as a monkey*» как **маймун барин чаққон**, так как такой образный сравнительный оборот в таджикском языке отсутствует.

Следует отметить, что сравнение может быть авторским, образным или безобразным. При авторском сравнении упоминаются сравнения, которые

обычно выражают плод воображения автора высказывания. Н.Г. Бабенко отмечает, что авторские сравнения – это связывание или сравнение несоединимого и не сравниваемого [16, с. 63]. При образном сравнении, как пишет К.Усмонов, признак предмета одного класса сравнивается с признаком предмета другого класса. Такое сравнение в английском языке номинируется термином «simile». Но когда сравнивается признак двух предметов, относящихся к одному и тому же классу, то это называется словом «comparison». Первый тип сравнения имеет стилистическую направленность [142, с.86-87]. Например: *Maidens, like moths are ever caught by glare* (Девушки, как мотыльки, слетаются на свет) – Ба духтарон чун ба кун ҳамеша бо чаши ми бад нигоҳ мекунад (перевод информантов) (simile). *The boy seems to be as clever as his mother* [241, с.186]. (Мальчик умом весь в мать) – Писарбача худи модараш барин боақл менамуд (перевод информантов).

Следует отметить, что данный языковой феномен выражается не только посредством сравнительных конструкций, но и при помощи придаточных предложений сравнения. Например:

The more I knew of the inmates of Moor House, the better I liked them [225, с. 167]. (Чем больше я узнавал об обитателях Болотного Дома, тем больше они мне нравились).

Аз даҳонам, чунон ки аз нури офтоба бирезад, об мерезад [202, с. 218]

Сравнение может выражаться также посредством суффикса, о чем свидетельствует следующий пример из таджикского и английского языков.

Дар ин маърака ӯ рӯбоҳвор амал мекард [211, с. 97].

He saw a man – like creature about four feet tall. [195, с.758]. (Он увидел мужчину примерно четырёх фунтов роста)

В связи с этим, О.Ф. Шевченко [160], М.И. Черемисина [153] и многие другие учёные-лингвисты считают целесообразным отнести сравнение к сфере функционально-семантического поля, с чем солидарны и мы.

1.2. О понятии «сравнение», его видах и функциях

С лингвистической точки зрения, сравнение представляет собой многогранное явление. Оно, во-первых, обозначает понятие большей или меньшей степени качества. Изучением этой стороны сравнения занимается морфология. Во-вторых, оно, как троп, служит для уподобления одного предмета другому, когда у них имеется один общий признак. Этим занимается стилистика. Эти содержательные аспекты сравнения выражаются различными средствами языка. Е.А. Ефимов обратил внимание на изучение сравнения, опираясь на его стилистический потенциал. Он выявил, что сравнение как синтаксическое явление выражается прилагательными, существительными и глаголами [58, с. 21].

А. В. Ваганов посвятил свою работу исследованию лексико-стилистических аспектов выражения сравнения и, в частности, выявил основные конструкции сравнительных оборотов и их семантику [34, с. 12].

Чаще всего сравнение во многих работах определяется как стилистическая фигура, которая основывается на сходстве и аналогии сближения [6, с. 22], создаёт интерес для изучения особых признаков предметов через указание на другой, соединяющийся с ним, признак [6, с. 30].

Как стилистический приём сравнение служит для передачи иронии. Сравнение как логическое понятие выполняет характеризующую функцию, а как стилистическое явление, придаёт речи образность.

Многие лингвисты разделяют сравнения на логическо-предметное и художественное явление, основываясь на признаках информативности логическо-предметной и экспрессивной сторон предмета [10, с. 16].

По различным видам сравнения проводилось немало исследований. Ж. Дюбуа предложил классификацию сравнения на основании семантического уровня внутри слова. Он относит к логическим или ментальным сравнениям фигуры речи, которые экспрессивно

воздействуют на слушателя. Традиционно сравнения такого рода строятся на основе логической ассоциации [56, с. 330].

В лингвистической литературе разграничивают два вида сравнения: 1) авторское или индивидуальное сравнение, которое создаётся в ходе речи говорящим (пишущим).

Шумо ҳам, ки як фарзанди худашон барин шуда мондед, мулло, албатта гапи маро ба замин намонед[220, с.238]

В данном примере Р.Джалил создал сравнительный оборот **«фарзанди худаш барин»(как собственный сын)**. Такой оборот не зафиксирован во фразеологических словарях таджикского языка, так как данный оборот не является ФЕ.

But the memory of it still was like an electric current over his own brain [228, с. 57]. (*Но память обо всем этом жгла его мозг, как электрический ток*)

В этом примере Д.Кьюсак придумала сравнительную конструкцию **«like an electric current»**. Этого фразеологизма нет в английском языке, и поэтому он является авторским сравнительным оборотом.

В подобных сравнениях почти нет образности, экспрессивности.

2) Образные сравнения, которые носят устойчивый характер и входят в раздел фразеологических единиц языка.

«Who want to eat? Don`t. Do you, Rube? Do you want to eat?» Ar I dun not. Rube`s full as a boot [230, с. 219]. (*Кто хочет есть? Я нет. А ты Руб? Ты хочешь есть? Я так нет. Руб экипирован полностью, как маршал*).-«**Кӣ хӯрдан мехоҳад!**» «**Ман намехоҳам**». «**Ту чи, Руб? Хӯрдан мехоҳӣ?**» «**Намедонам**». **Руб девона барин маст аст**(перевод информанта).

В сравнениях подобного рода имеется образность и экспрессивность.

Авторские сравнения являются субъективными и индивидуальными, а образные сравнения могут использоваться всеми носителями языка. Такие сравнения расширяют мировоззрение читателя или слушателя. Имеются также и авторские сравнения, которые всегда привлекают внимание

слушающего (читателя), так как они являются окказиональными, поскольку в них сравниваются или связываются несоединимые и не сравниваемые понятия и предметы.

Далёкость, неожиданность и, возможно, несравнимость или не сочетаемость сравнения лежат в основе яркости художественного образа, что привлекает внимание читателя. Например:

*Now, honesty and c-c-cardinals – that seems to mean somewhat capricious alliance and rather a nun comfortable one, like shrimps and liquor ice [249 с. 136]. (Итак, честность и кардинал - это выглядит, как какое-то прихотливое сочетание и довольно несуразное, к тому же, это все равно, что подать пропитанный ликером мёд к креветкам). – **Шараф ва кардинал дар якчоягӣ - ин ду чиз ба назари ман ҳодисаи камёб аст: монанди он, ки агар шумо бодиринги шӯрро ба асал молида хӯред** (перевод информантов).*

*She stamped her foot on the ground. «I hate you! » she cried, turning on him with eyes like glowing coals [249, с. 170]. (Она топнула ногой и с криком, «ненавижу тебя!» пронзила его угольками горящих глаз).-**Ў по ба замин кӯфта: “ Ман аз ту безорам!” - гӯён фарёд кард. Чаимонаш ҳамчун ангишти сӯзон шӯълавор гаштанд.***

В первом примере мы видим, что честность не была свойственна кардиналу, и поэтому он сравнивается с не сочетаемым понятием-с солёными огурцами с мёдом или креветками с ликёром (при переводе даются изменённые образы, более характерные для языка перевода). Во втором примере идёт неожиданное сравнение сияния глаз с горением или свerkанием угля. Обычно сияние или свет глаз сравнивается с сиянием солнца, луны или звезды.

Проанализировав данное языковое явление в исследуемых языках, мы убедились, что образ имеет пятиэлементную структуру:

T: Обозначаемое (tenor) – о чём идет речь. В качестве лица или предмета обычно выступает именная группа.

V: Обозначающее (vehicle), т.е. сравниваемое. Оно является предметом сравнения и тоже часто выражается именной группой.

G: Основание сравнения (ground) или его исходные данные. Оно выражает то, что два предмета имеют что-то общее.

C: Грамматические или лексические особенности. Обычно компаратор выражается союзом «like» в английском языке и «чун», «барин» в таджикском языке.

R: Состояние или положение – обычно выражается глаголом.

Рассмотрим связь этих компонентов в соответствии с нашей формулой:

[It^T] [looked^P] [as^C] [light and frail as as tuft of silvery dandelion seed^V]

[flung^G] upon the water - Заврак мисли кокуи нукрагии ба об партофташуда сабук ва нозук метофт [249, с 28]. (Флагман был подобен хрупкому хохолку семени серебряного одуванчика, который был брошен в воду).

[Zita's face^T] [darkened^G] [like^C] [a thunder-cloud^V]. - Руи Зита мисли тумани сиёх шуд. [249, с. 30]. (Лицо Зиты стало мрачным, как туча)

В данных примерах между первым и вторым, т.е. обозначаемым и обозначающим, наблюдается эксплицитное отношение. Это эксплицитное отношение в приведённых примерах выражено при помощи общеизвестного тропа *simile* (қиёс), который лексически выражен предлогом *like* в английском языке и *мисли* в таджикском языке.

Итак, образ может быть выражен словосочетанием, словом и предложением, но он реализуется только в рамках контекста. Образу свойственно иметь экспрессивные, эмоционально-оценочные характеристики.

Только художественным образным сравнениям свойственно обладать стилистическими функциями. Образным сравнениям свойственно иметь следующие семантические характеристики:

Сравнение объекта и эталона, как с различными категориальными семами, так и схожими.

Интенсификация признаков.

Реальность или нереальность признака позволяет реализовывать следующие стилистические функции:

- функция создания образности;
- оценочная функция;
- экспрессивная функция;
- сверх организующая функция

А.И. Фёдоров рассматривает сравнение как самое простое языковое явление, которое образно сопоставляет предметы и явления на основе сходства или тождества [143, с. 93]. И это есть то, в чём заключается суть функции создания образности. По мнению Н.И. Жинкина, образ является «двойной речью», которое непосредственно создается таким языковым понятием, как сравнение. [60, с.78]

Сравнение не только выражает отношения, которые существуют вне зависимости от предмета, но и отражает отношение автора или говорящего к сравниваемому предмету. Например:

Шумо гумон мекунед, ки ҳамеша ҳозира барин монанди гули сурх тару тоза мемонед? [213, с. 369].

..... мӯйлабҳои думи муш борин борикаширо сила карда, ду ангушташиро боло бардошт [213 с. 36].

Нерес ба хучраи зиндон даромадан ҳамон, ҳанӯз фурсати чаши давондан ба атроф накарда буд, ки як маҳбуси қаднасте бо сару бари парешон, чашимони хиратоби туғмача барин хурд ба назди ӯ омад [213, с. 366].

В первом примере молодость и красота автором данного высказывания ассоциируется с нежностью и красотой красного цветка. Цветок есть олицетворение красоты, лёгкости и красочности.

Во втором примере автор высказывания сравнивает тонкость усиков лейтенанта с хвостом мышки. Сравнение такого рода является несколько

грубым, невежливым и неприятным на слух, так как у большинства людей мышь вызывает негативную реакцию.

В третьем примере мы имеем дело с гиперболическим сравнением, так как в данном примере размер глаза заключённого сравнивается с размером пуговицы, что придает высказыванию выразительную экспрессивность.

It was like a spike of iron pushed slowly up through his stomach [204, с. 72]. (Это было всё равно, что железное остриё, проткнувшее его насквозь)

There was only one thing to do : the Doctor hastily wiped his hands on a towel, opened the bathroom door with the clean corner of the towel, threw it back onto bath stool and ran downstairs, barefoot, light as a cat [209, с. 19]. (Оставалось лишь одно: доктор торопливо вытер руки полотенцем, открыл дверь ванной чистым полотенежным уголком, бросил полотенце на скамейку в ванной и побежал вниз, даже не обувшись, с прытью кота).

The sand on the seaward side of the dunes glittered like white sugar in the sun. [209, с. 53]. (Песок на прибрежных дюнах сверкал, как сахар на солнце)

Cunning as serpents and harmless as doves [204, с. 257]. (Хитрые, как змеи, и безобидные, как голубки).

Все эти особенности сравнения находят свое выражение и в четырех примерах из английского языка, где имеются сравнительные обороты «like a spike of iron», «light as a cat», «like white sugar», «harmless as doves»

Как было отмечено выше, у сравнения имеется ряд функций. Одной из основных стилистических функций всех разновидностей сравнения является функция создания образности. Механизмом действия данной функции является сравнение на основе разных категориальных сема. Сопоставление далёких друг от друга предметов, оттенение сходства различных черт сравниваемого предмета делает сравнение неожиданным и запоминающимся. Например:

It was a mere fancy of overwrought nerves; but he was seized with an unutterable dread of its shadowy presence – of the wounded hand, the smiling,

cruel mouth, the mysterious eyes, like deep sea water [249, с. 282]. (Просто это было воображением воспаленных нервов, но он был охвачен невыразимым страхом присутствия его теней - раненой руки, зловещей улыбки, перекошенного рта, мистических глаз, как бездонное море) – Ба чашии Монтанелли дастҳои маҷрӯҳ, даҳони пурханда, чашимони пурасрори ӯ, ки ҳамчу дарёи амиқе буданд, намудор шуда, ба дили ӯ воҳима меандохтанд.

There is a brief pause; then the dining-room door opens like an explosion, and Laura bursts in. [204, с. 257]. (Последовала короткая пауза, затем дверь столовой с треском распахнулась, и Лаура ворвалась в комнату). – Хомӯшии кӯтоҳ; пас дари оишхона таркидагӣ барин кушода мешавад ва Лаура давида медерояд (перевод информантов).

В первом примере мы видим сравнение «конкретности и абстрактности». В основе данного примера лежит сращение или трансформация метафоры в сравнение. Во втором примере имеется гипербола *the door opens like an explosion*.

У сравнения также имеется оценочная функция, которая несёт как интеллектуальную, так и эмоциональную нагрузку. Субъективный авторский подход по отношению к образу или персонажу реализуется в рамках оценочных функций сравнения. Например:

He doesn't know what he's talking about. It's as clear as mud [222, с.91]. -(Он сам не знает, что говорит. Это предельно ясно). Вай намефаҳмад, ки дар бораи чӣ гап зада истодааст. Гапаш мантиқ (сару нӯг) надорад (перевод информантов).

Другой функцией сравнения является экспрессивность. При рассмотрении вопроса об экспрессивной и эмотивной роли сравнения, следует разграничивать понятия «эмоциональное значение» и «экспрессивная окрашенность». Соотношение данных явлений ещё недостаточно изучено. Как пишет М.А. Разинкина, проблема эмоциональности в языке принадлежит к числу наименее разработанных

вопросов, как в области лексикологии, так и в области стилистики [120, с. 105].

Эмоциональность в лингвистическом плане представляет собой направленность языковых средств на конкретную эмоциональную реакцию, вызванную определённым характером экспрессивности [101, с. 55].

Сложность исследования эмоционального явления обусловлена тем, что оценочные моменты трудны для классификации. Нелегко установить градацию силы эмоционального воздействия слова.

М.Н.Разинкина для преодоления этих трудностей проводит разграничение между такими понятиями как «эмоциональное значение», «эмоциональная окрашенность» и «экспрессивная окрашенность».

Экспрессивная функция интерпретируется В.А. Аврориным как функция языка, а эмоциональная функция - как функция речи [3, с. 75].

Под экспрессивностью в лингвистике принято понимать оформленное эксплицитным или сообщённым имплицитным способом свойство языковых единиц осуществлять изобразительно-выразительную функцию при передаче денотативного значения в парадигматическом и синтагматическом плане. Экспрессивность означает выразительность. Данная лингвистическая категория реализуется «прибавлением или накладыванием» особых стилистических оттенков на номинативные значения слова. Традиционно экспрессивная окраска в слове накладывается на его эмоционально-оценочное значение. В результате развития эмоционально-экспрессивных оттенков слово или словосочетание трансформируется в метафору. Например: *choke with anger*(задышаться от гнева) – қахр гүлҗир кардан, to be ready to drop- (находиться на грани+ срыва) – аз мондаги аз по мондан и т.д.

Эмоциональное значение есть способ реализации понятия в слове. Эмоциональное значение реализует выражения самих эмоций, ощущений, вызванных фактами окружающего нас материального мира. Оно, подобно

предметно-логическому значению, является сигналом, т.е. лингвистическим средством сообщения внелингвистического содержания.

Словам свойственно не только называть предмет, но и отражать отношение говорящего к ним. Самостоятельным эмоциональным значением обладают английские качественные прилагательные типа *excellent, great, awful, horrible, brilliant, terrible, wonderful, magnificent, delightful* и т.п. Таковую функцию имеют таджикские прилагательные «*аъло*», «*дилкаш*», «*нафратовар*», «*сархуш*», «*хаячоновар*» и т.д. Часто эмоциональную лексику называют эмоционально-оценочной. Одной из особых черт эмоционально-оценочной лексики считается то, что эмоциональная окраска «прикрепляется» к лексическому значению слова.

Наш языковой материал свидетельствует о том, что существует тесная связь между категорией сравнения и эмотивностью. При рассмотрении вопроса об эмотивности следует разграничивать понятия «эмоциональное значение» и «эмоциональная окрашенность», ибо данные понятия выполняют в каком-то смысле разные функции.

Экспрессивная функция сравнения выражается в двух её разновидностях: *экспрессивно-усилительной* и *экспрессивно-эмоциональной*. Сравнение обладает функцией интенсификации, усиления, акцентирования признака или комплекса признаков объекта посредством сопоставления с эталоном. Если образное сравнение обращает внимание читателя на тот или иной признак объекта посредством сопоставления с эталоном и передаёт образную экспрессию, не раскрывая эмоциональное состояние объекта или автора речи, то реализуется экспрессивно-усилительная функция сравнения. Рассмотрим пример:

They work like automations [204, с. 25]. (*Они работают, как автоматы*) - Онҳо автомат барин кор мекунанд (перевод информантов).

В данном примере «*like automations*» и «автомат барин» входят в разряд экспрессивно-усилительного сравнения, а в примере «*he is as light as*

a butterfly»-*Ū sabūc bārin waznin ast* (перевод информантов) УС «*as light as a butterfly*»(кӯтоҳандеш, одами сабук) и «*сабӯс барин вазнин*» выступают как экспрессивно-эмоциональные ФЕ сопоставляемых языков.

Эти два сравнительных оборота выражают эмоциональное состояние субъекта (he – Ū) посредством усиления его признака и создания образа.

Следующей функцией сравнения является свержорганизуемая. В тексте художественного произведения образное сравнение функционирует не изолировано, а в совокупности с другими языковыми выразительными средствами и приёмами. При этом формируется стилистическая конвергенция – скопление на небольшом отрезке текста ряда стилистических приёмов, выполняющих общую стилистическую функцию. Например:

Бигиряд абр бар гардун

Ба сони дидаи Мачнун[210, с. 65]

(И вопиёт туча в небесах

Как скорбь в Маджнуновых глазах)

In the sky the cloud cries

Like Majnun`s eyes (перевод информантов).

Здесь использованы два тропа 1) *метафора* – *гиряи абр*, под которым понимается превращение тучи в дождь;2) *сравнение* – *падение капель дождя* подобно течению слёз Маджнуна. Здесь происходит стилистическая конвергенция, что делает данный стих А. Рудаки очень выразительным.

Термин «конвергенция» был предложен известным лингвистом М. Риффагером и первоначально появился в стилистике, чтобы выразить специфику многослойного нанизывания стилистических приёмов в пределах ограниченного контекста. В конвергенцию включаются сочетания различных компаративных тропов: сравнение, метафора, метонимия, эпитет и другие. При этом образное сравнение выступает как средство, организующее текст, тем самым реализуя свержорганизуемую функцию.

Таким образом, сравнение в тексте художественной литературы выполняет различные стилистические функции, основными из которых

являются: функция создания образности, функция эмоциональной и интеллектуальной оценки, усилительная функция, экспрессивная и сверх организуемая функции. Эти функции сравнения связаны с выразительностью информации, передаваемой через стилистический приём сравнения.

1.3 Сравнение как объект изучения функционально-семантической категории

Как утверждает Г.С. Щур, в последнее время у лингвистов повышен интерес к полевому подходу, о чём свидетельствуют тысячи статей, диссертационных работ и монографий по данной проблеме. Пик изучения вопроса «полевого принципа системной организации языковых явлений» наблюдался в лингвистике в начале XX века [165, с.12]. Данная тенденция не потеряла свою актуальность и по сей день и неоднократно рассматривалась во многих диссертационных работах, как отечественных, так и зарубежных лингвистов.

В лингвистическом энциклопедическом словаре под редакцией В.Н. Ярцевой мы читаем следующее определение функционально-семантического поля, которое было дано А.В. Бондарко: «Функционально-семантическое поле – система разно-уровневых средств данного языка, взаимодействующих на основе общности их функции, базирующихся на определенной семантической категории» [184, с. 567]. Данное понятие основывается на объединении структурно разноуровневых средств, которые выполняют одинаковую языковую функцию. Следовательно, данный термин предполагает совокупность общих семантических функций, которые выражаются различными языковыми единицами. Итак, функционально-семантическое поле является неязыковым понятием, которое сформулировано на языковом уровне. Огромный вклад в развитие проблемы функционально-семантического поля внёс А.В. Бондарко.

Теория поля впервые была применена А.В. Бондарко по материалам русского языка. В результате своего исследования ему удалось разработать структурную типологию функционально-семантического поля русского языка. [24, с. 21–22].

С исторической точки зрения, понятие семантического поля возникло у неогумбольдтианской школы для обозначения слов или группы слов, которые относятся к одной и той же области представления. В связи с появлением понятия функционально-семантического поля среди лингвистов появляются различные мнения, и возникает полемика при определении понятия «поле».

Термин «поле» в зарубежной лингвистике впервые был употреблён в 1923 году Г. Ипсеном. Исходя из слов Г. Щура, в связи с выходом работы Г. Ипсена, возникает большой интерес к понятию поля, которое Г. Ипсен определяет как «совокупность слов, обладающих общими значениями» [165, с. 8]. Языковым полем считается понятие, которое относится к одной области или сфере. Основоположником теории «поля» заслуженно можно считать И. Трира, так как он разграничил понятия «лексическое поле» и «понятийное поле». Хотя до этого, конечно же, наблюдались некоторые исследования, но они не представляли собой «цельную теорию». После данного разграничения понятия «поле» стали дифференцировать «парадигматические и синтагматические поля».

Вопрос об организации «поля» языка был исследован такими учёными, как В.Е. Гулыга и Е.И. Шендельс [50, с. 27]. Мы думаем, что труды этих лингвистов имеют не только новые теоретические изыскания, но и большое практическое значение, так как данный подход обусловлен естественным речевым общением.

В сферу разработки теории поля внес свой вклад и Й. Трир. Учитывая его заслуги, О.В. Кравец пишет, что «парадигматический подход» к теории поля можно связать с трудом немецкого учёного- лингвиста Й. Трира, а также и Л. Вейсгербера, а «синтаксический подход» с именем Д. Порцига

[82, с. 12]. О.В. Кравец утверждает, что «в зависимости от окружения меняется значение и функции той или иной формы, существенно меняется и лексическое значение того слова, которое выступает в данной грамматической форме» [82, с. 15].

О.В. Кравец также отмечает, что проблема «поля» вплотную изучалась Л.М. Босовой, она дефинирует понятие «поле» как группу слов, которые относятся к одной и той же части речи, с чем мы не согласны [цит по:82,с. 12]. О.В. Кравец считает, что эти единицы относятся к различным уровням языка, однако, им свойственно выражать тождественные и одинаковые значения. Данное явление определяется как «поле» [цит по:82, с.14]. Многие другие лингвисты, следуя его тенденциям, употребляют термин «семантическое поле». З.Н. Вердиева рассматривает поле как группу слов, которые относятся к различным частям речи, но выражают одно понятие [37, с. 4].

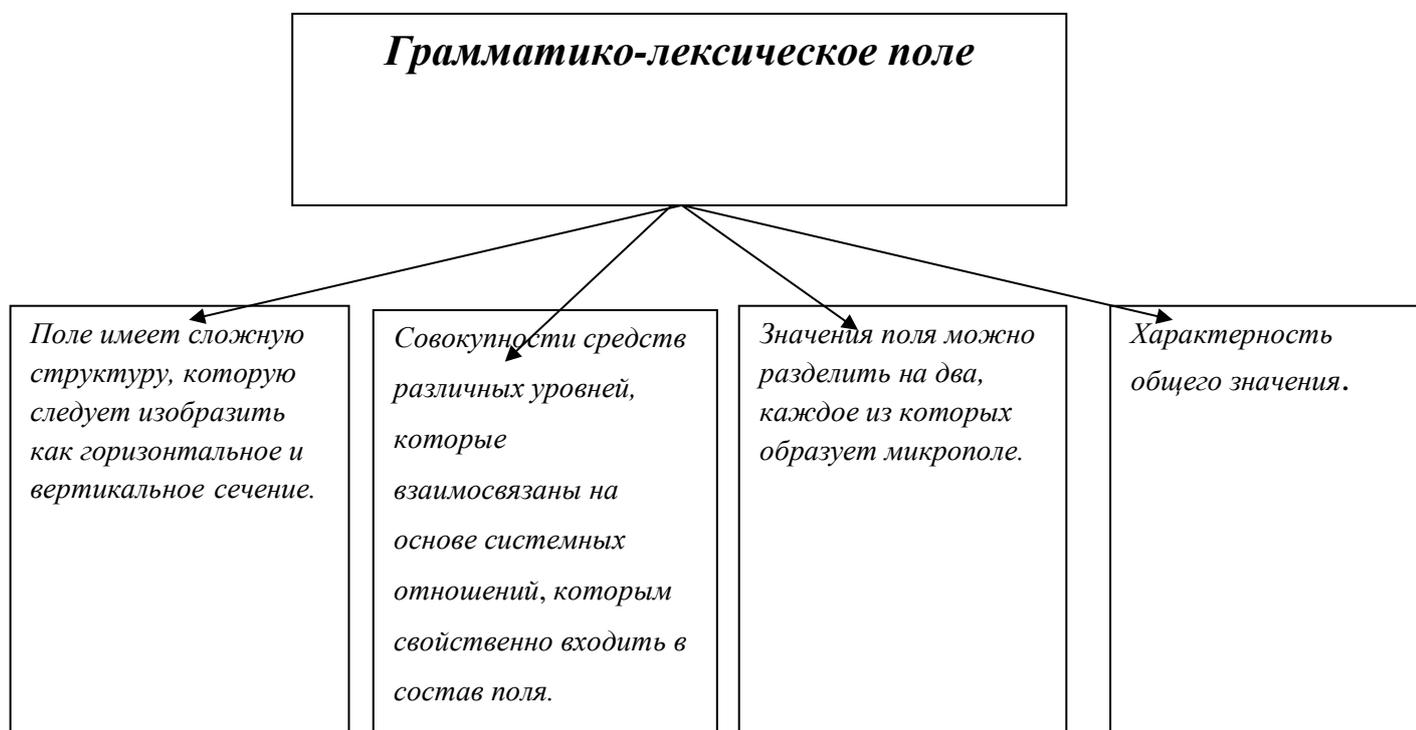
С развитием понятия «поле» всё чаще становится актуальным изучение тех или иных языковых явлений в рамках «функционально-семантического поля», о чем свидетельствует множество научных работ.

Преимущество функционально-семантического подхода заключается в том, что он создаёт условия для изучения языка и его реализации, а также позволяет на практике рассмотреть «языковые средства передачи экстралингвистических явлений и ситуаций» [82, с. 14].

Как утверждает В.Н. Ярцева, функционально-семантический подход создает условия для сосредоточения внимания на различных связях между элементами, которые относятся к различным уровням языка [184, с.22].

М. М. Гухманом поле рассматривается как определенное построение, схема, моделирующая отношения и связи, реально существующие в языковой структуре. Но в отличие от парадигмы, оно не относится к единицам определённого уровня. Межуровневый характер является до известной степени его ведущей характеристикой» [52, с. 62]. Разделяя идею М. М. Гухмана, Е.В. Гулыга и Е.И. Шендельс аргументированно

подчеркивают, что нельзя изучать грамматику, концентрируясь только на грамматических формах, не рассчитывая их формы употребления в процессе естественной речи, где грамматическая форма находится в тесной взаимосвязи с наполняющей её структуру лексикой. Кроме того, эти авторы отмечают, что разнообразие средств лексического и грамматического уровня, которым свойственно выражать общие значения, могут функционировать на основании конкретных закономерностей [52, с.25]. Далее О.В. Кравец заключает, что в «концепции грамматико-лексических полей категория поля определяется как система – грамматико-лексическое поле [82, с. 15]. Исходя из этих слов О.В. Кравец, мы констатируем, что грамматико-лексическому полю свойственны характеристики соотношение которых может быть представлено в следующей схеме: (См. таблицу 1).

О.В. Кравец заключает, что семантические участки микрополя располагаются по горизонтали, а доминанты микрополя располагаются по вертикали. От характера, числа доминант и их расположения зависит вертикальное строение поля [82, с.16].

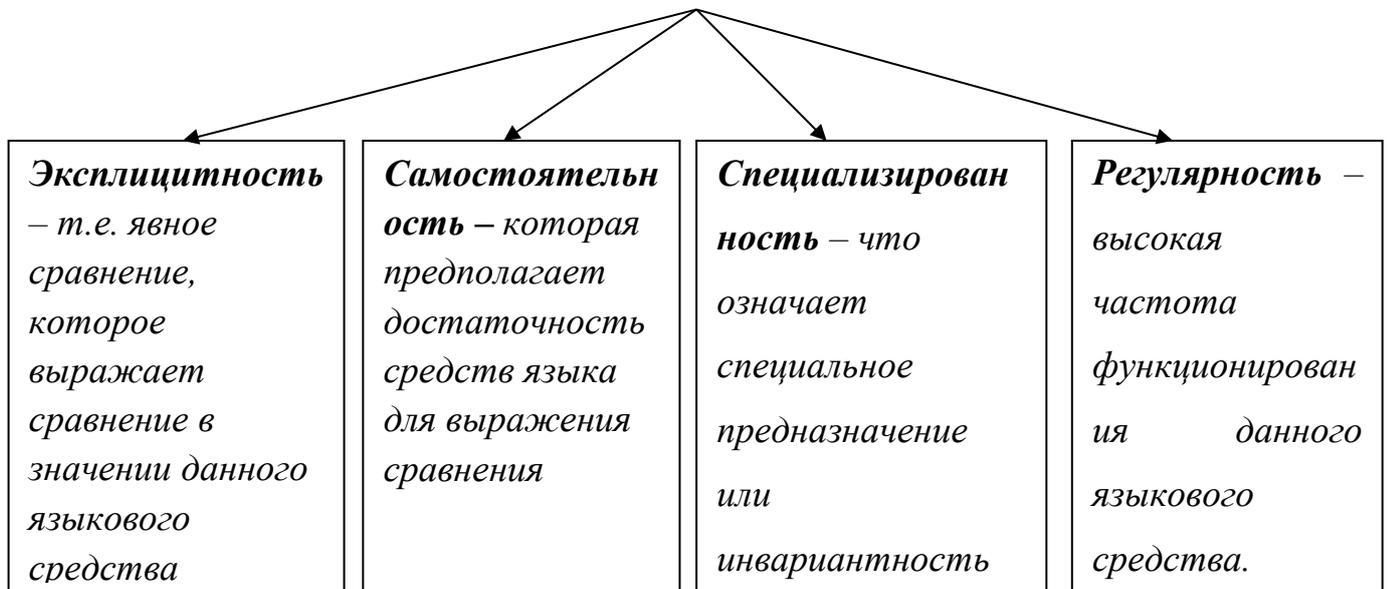
Термин «грамматико-лексическое поле» заменен А.В. Бондарко на термин «функционально-семантическое поле», так как предложенный им термин ориентируется на план содержания данного феномена, а термин, который был предложен Е.В. Гулыгой и Е.И.Шендельс, направлен на план его выражения.

Г.С. Щур рассматривает функционально-семантическое поле как межуровневое явление, которое исследуется им с позиции семантического признака. Исходя из этого, Г.С. Щур утверждает, что функционально-семантическому полю присущи два признака – функциональный и семантический, что позволяет исследовать данное явление в системе [165, с. 64–72].

У функционально-семантического поля имеются центр и периферия, где происходит постепенный переход от центра к периферии. Центр именуется также ядром или доминантой, а периферия - зоной ближнего и дальнего края. Одни учёные утверждают, что данные понятия являются синонимами, другие употребляют разные термины относительно данного понятия.

Так, например, А. В. Бондарко пишет, что «ядро является центром», а другие компоненты представляют «периферию» [24, с. 21–22]. В нашей работе мы будем придерживаться мнения А. В. Бондарко и следовать терминологии, которая была предложена им, при составлении функционально-семантического поля сравнения, в котором можно вылелить четыре критерия, составляющие центр функционально-семантического поля сравнения. (См. таблицу № 2)

**Центр функционально-сематического
поля сравнения**

Следует подчеркнуть, что функционально-семантическое поле является синтезом функционально-семантических микрополей. А.В. Бондарко под микрополем понимает минимальный элемент функционально-семантического микрополя, что имеет свойство выражать сравнение самостоятельно в содержательном плане [24, с. 21]. Микрополю свойственно иметь план содержания и план выражения. Некоторые микрополя состоят из двух элементов: «фон» и «спецификатор». Фон – это элемент микрополя, который определяет его семантическую основу. Фон объединяет несколько микрополей, но не принадлежит этому микрополю.

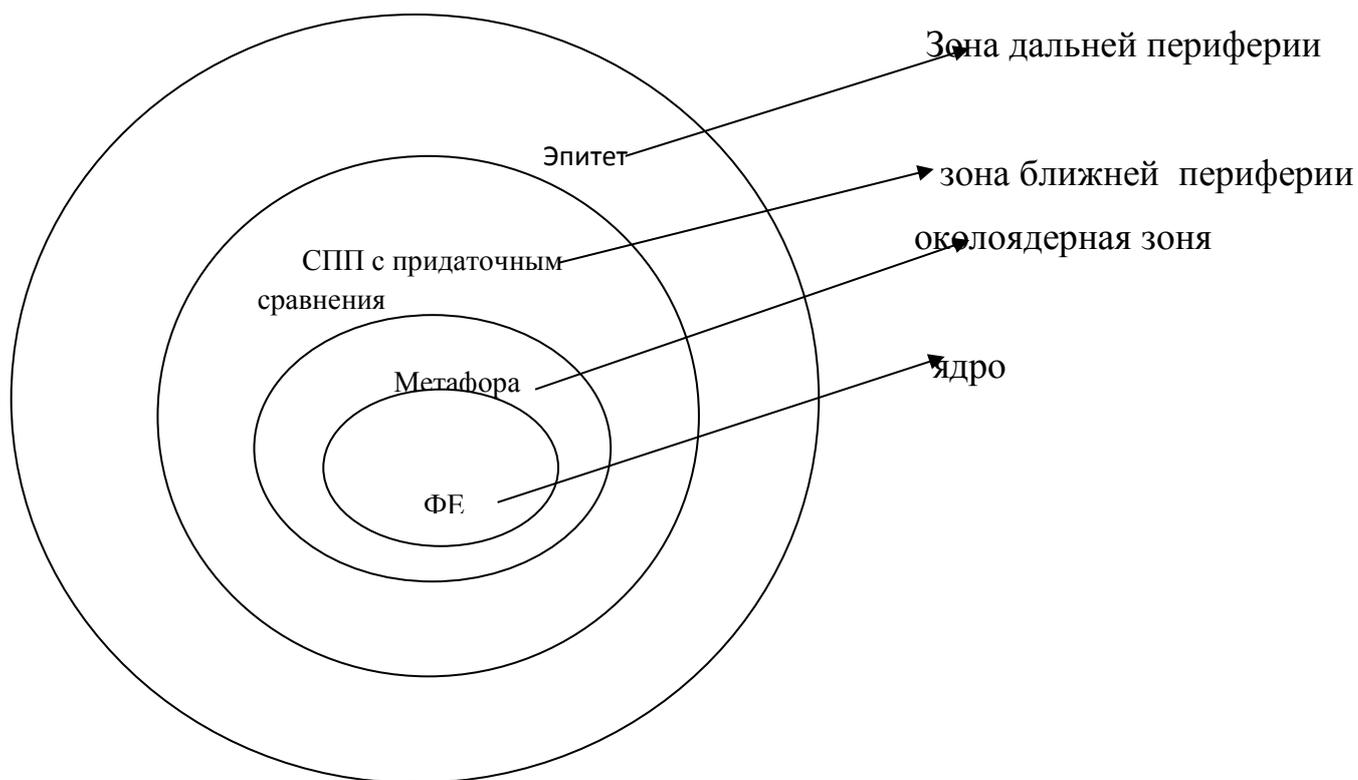
Таким образом, функционально-семантическое микрополе может образовать определённую систему. Как утверждает А.В. Бондарко, они могут быть взаимосвязаны отношениями сходства или различия [24, с. 30]. В рамках микрополя взаимодействуют различные функционально-семантические категории.

Сравнение можно рассматривать как микрополе качественных и количественных отношений. Рассматривая вопрос качества и количества,

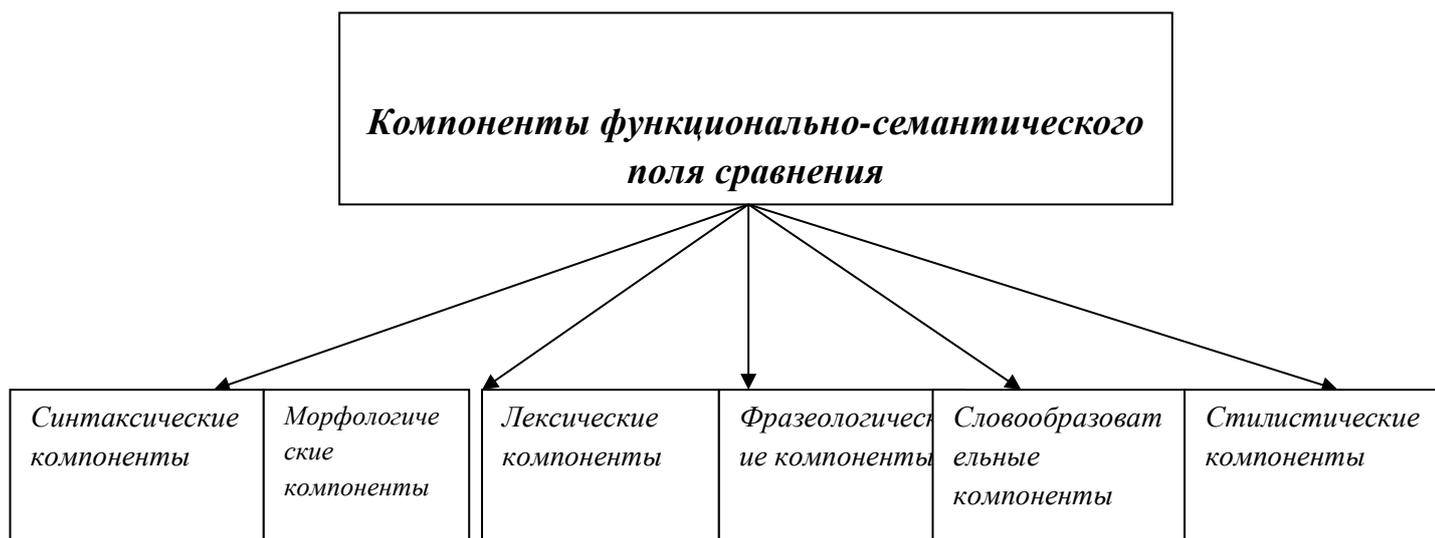
следует помнить, что только после качественного познания предметов, возможно их количественное исследование [80, с. 20]. Предполагается, что данные понятия являются взаимосвязанными, так как каждый предмет является совокупностью качества и количества. А.В. Бондарко рассматривает сравнение как качественное микрополе: количественный элемент меры накладывается на качественную основу, и в результате указанных взаимодействий признаков порождается новое качество. Возможно и другое решение: компаративность может быть истолкована как самостоятельное поле, которое занимает срединное положение между полями качественности и количественности (пересекаясь с тем и другим) [24, с. 6–7]. Оба направления исследования компаративности не противоречат друг другу, а предпочтение отдаётся одному из них в зависимости от цели исследования.

Понятия признака и оценки воедино связаны с категорией качества. Результатом операции сравнения является установление отношений равенства и неравенства. Следовательно, следует разграничивать два типа компаративных отношений: отношения равенства и отношения неравенства. Понятие неравенства в лингвистическом плане может быть представлено как выражение 1) отношения превосходства и 2) отношения инфериорности (более низкой степени представленности признака). Неравенство обязательно предполагает различие. Различие есть один из важнейших типов отношений, определяемых путём сравнения. Различие, как логическая операция сравнения, есть «деятельность мышления, посредством которой достигается познание различий, и эта деятельность получила своё обобщение и выражение в законе противоречия» [80, с. 30].

Итак, сравнение в рамках функционально-семантического поля выглядит следующим образом: (См. таблицу №3).

В функционально-семантическое поле сравнения входят следующие компоненты: (См. таблицу №4).

Выводы к первой главе

Мудрое высказывание «Все познается в сравнении» подчеркивает необходимость исследования средств и способов выражения компаративности во всех языках, в том числе в таджикском и английском языках. Данная проблема привлекала внимание лингвистов и в общетеоретическом плане, и на материале английского языка. Но в таджикском языке она получила очень ограниченную интерпретацию: в изучении степеней сравнения прилагательных и придаточного предложения сравнения. В сравнительно-сопоставительном плане изучены также образные устойчивые конструкции английского и таджикского языков. Такое положение вызывает необходимость более глубокого изучения семантической категории сравнения в таджикском языке, а также и его всесторонней научной интерпретации в сопоставлении с английским языком.

Сравнение является понятием психологического, логического, философского и лингвистического порядков. В лингвистическом ракурсе под сравнением следует понимать средства и способы выражения тождества и различий в качествах, признаках и свойствах предметов, действий и явлений. У сравнения имеется три аспекта: объект, эталон и модуль.

Объект сравнения - это референт сравнения, эталон сравнения - это агент сравнения, а модуль сравнения - это основание сравнения. Объект и эталон сравнения в подавляющем большинстве случаев не принадлежит одному классу, в результате чего проявляется образность и экспрессивность. Сравнение происходит на основе модуля, в роли которого могут выступать цвет, свойство, текстура, характер, размер, запах, объем предмета или образа действия.

Существуют различные виды сравнения: логико-предметные и художественные, что основывается на признаках информативности и экспрессивности сравнительной конструкции. На семантическом уровне сравнение подразделяются на традиционное и ментальное. Также сравнение

классифицируется на традиционные и авторские сравнения. Первый тип также называется образно устойчивым сравнением.

У сравнения имеется ряд функций.

1. Функция создания образности.
2. Оценочная функция.
3. Экспрессивная функция, у которой имеются две разновидности: экспрессивно-усилительная направленность и экспрессивно-эмоциональная направленность.
4. Сверхорганизуемая функция.

Эти функции сравнения связаны с выразительностью сообщаемого, что передается посредством стилистических троп, а также устойчивыми сравнительными конструкциями.

Сравнение в сопоставляемых языках входит в разряд функционально-семантических категорий. Оно образует поле, в которое входят единицы морфологического (формы степеней сравнения прилагательных и наречий), словообразовательного (несколько суффиксов в таджикском и один дериват в английском), фразеологического (устойчивые сравнительные обороты) и стилистического (метафора, сравнение, метонимия, гипербола, антитеза и др.) порядков.

У функционально-семантического поля сравнения есть ядро, околядерная зона, зона ближней периферии и зона дальней периферии. В ядро поля сравнения входят устойчивые сравнительные единицы фразеологического характера.

ГЛАВА 2. ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СРАВНЕНИЯ

2.1. Лексические особенности выражения сравнения в исследуемых языках

Известно, что у языка, наряду с коммуникативной функцией, имеется экспрессивная функция. Эти две функции языка находятся в диалектическом единстве, так как экспрессивные воздействия на слушателя или читателя происходят в процессе коммуникации путём включения в семантико-структурное устройство предложения соответствующих средств языка. Разграничиваются два типа таких средств. В частности, Л.В. Брыкова разграничивает абсолютные и контекстуальные экспрессивные средства [28, с.69]. Мы называем их постоянными и окказиональными экспрессиями. К первому типу относятся такие единицы, которые в языке существуют в готовом виде и обладают эмоциональным содержанием. Например, в таджикском языке функционирует словосочитание *буздил*, которое состоит из двух лексических единиц: *буз* - коза, *дил* - сердце. Данная лексическая единица служит для выражения понятия «боязливый» или «трусливый», т.е. она полностью теряет значение составляющих её компонентов. В результате она приобретает экспрессивное содержание. В английском языке имеется сложное слово *lion hearted*, состоящее из слов *lion* – лев и *hearted* – сердечный. В этом сложном слове заложено совсем иное значение - «смелый», «бесстрашный». В таджикском языке функционирует точно такое же сложное слово «*шердил*», которое имеет то же значение, что и английское «*lion hearted*». И английскому «*lion hearted*», и таджикскому «*шердил*» вне контекста, в своей словарной форме, присуща экспрессивная функция.

В английском предложении *You`ll be the death of me.* [237, с. 188] слово *death* приобретает экспрессивное значение благодаря его окказиональному употреблению в этом высказывании. В данном примере это слово употреблено не в своём исходном значении «смерть», а означает «замучить». На таджикский язык данное слово переводится глаголом

«*куштан*», который передает значение «замучить» и служит экспрессивным целям: *Шумо маро мекушед*. Здесь *мекушед* лишено значения *убивать*, а означает *мучать*.

Рассмотрим следующий пример из таджикского языка:

Акнун ӯ кулӯху карахт, ночунбон меистод [199, с. 80].

Здесь словосочетание *кулӯху карахт* является окказиональным экспрессивным средством, которое было придумано таджикским писателем Рахимом Джалилом. В подобных случаях и следует говорить об окказиональных экспрессивных единицах языка, которые входят в разряд лексических средств выражения сравнения. Их можно назвать скрытыми сравнительными средствами сопоставляемых языков.

Такие единицы, будучи зафиксированными в лексической системе этих языков, служат как экспрессивные средства. Относительно единиц этого разряда профессор И.В. Арнольд пишет: «Экспрессивность слова вытекает на основе семантической или морфологической производности. Исследуя экспрессивные единицы, основанные на морфологических построениях, следует отдельно рассмотреть аффиксы и модели словообразования» [8, с. 50].

Из этих слов профессора И.В. Арнольда вытекает, что в качестве единиц сравнения выступают не только отдельные слова, но и аффиксы, а также сложные прилагательные.

В английском языке функционируют также лексические единицы, которые представляют собой сложно-суффиксальное образование. Наиболее распространёнными словообразовательными лексическими единицами считаются прилагательные, которые образуют сравнительные обороты. Большинство экспрессивных прилагательных имеют реальную базу сравнения, выраженную существительными. Выбор сравнения считается очень существенным для экспрессивных прилагательных. Чем оригинальней является сравнение, тем экспрессивней оно действует на читателя. Существительные, используемые для сравнения, могут обозначать вещества

(milk-white), предметы (razor-shaped), животных и птиц (dove-grey sky, white-mouse appearance, duck-egg blue walls, husky voice), бакалею (ham-pink feet, beet-red painting), фитонимы (oaklike), абстрактные понятия (Hazy bright memory) и т.д.

Рассмотрим далее экспрессивные прилагательные в контексте и выявим их таджикские эквиваленты.

The prince rode a milk-white horse. [195, с. 80] – *Шоҳзода савораи аспии шиур барин сап-сафед бӯд.* (Принц ездил верхом на коне молочной белизны.)

Из перевода данного примера видно, что образование «*milk-white*», будучи экспрессивной единицей, передано на таджикский язык при помощи оборота «*шиур барин сап-сафед*».

He changed his mind after the razor-sharp criticism [195, с. 90]. (Он изменил своё мнение после разящей критик.)- *Баъди танқиди қаламфур барин тезу тунд ӯ фикрашро дигар кард.*

В этом примере образование *razor-sharp* является экспрессивным средством и оно передано на таджикский язык не дословно, а по смыслу при помощи оборота «*қаламфур барин тезу тунд*» или же «*қаламфурвор тезу тунд*».

They were not the ordinary pyramid shaped teeth of most sharks. (Это не были зубы в форме пирамидок, которые обычно бывают у большинства акул). – *Онҳо ба дандонҳои муқаррарии ахромонишакли наҳангҳои дигар шабоҳат надоишанд* [236, с. 80].

Ду босмачӣ, яке серриши маймунқиёфа ва дигаре кӯсаи кампирбашара, ба сари ҳардуяшон рӯймолҳои чиркин то ба ғӯлу карда бастагӣ, ба назди мо омаданд [199, с. 112].

Последний пример из английского языка показывает, что именно форма пирамиды, цвет и даже, может быть, острые углы подсказали автору подобное сравнение. Образование *pyramidshaped teeth* не отображено в толковых словарях, так как оно является неологизмами и собственно авторским изобретением и плодом воображения Эрнеста Хемингуэя.

В таджикском примере какие-то схожие черты лица басмача с чертами обезьяны (*маймунқиёфа*) стали основой для образования столь экстраординарного экспрессивного сравнения.

Ещё два примера:

The sky was dove-gray and the evening air heavy and soft. (Небо было окрашено в голубино-серые тона, вечерний воздух был насыщенным, его мягкость ощущалась) [244, с. 21].

Painting, beet-red, exhausted, they swayed like drunks (Свекольно - красная гамма их рисунков иссякла, их качало, как опьяненных) [244, с. 25].

Allison went to see her after school on winter afternoon, her weak old sherry brown eyes...(Элисон пошла навестить её после занятий в зимний день, на неё глядели слабые старческие глаза, цвета темного вина шерри) [244, с. 40].

В первом примере мы видим, что автор отождествляет серый цвет неба с цветом голубя. При отождествлении цвета голубя и неба автор изобретает новую лексическую единицу контекста как голубино-серый цвет. Во втором примере красный цвет картины сравнивается со свекольно-красным оттенком. Данная экспрессивная окрашенность возникла в силу специфического характера контекста. В третьем примере автор сравнивает глаза Элисон с винно-коричневым цветом. Данное сравнение является довольно оригинальным и эффективно воздействует на читателя. Подобные сравнения передаются в языках как осмысленное явление, которое считается осознанным фактором экспрессивности.

Аз ин чуръат занони дигар шердил шуда, яке ба айбкуню дигаре ба тавалло даромад [219, с. 30].

Ҳомид Собирович Ҳанӯз панҷохунанҷолаи пур набошад ҳам, бо мӯи мошубиринч, чинҳои пешонӣ ва кунҷҳои даҳон аз будаи калонтар метобид [219, с 8].

Приведённые примеры свидетельствуют о том, что экспрессивные прилагательные широко распространяются в контекстах таджикского языка:

В первом примере храбрость женщины сравнивается с лвиным сердцем и его смелостью. Автор обращается к данному сравнению, чтобы произвести экспрессивное воздействие на читателя. Во втором примере выражение *муи мошубиринч* выбирается автором, чтобы сообщить о ранней седине волос Хомида Собировича.

В сопоставляемых языках функционируют также некоторые словообразовательные суффиксы, которые служат для сравнения одного предмета с другим на основе наличия у них одного общего признака. В таджикском языке имеется суффикс «-вор», который служит для образования прилагательного от существительного и придаёт прилагательному значение «подобное». Например:

Чашмони ин духтари понздаҳ-шонздаҳсола дилошӯб ва рухсораи кулчавор сурху сафед буданд [219, с. 61].

В этом примере слово «*кулчавор*» состоит из существительного «*кулча*» и суффикса «-вор», который образует прилагательное. «*Кулчавор*» означает «подобно маленькой лепёшке». В английском языке также имеется суффикс «-like» с подобным значением. Например:

It was a man-like creature about four feet tall [195, с. 759]. (*Это было человекоподобное существо ростом около четырех футов*)-*Он як махлуқи одамсимое буд, ки чор фут қад дошт* (перевод информантов).

Следует отметить, что таджикское «*симо*», как эквивалент суффикса «like», не входит в разряд суффиксов. Эта единица является словом со значением «облик».

В таджикском языке имеется также суффикс «-гун» со значением сравнения. В частности, этот суффикс образует прилагательное *нилгун* (как цвет индиго, тёмно-синий) от существительного «нил» (индиго – краска). Например:

Ин манзара дар пеши назари тамошобинон нилгун метобид [208, с. 218]. (*Этот ландшафт предстал перед взором публики в тонах индиго*)-*This landscape looked like indigo before the sight of the audience* (перевод

информантов).

Как видно, суффикс «-гун» переводится на английский язык при помощи предлога «like» нилгун-like indigo.

В таджикском языке функционируют также суффиксы «-сор», «-осо», «-ваш», «-фам», «-сон», которые, употребляясь с отдельными существительными, образуют прилагательные, указывающие на схожесть одного предмета с другим, выражаемым корневым существительным, с какой-то стороны [63, с. 197]. Например: *Оби нукраосо-дословно: вода, подобная серебру; духтари париваш-девушка; подобная фее; дили бахргон - буквально сердце, подобное морю; одами хоксор-буквально; человек, подобный земле).*

Эти словосочетания можно перевести на английский язык следующим образом: *оби нукраосо-silver-like wate; дили бахргон- open hearted(person); одами хоксор-a modest man(a man like soil-дословно); духтари париваш-a girl like fairy.*

Из перевода производных прилагательных таджикского языка на английский язык вытекает, что почти все таджикские суффиксы с сравнительной семантикой передаются в английский язык при помощи союза «like» и изредка посредством суффикса «like».

Итак, анализ вышеуказанного теоретического и практического материала показывает, что экспрессивные прилагательные, кроме информативной функции, служат для выражения человеческих мыслей и чувств, являются экспрессивным средством выражения мыслей. Зачастую между компонентами выразительных средств английского и таджикского языков обнаруживается алломорфизм, т.е. они являются неэквивалентными лексическими единицами.

Что касается суффиксального способа выражения сравнения, то языковые словообразовательные средства английского языка ограничены, в то время как в таджикском языке таких средств много. Поэтому суффиксальный способ сравнения таджикского языка передаётся на

английский язык синтаксическими средствами.

Сравнение как в английском, так и в таджикском языке, может выражаться также лексическими средствами. Сюда относятся следующие лексические единицы английского языка и их таджикские эквиваленты:

To resemble (напоминать) – *ҳаммонанд будан, шабоҳат доштан*

To seem like (казаться чем-то) – *ба назар чунин вонамуд шудан, ба назар мисли чизе намудан.*

To be like (походить) – *монанд будан ба*

Alike (словно) – *мисли, монанди* и т.п.

Например: *The photograph does not look like her at all* [195 736]. (На фотографии она совершенно не похожа на себя). – *Ин сурати ӯ умуман ба вай монанд нест.*

.....where the live-oaks grew more widely apart and seemed more like forest trees in their bearing and dimensions [249 с. 136]. (...где натуральные дубы росли на широком расстоянии друг от друга и больше походили на лесные деревья своей статностью и размером). *Дубҳои ҳамешабаҳор он қадар зич нарӯидаанд ва аз рӯи танаи худ онҳо на ба бутта монанд буданд ва на ба дарахтҳои оддии ҷангалӣ* [205,с. 120].

They are not twins but they're very like [195, с. 723]. (Они не близнецы, но производят впечатление близнецов). – *Онҳо дугоник нестанд, вале хеле монанд мебошанд.*

She resembles her brother in looks [195, с. 1073]. (Она напоминает своего брата по тому, как она смотрит). – *Ӯ аз рӯи нигоҳаш ба бародараш монанд аст.*

Итак, в первом предложении мы видим, что лексическая единица *look like* придаёт предложению сравнительный характер. Здесь автор высказывания сравнивает внешность женщины с её фотографией. Во втором предложении автор подчёркивает возраст дуба и указывает на то, что эти дубы похожи на лесные деревья. В третьем примере сравниваются два лица и подчёркивается, что несмотря на то, что они не близнецы, они очень похожи.

В четвёртом примере сравниваются черты брата и сестры, отмечается, что они похожи только по взгляду.

Наш фактологический материал свидетельствует о том, что союзы «like», «as.....as», «as if», «as though», «as» служат для выражения категории сравнения в английском языке:

*The captain, for his part, stood staring at the signboard like a bewildered man [248, с.21]. – **Капитан аз ҷониби худ девона барин рост истода, ба овеза нигоҳ кардан гирифт.** (Что касается капитана, он стоял, как вкопанный, уставившись на вывеску, и выглядел как чем-то обескураженный человек).*

В данном случае «like» передается в таджикском языке союзами «барин» или «мисли». В обоих языках «like» и «барин» служат для сравнения действия субъекта (captain – капитан) с действием объекта сравнения (bewildered man – одами гумрох, девона)

В примере «*He does not play half as well as his sister*» [195, с. 56]. (У него нет и половины способностей его сестры к музыке). – **Ӯ ними хоҳараш барин хуб бозӣ карда наметавонад** (перевод информантов) союз «as...as» соответствует таджикскому слову «барин». Эти единицы сопоставляемых языков служат для сравнения действия двух лиц – брата и сестры.

В предложении «*He rubbed his eyes and yawned as though (as if) waking up after a long sleep*» [195, с. 57]. (Он протёр глаза и зевнул, как будто бы проснувшись после долгого сна). – **Ӯ чашмонаширо мемолид ва хамёза мекашид, гӯё ки аз хоби тӯлонӣ бедор шуда бошад** (перевод информантов) «as though (as if)» соответствует таджикскому союзу «гӯё ки». В обоих языках эти единицы служат для сравнения двух действий лица «he-ӯ» с действием человека, проснувшегося после длительного сна.

2.2. Фразеологические средства выражения сравнения в исследуемых языках.

Значительное и особое место во фразеологической системе любого

языка занимают сравнительные конструкции. Устойчивые сравнения фразеологического характера (в другой терминологии – компаративные фразеологизмы) не раз становились объектом исследования как на материале одного языка, так и в сопоставительном плане. Однако данная тема не была изучена в сопоставительном аспекте на должном уровне и, в частности, на материале английского и таджикского языков.

Под устойчивыми сравнительными конструкциями мы, вслед за И.И. Чернышевой, понимаем устойчивые и воспроизводимые сочетания слов, фразеологическая специфика которых основывается на традиционном сравнении [155, с. 200]. Таким фразеологизмам присуща неразложимость лексического состава и устойчивость семантической структуры. И косвенно-номинативное значение. М.А. Кондратьева считает, что «устойчивые сравнения считаются как закреплённые в языке структуры, со сравнительной конструкцией которые отображаются и применяются в готовом виде. Они могут быть использованы в потоке речи как готовые шаблонные единицы [80 с. 163]. По мнению Н.М. Сидяковой, устойчивые сравнения являются оборотами с частично переосмысленными компонентами. Первый компонент сравнения, кроме нескольких случаев, всегда употребляется в буквальном значении. Образность таких словосочетаний возникает благодаря тому, что в речи сравнение относится не к тому денотату, т.е. не к тому классу предметов, явлений или лиц, который обозначает его второй компонент, например, *he is as brave as a lion*. Образность создаётся благодаря сравнению человека со львом, но, если сравнить львицу со львом, образность исчезает [129, с.20]. Мы, полностью соглашаясь с данным определением этого типа фразеологических единиц, даем им название «устойчивые сравнения» (далее в сокращенной форме УС).

Устойчивые сравнения представляют собой двух– или трёхкомпонентную структуру: *as + N; like + N* и в английском языке, *N + барин, N + мысли* и *чун+ N + adj* в таджикском языке.

Like (as) + существительное в английском языке:

like a lamb (чун баррача), *like a leech* (мисли шуллуқ), *like cat and dog* (мисли мушу гурба), *like the back of one`s hand* (мисли панҷ панча), *like a slave* (чун зулом), *like a bird* (тир барин), *like a pig* (хук барин) и т.д. [196...]

N+барин (чун) или чун (мисли)+N в таджикском языке:

баррача барин [189,с . 30], *кана барин* [189, с. 80], *сагу гурба барин* [189, с.40], *панҷ панча барин* [198, с. 803], *кулӯх барин* [189, с.600], *бача барин* [198, с.40], *хар барин* [189,с. 83] и т.д.

as + adj + a s+ N в английском языке.

As cool as cucumber [183. с. 233] (гунг барин), *as white as snow* [183 с. 1184](барф барин сафед), *as black as a crow*(шаб барин торик)[183 с. 103], *as chaste as ice*[183, с. 185](чун мусичаи бегунох), *as cold as ice* [183 с. 209](ях барин), *as blind as a bat* (аз пашиа хира)[169 с. 106], *as tired as a dog* [183, с. 289](саг барин давидан) и т.д.

N + барин+ adj в таджикском языке:

ях барин хунук (холодный как лед); *барф барин сафед* (белый как снег); *гург барин гурусна* (голодный как волк) и т.д. [14 с. 16].

Вот несколько примеров с УС в английском языке и их таджикскими эквивалентами.

Corelius remained as mute as a fish object, but faithful to his purpose [226, с. 211]. (Корелиус оставался нем как рыба, но верен своей цели). – *Корнелиус ба даҳонаш об гуифтаги барин хомӯшу хузнангез, вале ба мақсадаш боэътимод монд* (перевод информантов).

«*Never mind Di*», said Paddy. «*He`s deaf as a stone anyway*» («Да не беспокойся ты так, Ди, - сказал Пэдди. - Да он глухой все равно). – [230, с. 50]. «*Парво накун, Ди, – гуфт Педди, – ў ба ҳар ҳол гӯши ману девори қиёматро мемонад*» (перевод информантов).

You don`t flatter your new job. You`re thin as a tack. [227, с. 18]. (Ты не обольщайся насчет новой работы. Ты в ней мало что смыслишь, как лиса в апельсинах.) –*Ту кори наватро беҳуда таъриф макун. Ту пилтакаш баринӣ* (перевод информантов).

He looked in, bold as brass, and asked me to lend him £50 [195, с. 123]. (Он бесцеремонно просунул голову в комнату с бесстыдством наглеца и попросил меня одолжить ему 50 фунтов). – Вай гов барин даромада омад ва аз ман 50 фунт стерлинг қарз талабид (перевод информантов).

В первом примере употреблено УС **«as mute as a fish»**, которое служит для сравнения действия Корнелиуса с действием предмета другого (нечеловеческого) класса, в результате чего возникает образное сравнение. В качестве средства сравнения выступает английский парный союз «as...as», который соответствует таджикскому послелогу «барин». В таджикском языке также сохраняется образность, так как в нём нет фразеологизма «моҳи барин гунг». Для выражения значения молчаливости таджики используют конструкцию «ба даҳонаш об гирифтагӣ барин» (как в рот воды набрал).

Во втором примере имеется УС **«deaf as a stone»**, которое обозначает **«совершенно глухой»**, или **«глух как пень»**. В таджикском языке не говорят **«чун санг кар»**. Вместо него для обозначения понятия **«совершенно глухой»** таджикский язык использует оборот **«гӯши ману девори қиёмат»**, которое дословно переводится **«моё ухо как стена Страшного суда»**. Несмотря на структурное разнообразие УС сопоставляемых языков, смысл остаётся тождественным. Это говорит о том, что языки мира для выражения одного и того же образного смысла большей частью употребляют различные УС, что обусловлено культурологическими и ментальными различиями.

В третьем предложении употреблено УС **«thin as a rack»**, которое служит для описания состояния субъекта (you), чья фигура уподобляется рукоятке граблей, которая считается очень худой. Для выражения такого образного уподобления формы лица таджикский язык использует конструкцию **«пилтакаш барин»**. Слово «пилтакаш» обозначает инструмент, который используют при вышивании тюбетеек, и он состоит из маленькой круглой ручки, сделанной из дерева и из длинной проволоки толщиной с иголку.

Как видно, в обоих языках стержневой компонент образной сравнительной конструкции (you – my) совпадает, однако зависимый компонент выражен различными словами. Им в таджикском языке является «пилтакаш», а в английском языке «rack».

В четвёртом примере использован устойчивый сравнительный оборот *«bold as brass»*, который соответствует таджикскому УС «гов барин». Эти два оборота сопоставляемых языков служат для уподобления действия лица поведению бесстыдника, нахального человека.

Из анализа вышеприведенных примеров можно сделать вывод о том, что функция устойчивых сравнений заключается не в номинации предмета, а в выражении его специфических признаков. Так как данная функция реализуется путём образности, то эти единицы большей частью обладают специфическим для каждого языка компонентным составом, отражающим национальную культуру и мировоззрение. По мнению Л.А. Лебедева, устойчивые сравнительные обороты следует включить «в коннотативную зону языковых картин мира», что требует исследования данного явления в аспекте культурного эталона и стереотипа» [92, с. 40].

Анализ фактологического материала из сопоставляемых языков свидетельствует о том, что лингвистические процессы, которые лежат в основе образования устойчивого сравнения в обоих языках, во многом не идентичны. Устойчивые сравнения преследуют цель создания обобщённого образа, приписываемого данному объекту. В качестве этого образа выступает определённый признак, который является общим для сравниваемых предметов. Значение таких единиц является достоянием языка, и их появление и использование связано с культурой, бытом, мировоззрением, традициями каждого народа.

Исследуя экстралингвистические факторы возникновения устойчивых сравнительных оборотов в языке, Е. Н. Толикина справедливо считает, что фразообразующую струю языка питает множество внешних источников. Все сферы материальной и духовной культуры человечества оставили свой след

во фразеологическом составе языков, и во многих случаях составляют пласты интернациональной фразеологии. История, этнография, культура и народная мудрость считаются неиссякаемыми источниками пополнения словарного состава во всех языках [139, с.60].

В английском и таджикском языках такие сферы, как *человек и части его тела, животный и растительный мир, явления неживой природы и предметов, названия птиц и частей их тела, насекомые и пресмыкающиеся, названия мифических существ, номинанты качеств и признаков, глаголы, выражающие движение*, послужили основой для возникновения устойчивых сравнений (УС) фразеологического характера [14, с. 20].

Ниже приводим образцы таких УС в английском и в таджикском языках, где в качестве ядра сочетаний выступают слова, относящиеся к различным тематическим группам.

Названия животных, части их тела: образные сравнительные обороты с названиями животных или же их частей тела широко используют в английском и таджикском языках. Считается, что устойчивые сравнения данной структуры функционально соотносимы с прилагательными, т.е. это такие ФЕ, стержневым компонентом которых является прилагательное. Такие устойчивые сравнительные обороты состоят, в основном, из соединительной единицы (*as – мысли, чун, барин*), стержневого и зависимого компонентов. Стержневой компонент выражается прилагательным, а в качестве зависимого компонента выступает существительное. Для таких оборотов в английском языке имеется модель: (*as*) + *Adj*+*as*+*N*). Эта модель соответствует таджикской модели *чун* (мысли) +*N* + *Adj* или *N* + *барин* + *Adj*.

Например: *As coward as a hare* (харгӯш барин тарсончак); *as weak as a cat* (*пашиа барин беҳол*); *as brave as a lion* (шер барин *ҷасур*); *as fast as a hare* (шамол барин тез); *as gentle as a lamb*(пахта барин нарм) и т.д.

Примеры из таджикского языка: *чун харгӯш тарсончак, чун гурги бориндида, мисли мурғи посӯхта, мисли аспи қашқа и т.д.*

Рассмотрим данные устойчивые сравнения в контексте.

Кабиров мисли мурғи посӯхта ба чор тараф медавид [189, с. 640].
(Кабиров бегал туда - сюда, будто угорелая курица).

There was a sudden scuffle, a sound of blows, and outburst Abraham Gray with a knife cut on the side of the cheek, and came running to the captain like a dog to the whistle [248, с. 150]. (Была внезапная драка, звук удара и разгневанный Абрахам Грей, у которого был шрам на щеке от ножа, прибежал к капитану так быстро, словно собака на свист(команду)).

В первом примере автор сравнивает Кабирова с угорелой курицей, чтобы передать адресату, как быстро и обеспокоенно он принимает определённые меры для достижения своей цели.

Во втором примере автор употребляет устойчивое сравнение *like a dog to the whistle* (как собака на свист), чтобы подчеркнуть немедленную реакцию Абрахама Грея на драку. Вышеприведенные устойчивые сравнения из сопоставляемых языков характеризуются своей экспрессивностью.

Разные народы в качестве единицы сравнения берут один и тот же признак какого-либо животного. В частности, у осла выделяют его упрямство (*хар барин якрав – stubborn as a mule*), у муравья – трудолюбивость (*industrious as an ant - мӯрча барин меҳнаткаш*), у собаки – верность (*сағ барин вафодор – faithful as a dog*) и др. В таджикском языке можно встретить единичные УС с компонентом, обозначающим один из отличительных признаков таких животных как: *кабк, пашиша, занбӯр, гоз, хурӯс* и т.д.

Некоторые УС имеют одну сравнительную конструкцию, но при этом меняется лишь эталон сравнения. Рассмотрим следующий пример: *as busy as a bee* имеет несколько вариантов в английском языке (также. *Busy as a beaver*, или *as a hen with one chicken*; амер. *busy as a cockroach on a hot stove* или *as a one-hand paperhanger*) – трудолюбивый, меҳнатдӯст [183, с. 148].

Человек и части его тела. В данную категорию входят УС, с правой стороны которых располагается слово, которое называет должность, социальный статус, ремесло лица. Рассмотрим примеры в сопоставляемых языках:

В английском: *like a slave, as happy as a king, like a thief, like the Queen, as happy as larry, like a corpse* и т.д. [196].

В таджикском: *чун арӯс, Мачнун барин, Хотами той барин, чун гавҳараки чаши, чун дар кафи даст* и т. д.

Обратимся к примерам устойчивых сравнений, служащих для сравнения определённых признаков, свойств и действий человека или частей его тела с свойствами и действиями не лиц.

.....tell him he`s safe, and he`s as happy as a king [246, с. 218]-(..... *передай ему, что он вне опасности, так что пусть будет счастлив как король*).*Ба ӯ гӯй, ки хатаре ӯро таҳдид намекунад, ӯ чун шоҳ хушбахт аст* (перевод информантов).

He runs like the wind [195, с. 72].(Он *мчится как ветер*) – *Ў шамол барин мешитобад* (перевод информантов).

Агар алоқаи бозча ва оила монанди гӯшту нохун бо ҳам пайваста набошад, дар тарбияи бача муваффақият ба даст овардан мумкин нест [189, с. 542]. (Если контакт родственников с детским садом формален, и они не смотрят на него, как на второй дом ребёнка, то говорить о полноценном воспитании детей не приходится). – *If the contact of the relatives with kindergardens is not like bone of each other`s bone it is impossible to succeed in a child`s upbringing* (перевод информантов).

Зани ҷавонаширо чун гавҳараки чаши азиз дошт[220, с.189]. –(Он оберегал свою молодую жену *как зеницу ока*). *He took care of his young wife as the apple of his eye* (перевод информантов).

В первом примере **«as happy as a king»** является образным сравнительным оборотом английского языка, которое служит для сравнения (уподобления) жизненных условий некоего субъекта (he) с жизненными

условиями короля. Такого оборота в таджикском языке нет. Поэтому пришлось прибегнуть к кальке данного УС на таджикский язык.

Во втором примере УС *«like the wind»* является неотъемлемой собственностью английского языка. Оно не имеет своего эквивалента в таджикском языке. Данный оборот служит для выражения способа (быстроты) совершения действия субъекта. Ввиду отсутствия такого оборота в таджикском языке, он переводится посредством кальки.

В третьем примере имеется таджикский сравнительный оборот «монанди гӯшту нохун», который служит для выражения условия совершения действия. Данный оборот имеет свой эквивалент в английском языке. Он в нашем переводе преследует ту же цель, что и его таджикский аналог.

В последнем предложении употреблено таджикское УС «чун гавҳараки чашм», которое служит для сравнения отношения субъекта действия «азиз доштан» с отношением человека к зрачку своего глаза. Такого образного сравнительного оборота в английском языке нет, он переведен как *the apple of one`s eye*.

Признаки природы, природных явлений и ресурсов. В данный лексико-тематической разряд УС входят названия и признаки явлений природы: земля, воздух, небо, дождь, гром, молния и т.д. Например:

в английском: *As changeable as the weather, as bright as the day, sink like a stone, like a mountain u m.ð*;

в таджикском языке: *кӯҳ барин, чун обу ҳаво зарур, санг барин вазнин и чун офтоби сари кӯҳ*. Например:

The man flung the parcel over the bridge and it sank like a stone into the dark waters[235, с. 87].(Человек швырнул свёрток, перекинув его через мост, и тот исчез в темных водах, как брошенный камень). –Он мард бастаро аз болои пул ҳаво дод ва он санг барин ба оби тира фурӯ рафт.

It was plain that all would be as bright as day and our departure exposed to the eyes of any watcher. [248, с. 9]. (Нельзя было не понять, что всё

откроется(станет ясным как белый день) , в том числе и наш отъезд, который будет проходить у всех на глазах). – *Маълум буд, ки ҳамаи ин рӯз барин равшан мешавад ва сабаби рафтани мо ба ҳама аён мегардад* (перевод информантов).

Тоҷикон, ки халқи сурлҳнарваранд, сулҳу амониро барои башарият чун обу ҳаво зарур мешуморанд [206, с. 6].(Поскольку таджикимирололюбивая нация, для них мир и залог мира так же необходимы, как воздух и вода). – *As Tajiks are peaceloving people, they consider peace and security necessary as air and water* (перевод информантов)

Аҳрор-амак офтоби сари кӯҳ аст, мо бояд ўро эҳтиром кунем, нисбати ў гамхорӣ намоем [208, с. 62].(Дядя Аҳрор подобен лучам солнца, освещающим гору, а потому мы должны уважать его и заботиться о нем). – *Uncle-Ahror is like rays of the sun shining over the peach of mountain, that's why we must respect and take care of him* (перевод информантов).

В первом примере имеется английское УС «to sink like a stone», которое отсутствует в таджикском языке. Поэтому оно передано на таджикский язык путем кальки. Данный образный сравнительный оборот служит для сравнения эффекта летящего в воду свёртка с падением камня в бездну вод. Ср: to sink like a stone – санг барин ба об фурӯ рафтан, где места расположения компонентов крайне противоположны.

Во втором примере употреблено английское УС «as bright as day», которое соответствует таджикскому обороту «рӯз барин равшан». Эти две синонимические единицы сопоставляемых языков служат для образного выражения способа преобразования определенного состояния субъектом данного состояния.

В первом таджикском примере «*чун обу ҳаво зарур*» служит для выражения степени необходимости совершения действий борьбы за мир. Данный устойчивый оборот не существует в английском языке, поэтому он был переведен дословно: *чун обу ҳаво зарур* – necessary as air and water.

Во втором таджикском предложении употреблено УС «*чун офтоби сари кӯҳ*», которое не существует в английском языке. Поэтому оно подлежало калькированию. Таджикское УС и его английский эквивалент служат для сравнения степени старости Ахрор-амака, которая подобна уходящему солнцу.

Названия растительного мира, т.е. фитонимы. К данной категории относятся УС, в состав которых входят названия растений, деревьев, трав и других компонентов флоры. Например, в английском языке: *coconut – as a coconut, berry – as brown as berry, grass – as green as grass*.

В таджикском языке: *себ - чун як себи дукафон, хас – хас барин, ниҳол – ниҳол барин, тут – тут барин рехтан, гул – гул барин* и т.д. Например:

Well, well you`re brown as a berry [239, с. 217]. (*Ладно, ладно, ты вполне созрел для дела, как спелая ягода*). – *Хӯ-хӯ, рангат мағзи донак барин шудааст* (перевод информантов).

I was green as grass when I left here[235, с.116].(*Я был зеленым юнцом, когда уехал отсюда*). – *Вақте ки ман ин ҷойро тарк кардам, чун бачаи нодон будам* (перевод информантов).

Нисфи зиёди авлодамон дар байни ду-се ҳафта тут барин рехт [212, с.118].(*За две или три недели ушло целое поколение*). – *During two or three weeks more than generation passed away all at once* (перевод информантов).

Ин дугоникҳо чун як себи дукафон буданд[220, с. 97].(*Близнецы походили друг на друга как две капли воды*). – *The twins were as like as two peas* (перевод информантов).

В этих примерах между сопоставляемыми языками имеются существенные различия как в компонентном составе, так и в образности этих сравнительных оборотов. В частности, в УС «*чун як себи дукафон*» и «*тут барин рехтан*» экспрессивность выше, чем в УС «*brown as a berry*» и «*green as grass*».

Названия отдельных предметов материального мира: *cross as two sticks* (*табъи хира-быть не в настроении*), *loose as a rope of sand* (*сару нӯгаи гум-обманчивая иллюзия*), *certain as a rising sun* (*шакку шубҳа надоштан-придет столь же непреложно, как и завтрашний день*), *like a clock* (*амиқу дақиқ- по нему можно часы сверять*), *word hurts more than a wound* (*сузан аз шамшер тез аст-слова разят сильнее, чем боль от раны*), *сурат барин истодан*(*to be motionless- стоять как истукан*), *оина*(*об*) *барин шаффоф*(*clear as day-ясно как божий день*), *санг барин шах шудан* (*to stand motionless*), *қулӯхи бачаим барин*(*to be a blockhead- быть болваном*), *гӯр барин торик*(*dark as midnight*) и др. Например:

We got out of bed backwards, I think for we`re as cross as two sticks [230, с. 218]. (*Мы встали поздно, думаю, потому что были не в духе*) – *Ба назарам мо аз хоб дер хестем, зеро табъамон хира аст* (*перевод информантов*).

The lawyer`s speech was loose as a rope of sand [240, с. 21].(*Речь адвоката лишь создавала иллюзию защиты*). –*Сухани ҳуқуқшинос бесару нӯг буд*(*перевод информантов*).

Аз ин аҳвол дар ҳайрат афтода, монанди сурати девор ба кунҷ истода буд [198 с. 646]. (*Будучи пораженным сложившейся ситуацией, он стоял в углу как вкопанный*). –*Being surprised of this situation he was standing motionless at the corner* (*перевод информантов*).

Ин хабари шумро шунида Қоришикамба санг барин шах шуда монд [203, с.211].(*Услышав эти дурные вести, Коришикамба стоял как истукан*). –*Having heard this bad news Korishikamba stayed motionless*(*перевод информантов*).

В этих примерах образность сравнения в сопоставляемых языках большей частью не совпадает, и их структура во многом неоднородна.

Названия артефактов и блюд. В данную категорию входят УС, в первой части которых упоминаются артефакты (материальные предметы, созданные человеческими руками) или блюда.

В английском языке: *pin – as clean as a pin* (хеле тоза-чистый как стёклышко), *axe – savage like a meat axe* (оташин, хаимгин-разъяренный зверь), *needle – as sharp as a needle* (мулоҳизакор, чаққон- острый как игла), *speak like a book* (гани китоби задан-передавать неопровержимые сведения), *cut like a knife* (тез задан(ба дил)-резать по живому), *go like hot cakes*(расходиться тут же, как горячие пирожки) и т.д.[196].

В таджикском языке: *дег барин сиёҳ*(*black as a coal*- черный как уголь), *сӯзан барин борик*(*as thin as a lath(a rail)*- тонкий как иголка), *нон барин азиз*(*dear like bread*- дорог как хлеб), *қанд барин ширин*(*sweet like sugar*- сладкий как сахар) и т.д. Например:

He was glad to see me in the galley which he kept as clean as a new pin [248, с. 112].(Он с удивлением показал мне свой камбуз, который содержал в идеальной чистоте). – *Ў аз дидани ман дар оиҳонаи кишти шод мешуд, зеро онро шир барин тоза нигоҳ медошт.*

The girl would go off like hot cakes of course...[234, с. 108]. (Эта девочка наверняка будет пользоваться большим спросом). – *Ин духтар мисли гавҳар харидор(шавҳар) меёбад.*

«*Маҳбуба, – гуфт модарам, – чойҷӯи чаро дег барин сиёҳ шудааст?*» [221, с. 112]. («*Махбуба, -сказала мама, - почему этот чайник такой законченный?*») – «*Mahbuba,- said my mother,- why has this tea-jug become black as coals?*»

Ман медонам, шароити зиндагии шумо қанд барин ширин (Я знаю, у вас ваша жизнь сладкая как сахар)[216, с. 88]. – *I know, your life conditions are sweet like sugar.*

В этих примерах номинативный состав УС в сопоставляемых языках почти не совпадает, кроме оборота «*дег барин сиёҳ*» – «*black as coals*», что во моногам зависит от социальных условий жизни носителей этих языков в истории их развития. Поэтому в ходе перевода УС, употребленных в этих примерах, пришлось прибегать к кальке.

Названия сказочных и религиозных образов. В данную категорию УС входят ФЕ, в основе которых лежат сказочные религиозные образы.

В английском языке: *angel – like an angel, devil - like the devil, hell – like hell* и т.д. В таджикском языке: *парӣ – парӣ барин, ачина – ачина барин, Ҳазрати Хизир барин, сони чехраи Лайло* и т.д. Например:

Of course they all hated us like the devil [222,с. 96] (*Конечно, они ненавидели нас, как ненавидят дьявола*). –*Албатта, ҳамаи онҳо моро бало барин бад миданд(перевод информантов)*.

Turn the car quickly, dear, and drive like hell [226, с.129]. (*Быстро садись за руль, дорогой, и мчись как можно быстрее*). –*Тез автомашинарo гардон, азизам, ва онро гиззон(перевод информантов)*.

Бихандад лола бар сахро,

Ба сони чехраи Лайло[210, с. 50]

(Тюльпаны цветут в поле

Подбно улыбке Лайло)

Tuilips bloom in the field

Like a smile in Lylo`s face (перевод информантов).

Хӯ амак, ин одам ачина барин аз куҷо пайдо шуд?[219, с. 119](*Эй, дядя, откуда, словно злой дух, появился этот человек?*) –*Oh, uncle where did this man come from like evil spirit* (перевод информантов).

В этих примерах из сопоставляемых языков сказочные и религиозные образы становятся предметом сравнения с поведением или отношением определенных лиц и объектов. Между языками обнаруживается мало соответствий, что связано с историей этих двух народов.

Проведенный анализ устойчивых сравнений фразеологического характера свидетельствует о том, что различается количественная наполняемость лексико-тематических кластеров. Следует отметить, что названия сказочных и религиозных образов в таджикском языке используются сравнительно меньше, чем в английском языке.

Хотелось бы отметить, что имеется много общего в семантике устойчивых сравнений. Например: *to eat like a pig* – *хук барин хӯрдан, as hungry as a wolf*–*чун гурғ гурусна*. Однако, по структуре между рассматриваемыми языками обнаруживаются существенные различия: *Ҳазрати Ҳизир барин, ба сони чеҳраи Лайло, drive like hell, the nearer from church, the further from God* и т.д.

Наибольшая несхожесть обнаруживается при этом в устойчивых сравнениях, в основе которых лежат некоторые факты реальной жизни двух стран и народов или определённые лингвистические процессы, приведшие к образованию очень своеобразных, иногда даже трудных для понимания фразеологических компаративных единиц.

Сравнительный анализ устойчивых выражений со сравнительным значением сравнений английского и таджикского языков показал, что они могут иметь межъязыковые сходства.

Вопрос о том, как отражаются в языке некоторые понятия и насколько лексическая детализация этих понятий обусловлена социальными факторами, представляет значительный интерес. В связи с этим А.Д. Рейхштейн пишет, что национальная специфичность обычно присуща отдельным компонентам фразеологизма или всему переменному словосочетанию, лежащему в его основе[121]. Близка к нулю структурно-семантическая эквивалентность английских и русских ФЕ, включающих национальные имена собственные или наименование национальных реалий. ***Например: (прилип) как банный лист, (драть) как сидорову козу*** и т.д. Структурно-семантическая эквивалентность не свойственна также тем ФЕ, которые базируются на переменных словосочетаниях, обозначающих национально-специфические ситуации, характерные для материального производства, быта, суеверий, верований, паралингвистических знаков, фольклора данного народа. Например: *ободрать как луну, как чёрная кошка* и т.д. Отметим, что «в силу значительного сходства социально-исторических условий развития народов-носителей сопоставляемых языков, число ФЕ с национальными

элементами в семантике отдельных компонентов или всего переменного словосочетания относительно невелико» [121, с. 21]. Эти слова А.Д. Рейхштейна полностью относятся также к специфическим структурно-семантическим особенностям образных сравнительных оборотов таджикского и английского языков.

Устойчивые сравнения можно разделить на следующие группы:

1. **Эквивалентные**, т.е. устойчивые сравнения, которые совпадают по содержательной и по образной структуре. Устойчивые сравнения данного типа обладают как аспектной соотнесенностью, означающей межъязыковую семантическую близость фразеологических компонентов, так и синтаксическими структурами, т.е. у них обнаруживается тождество внутренней организации в сопоставляемых языках.

Например: *As coward as a hare* – *чун харгӯи тарсончак*, *as cunning as a fox* – *чун рӯбоҳ маккор*, *as fat as a pig* - *чун хук фарбех*, *as hard as a rock* – *сахт мисли санг*, *to fly like a bird* – *чун парранда паридан* и т.п.

2. **Безэквивалентные**, т.е. устойчивые сравнения, не совпадающие по содержанию и образной структуре: *as two peas - як себи дукафон*, *as cool as a cucumber*- *мори печон барин ором* и т.д.

Последние два устойчивых сравнения английского языка не имеют эквивалента в таджикском языке. Безэквивалентные устойчивые сравнения отражают специфичность языка, которая выражает национальную уникальность того или иного языка. Безэквивалентные устойчивые сравнения рассматриваются лингвистами как лакунарные единицы. Впервые данный термин был внедрён французскими лингвистами Ж.П. Вине и Ж. Дарбельне, которые определяют его как явление, которое возникло при отсутствии соответствия слову одного языка в другом [39, с. 60]. В современной науке в настоящее время существует расхождение мнений по поводу «безэквивалентности» и «лакунарности». И.О Захырова считает, что лакунарность фразеологических единиц проявляется при отсутствии фиксированного компонента сравнения в одном из сравниваемых языков,

которое можно брать за основу формирования фразеологизмов в другом языке [65, с. 50]. С мнением И.О. Захыровой навряд ли можно согласиться, так как здесь следует больше говорить об аналогиях, нежели о лакунарности фразеологических единиц. Значение фразеологизма может быть передано фразеологическими аналогиями, несмотря на несоответствие сравниваемого компонента.

Считается, что лакунарность фразеологических единиц может проявляться при передаче одного из компонентов сравнения при помощи слова или свободного сочетания лексем в другой язык.

Более детально проблема межъязыковой лакунарности исследована Г.З. Садыковой, которая определяет данное явление как категорию, которая «представляет собой синтез универсального и уникального. Фразеологическая лакунарность имеет специфичный для каждого конкретного языка набор планов выражения, глубоко коренящихся в национально-языковых, лексических и грамматических особенностях ФЕ. Универсальностью же является классификационно-отражательная функция сознания, которую обуславливает семантическое расхождение между языками и выделяется в качестве отличительного признака любого языка» [125, с.9]. Г.З. Садыкова выявляет четыре положения, которые служат для выявления лакунарности во фразеологических единицах:

- лакунарность фразеологизмов может проявляться в случае отсутствия заменяющего эквивалента, что служит для передачи значения фразеологизма в сравниваемых языках;
- лакунарность фразеологизмов является безэквивалентностью какого-либо языка при сопоставлении двух языков;
- лакунарность фразеологизмов имеет тесную связь с теорией перевода;
- лакунарность фразеологизмов является ограниченным фразеологическим уровнем.

Некоторыми учеными были выделены два компонента, которые содействуют образованию лакунарности. Данными компонентами можно

считать отсутствие той или иной единицы в языке, а также межъязыковые лакунарные единицы. Для более детального анализа терминов «лакунарность» и «безэквивалентная лексика» мы считаем обязательным рассмотреть их определение в терминологических словарях. Новый словарь лингвистических терминов определяет понятие «лакунарность» как отсутствие равнозначного элемента или эквивалента в одном из языков. В этом словаре понятие «безэквивалентная лексика» интерпретируется также как лексика, которая не имеет заменяющего эквивалента в других языках, и, которая не подвергается переводу на другие языки [129, с.10]. Итак, из этого обзора можно прийти к заключению, что термины «лакунарность» и «безэквивалентность» являются синонимами.

Следует отметить, что большинство лингвистов определяют лингвистические и экстралингвистические факторы как источник проявления лакунарных или безэквивалентных фразеологических единиц. [И.В. Краснянская [83], В.Н. Телия [136], Г.З. Садыкба [125] Е.И. Диброва [53]]. Эти факторы берут своё начало из культуры и культурных ценностей.

Кроме эквивалентных и без эквивалентных УС следует разграничивать частично эквивалентные УС. Сравнения, в основе которых лежат абсолютно разные образы, обусловленные экстралингвистическими факторами, представляют большой интерес для межкультурной коммуникации. Выражение *as cool as cucumber* не имеет отношения к температуре, однако слово *cool* в данном устойчивом сравнении подчёркивает личные качества человека, его уравновешенность и собранность. Выражение *as drunk as a lord* может казаться странным или неожиданным для изучающих английский язык. Порой кажется, что слово *drunk* не имеет ничего общего со словом *lord*. Слово *drunk* в выражении *as drunk as a lord*, также может казаться оскорбительным или неуважительным по отношению к английским лордам и вельможам. Однако данное устойчивое сравнение начало существовать в определённое время и существует по сей день.

Наш фактологический материал свидетельствует о том, что по своему общему лексико-грамматическому значению компаративные фразеологические единицы сопоставляемых языков разделяются на две группы: 1) глагольные компаративные ФЕ и 2) адъективные компаративные ФЕ, в состав которых входят, соответственно, адъективные и адвербиальные устойчивые сравнительные обороты.

Глагольные компаративные ФЕ состоят из основного компонента, выражаемого глаголом, и зависимого компонента, в который входит оборот с семантико-оценочным значением. Например: *gibber like an ape* – *тез ва нофаҳмо гап задан (кривляться как мармышка)*, *to kill (shoot) smb like a dog* – *касери саг барин давондан (куштан)(гонять(убить) как собаку)*, *breed like rabbits* – *харгӯи барин бисёр зойидан (плодиться как кролики)*.

Адвербиальные компаративные фразеологические единицы служат для выражения сравнения способа действия. Сюда относятся УС типа: *as one man* (якдилона), *like hell* (хеле сахт), *тир барин (like a bullet)*, *чун саги дайду (as a stray dog) и т.д.*

Собственно адъективные компаративные фразеологические единицы употребляются для сравнения состояния какого-либо предмета с каким-нибудь предметом другого класса. К этому типу относятся УС *safe as the bank of England* – *бехатар чун дар банки Инглистон*, *clean as a pen* – *ҳаққиқ барин тоза*, *гул барин зебо* – *beautiful like a flower*, *моҳӣ барин хомӯи* – *mute as a fish*.

Ниже приводим предложения с этими тремя видами компаративных ФЕ сопоставляемых языков:

Глагольные УС: *I am not afraid of you. If you cover any of your father`s tricks I`ll shoot you as a dog* [231, с. 109]. (*Я тебя не боюсь. Если ты скроешь какой-то из трюков своего отца, я пристрелю тебя как собаку*).-*Ман аз ту наметарсам. Агар ягон найрангҳои падаратро пинҳон кунӣ, туро саг барин мекушам.*

Бачем, саг барин ба чор тараф медавӣ, вале аз он натиҷае нест [212, с. 18].-(*Дитя моё, ты бегаешь туда-сюда как преданный пёс, только толку от этого никакого*). *My child, you run to and from like a dog, but there is no result of it* (перевод информантов).

Адвербальные компаративные ФЕ:

They arose as one man to protest the verdict [230, с. 119].(*Они поднялись как один в знак протеста против приговора*) .- *Онҳо чун як дилу як чон бар ин қарор зид баромаданд* (перевод информантов).

Писарам, тир барин нарида раву аз бозор барои меҳмонон тарбуз харида биё [220,с 99]. – (*Сынок, беги на базар как можно быстрее и купи арбуз для гостей*).*My son, run to the market like the wind and buy a watermelon for the guests*(перевод информантов).

Собственно адъективные УС:

Good fellow is Charlie Battle, safe as the Bank of England [241,с. 89]. (*Хороший перень Чарли Баттл, надежен как непотопляемый банк Англии*). *Чарли Баттл–чавони хуб, мисли Бонки Инглистон хавфу хатар надорад* (перевод информантов).

По структурному типу адъективные и глагольные компаративные ФЕ в сопоставляемых языках во многом различаются, что наблюдается и в их строевых элементах, и в порядке расположения компонентов. В английском языке сначала идет глагол, а в таджикском он стоит в конце. В адъективных УС в таджикском языке сначала располагается основной компонент, а в английском наоборот.

2.3 Морфологические средства выражения сравнения в сопоставляемых языках

Основным способом выражения семантики сравнения на морфологическом уровне считается система степеней сравнения имён прилагательных. И. А. Мельчук выделяет три категории степени сравнения прилагательного как граммемы, которые относят степень интенсивности

данного признака или по отношению такого же признака другого объекта или всех объектов [102, с. 117].

Вопрос о включении положительной степени в систему степеней сравнения прилагательных считается дискуссионным. Например, Г. Суит считает, что английский язык имеет две степени сравнения прилагательных: сравнительную и превосходную (дараҷаи қиёсӣ ва дараҷаи оӣ в таджикском языке). Г. Суит не включает положительную степень в систему степеней сравнения прилагательных [177, с. 65].

Тем не менее, многие лингвисты выделяют три степени сравнения А.И. Смирницкий [133], Г.Н. Воронцова[43], Е.В. Гулыга, Е.И. Шендельс[50], Б.А. Ильиш [173], Р.А. Клоуз [168], М.Я. Блох [166]. Мы придерживаемся точки зрения об отнесении положительной степени в систему категориальных форм качественных прилагательных, так как она является первой фазой сравнения по своему грамматическому значению против формы сравнительной степени, которая стоит в оппозиции к форме превосходной степени. Следовательно, данная категория входит в систему градуальных отношений в грамматике и является трехэлементной.

Положительная степень прилагательных выражает свойство и качество предмета, который не сравнивается с качеством другого предмета.

Сравнительная степень прилагательных указывает на качество предмета, проявляющееся в большей мере, чем в другом предмете.

Превосходная степень прилагательных выражает высшую степень качества у предмета, входящего в ряд ему подобных.

На морфологическом уровне могут сравниваться не только признаки предмета, но и признаки действия (состояния), что выражается посредством качественных (определительных) наречий. Такие наречия образуют свои категориальные формы сравнения подобно прилагательным. Поэтому можно говорить о степенях сравнения признака предмета, действия, состояния.

Для выражения сравнения признака предметов или действий английский язык использует три способа формообразования: синтетический,

аналитический и супплетивный, а в таджикском языке действует только синтетический способ. Форма положительной степени признака предмета или действия в сопоставляемых языках имеет нулевую морфему.

The weather was warm [232, с. 118].

He looked so beautiful and peaceful sitting in that chair [234, с. 48]

Is the light good enough to take photograph? [195, с. 537]

В этих трех примерах прилагательные «warm», «beautiful», «good» имеют нулевую морфему и выражают признак без сравнения, но их формы сравнительной и превосходной степени образуются разными способами, о чем пойдет речь ниже. В таджикском языке эти же прилагательные в форме положительной степени также имеют нулевую морфему.

Ҳаво мӯтадил буд(перевод информантов).

Дар он курси нишаста, ӯ басо зебо ва осуда менамуд (перевод информантов).

Оё барои сурагирӣ рӯшноӣ кофӣ аст? (перевод информантов)

Форма положительной степени в таджикском языке может указывать также и на сравнение, если она используется в сравнительных конструкциях. Например: *Вазифаи ман ҳамон қадар осон, чуноне ки аз они туст* [221,с. 114]. (*Моё задание такое же лёгкое как и твоё*).- *My task is as easy as yours* (перевод информантов).

В этих примерах благодаря сравнительным конструкциям «as.....as» и «ҳамон қадар..... чуноне ки» прилагательные «осон» и «easy» выражают разную степень признака.

Для сравнения признака предмета говорящий может указать на его качество, которое проявляется в нем в большей мере, чем в другом предмете, или в нем самом раньше или потом. Для этой цели таджикский язык использует морфему **«-тар»**, у которой в английском языке имеется три эквивалента: 1) морфема **«-er»**, которая прибавляется к односложным и двусложным прилагательным, которые оканчиваются на **«-ow»** (narrower- тангтар), **«-er»** (cleverer- боақлтар), **согласная буква+ у** (easier- осонтар)

«-ble» (abler- тавонотар), или же ударение падает на их второй слог (completer- пурратар). Например:

Now, she looked thinner than he remembered her [228, с. 10]. (Теперь она выглядела тоньше той, какой она ему запомнилась). - **Ҳоло ӯ нисбат ба оне ки вай дар хотир дошт харобтар менамуд.**

The road was narrower than the road he had seen before (Дорога была уже, чем когда он её видел до этого)[195, с. 623]. – **Ин роҳ аз оне, ки пештар дида буд, тангтар буд.**

My mind is easier now [195, с.382]. (Мои мысли обременены сейчас меньше). – **Ҳоло майнаам бароҳаттар аст.**

This carpenter is able than the previous one [237, с. 188].(Этот плотник куда массивнее, чем тот, что был до него). – **Ин дуредгар аз дуредгари қаблӣ тавонотар аст.**

When the building work becomes completer we`ll start repairing [195, с. 236].(Когда строительные работы станут подходить к завершению, мы займемся ремонтом). – **Вақте ки кори сохтмон мукамалтар мегардад, мо таъмиро сар мекунем.**

Как видно, во всех этих пяти случаях английский формант **«-er»** соответствует таджикской морфеме **«-тар»**.

Остальные двусложные (т.е. кроме пяти вышеуказанных случаев) и многосложные прилагательные указывают на более высокую степень признака при помощи слова-морфемы «more» в английском и посредством того же форманта «-тар» в таджикском языке:

It appeared to me that she was more beautiful and obedient that she had been. (Мне открылось, что она стала более красивой и послушной, чем раньше) [230,с 216]. – **Ба ман чунин вонамуд гашт, ки ӯ аз пештара дида зеботару итоаткортар аст.**

I suppose he had been more talkative and lively [230, с. 47]. (Предполагаю, что раньше он был более разговорчивым и отличался живостью). – **Фикр мекунам, ки ӯ он дам сергантару ҳаётдӯсттар буд.**

His behaviour was more irregular than hers [195, с. 665]. (Его поведение было ещё более необычным, чем её). – **Рафтори вай нисбат ба рафтори ӯ зайриоддӣ буд.**

Как видно, в последнем примере английская словоформа **«more irregular»** переведена на таджикский язык словом «ғайриоддӣ», у которого нет форманта сравнения. Дело в том, что в таджикском языке благодаря контексту или отдельным конструкциям типа **«нисбат ба»** нулевая форма прилагательного может проявить значение сравнения. Как отмечено в учебнике по морфологии для вузов Таджикистана, «в случае упоминания названия сравниваемого предмета значение сравнения может выражаться и без морфемы **«-тар»** [63, с.452].

Ў дар синну сол аз ман калон ва дар дарс баробари ман буд [201, с. 213].

Отдельные прилагательные английского языка для указания на сравнение признака одного предмета с другим используют супплетивный способ формообразования, суть которого заключается в том, что прилагательное полностью изменяет свой звуковой состав: **good (хуб) – better (бехтар), bad (бад) – worse (бадтар)**. В силу отсутствия в таджикском языке такого способа формообразования в сфере имен прилагательных, подобные словоформы передаются в таджикский язык опять-таки при помощи морфемы «-тар»:

You haven't come across any better sight than this one, have you? [237, с. 188]. (Ты же не встречал в жизни ничего лучше этого, разве не так?). – **Шумо аз ин бехтар манзараро надидает, ҳамин тавр не мӣ?**

The weather got worse during the day [195, с. 80]. (Погода стала хуже в течение дня). - **Ҳаво давоми рӯз бадтар шуд.**

В пределах категории сравнения может не только сравниваться признак одного предмета с другим предметом, но и указываться на превосходство одного предмета или группы предметов над всеми остальными предметами в данной ситуации, на данном месте и т.д. Такое категориальное значение

выражается в таджикском языке при помощи прибавления к исходной форме прилагательного морфемы **«-тарин»**, которая передается в английский язык тремя способами:

1. Посредством морфемы «-est», если прилагательное является односложным или двусложным, оканчивающимся на «-ow», «-er», «согласный+у», «-ble» или с ударением на втором слоге. Например: *....he was going to be the happiest man in the world*[250, с. 102].(Он собрался стать счастливейшим человеком в мире). – *Ў дар ҷаҳон хушбахтарин инсон шудани буд* (перевод информантов).

He took out a letter written on the thickest possible paper[Ibid, с103].(Он вынул письмо, написанное на бумаге, толще которой не бывает). – *Ў мактуберо баровард, ки ба қозази ҳаддан завстарин навишта шуда буд*(перевод информантов).

What does the word mean in its narrowest sense [195,с. 823]. (...что означает слово в самом узком его смысле?). – *Ин вожа дар маънои тангтаринаш чиро ифода мекунад?* (перевод информантов).

She has spent the biggest moment of her life abroad [Ibid,с. 105].(Самый значительный момент своей жизни она пережила, находясь за границей). – *Ў бехтарин лаҳзаҳои ҳаёти худро дар хориҷа гузаронидааст* (перевод информантов).

2. При помощи слова – морфемы «most», которое ставится перед прилагательными, имеющими два (кроме пяти вышеуказанных случаев) или более слогов:

He is the most useful member of the team [195, с.1047]. (Он является самым полезным членом команды).– *Ў судмандтарин аъзои ин даста мебошад* (перевод информантов).

It will give the most pleasant background to the photograph [195,с.78]. (Это создаёт самый привлекательный фон для фотографии). – *Ин барои суратгири гуворотарин замина фароҳам меоварад*(перевод информантов).

3. Путем полного изменения звукового состава прилагательного. В таджикском языке такая словоформа также соответствует словоформе с морфемой «-тарин». Например:

What is the best way to get there?[195, с, 101]. (Как легче добраться туда?) – *Бехтарин роҳи ба онҷо рафтан кадом аст?* (первод информантов).

Здесь прилагательное «good» приняло форму «best», а не *goodest*

This is the worst essay I've read [195, с. 1477]. – *Ин бадтарин очеркест, ки ман хондаам* (первод информантов).

В данном примере прилагательное «bad» превратилось в словоформу **«worst»**.

Первый из вышеуказанных способов формообразования называется синтетическим, второй аналитическим и третий супплетивным. Следовательно, в английском языке функционируют три пути выражения сравнения, а в таджикском только один синтетический способ.

Следует отметить, что в таджикском языкознании распространена точка зрения, что «превосходная степень имен прилагательных может выражаться также при помощи наречий типа *бисёр (много, очень), хеле (очень, много), ниҳоят (очень, чрезмерно), бенихоят (бесконечный, беспредельный), бағоят (очень, чрезвычайно), аз ҳад зиёд(крайне, слишком), аз андоза берун(исключительно)* [63,с. 188]

С этим мнением навряд ли можно согласиться, так как эти наречия не служат для выражения сравнения, они имеют интенсифицирующую функцию. Как верно отмечает профессор М.Я. Блох, «категория адъективного сравнения даёт относительную оценку степени признака» [166, с. 213]. В примере, данном в этом учебнике, нет идеи сравнения.

Ҳар ду аз ин одами хушсӯҳбат бағоят хурсанд шуда баромаданд [221, с. 211].

В этом предложении «хурсанд шудан» (обрадоваться) является составным глаголом и наречие «багоят» не указывает на степень признака «хурсанд», а служит для выражения степени состояния «Ҳар ду».

В этом учебнике допущены еще две ошибки. Здесь отмечается, что превосходная степень прилагательных выражается также при помощи конструкции «аз ҳама (из всех)» и формой сравнительной степени и приводится пример: *«Аз ҳама баландтар Ҳошим Корвон механдид»*[221, с.188]». Здесь конструкция *аз ҳама баландтар* указывает не на степень признака предмета, а модифицирует глагол механдид и поэтому баландтар является наречием, служащим для выражения высшей степени качества.

Второй ошибкой является то, что в приведенном здесь примере «Вай марди қаднасти ,бениҳоят фарбеҳ буд» [221, с.119] нет никаких следов сравнения, так как «бениҳоят» не выражает превосходство лица (вай) над другими. Здесь только констатируется значение экстремальной полноты денотата подлежащего. Степень его полноты не сравнивается с полнотой других лиц.

Как верно подмечено англичанами М.А. Ганшиной и Н.М. Василевской, «когда сравниваются две вещи (лица), должна употребляться форма сравнительной степени, но когда сравнивается более двух вещей(лиц), то должна даваться форма превосходной степени». Если сказать: *«Вай марди қаднасти фарбеҳтарин буд»*, то непременно напрашивается вопрос: среди кого он был самым полным мужчиной? Однако, к предложению *«Вай марди қаднасти ниҳоят фарбеҳ буд»* такой вопрос невозможно поставить.

Профессор М.Я. Блох в примерах типа «an extremely important amendment. A matter of exceeding urgency», которые переводятся на таджикский язык *«беҳбудии бениҳоят муҳим»*, «масъалаи бениҳоят фаврӣ» находит значение элатива, который предполагает исключительно высокую оценку. Он считает превосходную степень качества (superlative) и (relative) разными грамматическими явлениями, так как при superlative перед

прилагательным ставится артикль «the», а перед relative неопределенный артикль «a, (an)» [166, с.217-218].

Думается, что М.Я. Блох прав, так как при **«superlative»** предмет выделяется из класса ему подобных на основе определенного признака, что является одной из функций «the», тогда как при **«relative»** подчеркивается принадлежность какого-либо предмета к классу однородных предметов на основе какого-либо признака. В частности, при **«марди нухоят фарбех»**, говорящий не выделяет данного мужчину из числа других мужчин, а относит его к числу очень толстых людей.

В английском языке встречаются случаи, когда перед морфемой **«-est»** определенный артикль падает.

The clouds were low over the high buildings in a smooth unbroken dome of palest blue [228, с. 182].

Как справедливо подтверждают М.А. Ганшина и Н.М. Василевская, в данном случае «the thing spoken of is not compared» (подчеркнуто нами) but is regarded as possessing a certain quality in a very high degree [171, с. 85]. Здесь словосочетание «palest blue» представляет собой конструкцию элатива и переводится на таджикский язык «ранги кабуди хеле хира», а не «хиратарин ранги кабуд».

Элатив может выражаться в английском языке посредством конструкции «a most amusing trick» в предложении **«It was a most amusing trick»** [228, с. 219], где «most» не служит для выражения значения превосходной степени, а указывает на несравнимый признак забавности трюка. Поэтому данное предложение следует перевести на таджикский язык следующим образом: **Ин макри (хиллаи) хеле масруркунанда буд** (перевод информантов).

Следовательно, при элативе «most» не выступает как слово-морфема для образования превосходной степени прилагательного, а служит интенсификатором признака предмета, т.е. функционирует как наречие, служащее для подчеркивания не сравниваемого признака, для модификации

которого оно употребляется. Это значит, что элатив не входит в парадигму категории степеней качества, так как при элативе ничего ни с чем не сравнивается, а указывается на очень высокую несравнимую степень признака предмета, который не противопоставляется другим предметам своего класса.

Говоря о степени сравнения имен прилагательных, нельзя пройти мимо английских конструкций типа *as as, so...as u than*. Эти единицы относят к сравнительным единицам, которые служат для сопоставления двух или более предметов. Например: *I haven't known him as long as you* [195, с. 56]. (Я не знаю его так давно, как вы). – Ман ўро мисли ту муддати дароз намедонистам (перевод информанта). Подобные конструкции называют составными конструкциями, так как они состоят из двух слов и предлога. В английском языке наиболее распространенными сравнительными конструкциями считаются следующие: *such...as, not so.....as* и *not as....as*

В большинстве случаев имя прилагательное в положительной форме следует после первой части сравнительной составной конструкции. Хотя подобные выражения и обозначают сравнение признаков предметов, степени сравнения прилагательных (сравнительная и превосходная) при этом не используются. Для того, чтобы показать, как используются подобные конструкции, мы приводим примеры, в которых употреблены соответствующие конструкции.

He was not so quick a learner as his brother [195, с. 146].

He was as white as a sheet [195, с 73].

This picture is such interesting as that one [195, с. 95].

Как было сказано в начале данного параграфа, наряду со степенью признака предмета может сравниваться также и степень действия или состояния. Для этой цели употребляются качественные наречия сопоставляемых языков.

Когда действие или состояние констатируется без сравнения, то у наречия имеется нулевая морфема подобно качественным прилагательным. Например:

He saw her looking anxiously [234, с. 216]. (Он видел, как зазывно она смотрела на него). – *Ū did, ki vай ба ū мушавваиона нигоҳ мекунад.* (перевод информантов).

Здесь в сопоставляемых языках *действия «looking» и «нигоҳ кардан»* взяты без какого-либо сравнения с другим действием, т.е. качество процесса (looking - нигоҳ кардан) повествуется безотносительно к тем же качествам другого действия.

Когда указывается на качество процесса, проявляющееся в нем в большей мере, чем в другом процессе, то качественное наречие в таджикском языке принимает морфему «-тар», а в английском языке, подобно качественным прилагательным, наречие изменяется по трем правилам формообразования: прибавляется морфема «-er», слово-морфема «-more» или наречие полностью изменяет свой звуковой состав. Например:

An hour later we stole out even more quietly than before tired harder than ever to get farther into the dense undergrowth of the wood [228, с 83]. (Час спустя мы украдкой выскользнули ещё тише, чем раньше, чтобы продвинуться дальше в чащобу леса). - *Як соат сонитар мо нисбат ба дафъаи гузашта ҳатто оромтар баромада рафтем ва нисбат ба ҳарвақта бештар кӯшидем, ки ҳарчи зудтар ба даруни бешизори зич расида гирем* (перевод информантов).

Silas ate is dinner more silently than usual [230, с.119]. (Сайлас съела свой обед молча, чего за ней так сильно раньше не замечалось). - *Сайлас хӯроки инисфирӯзиашро нисбат ба ҳаррӯза оромтар тановул кард* (перевод информантов).

He is behaving worse than ever [195, с. 1477]. (Он ведёт себя хуже, чем всегда). - *Аз ҳарвақта дида ū бадтар рафтор карда истодааст* (перевод информантов).

В первом примере ввиду двусмысленности, наречие «quietly» для выражения сравнения процесса «to steal» с таким же прежним действием приняло слово-морфему «more», которое соответствует таджикскому форманту «-тар».

А в другом предложении наречие «hard» состоит из одного слога, и поэтому для выражения сравнения употреблено с формантом «-er» (оромтар), который передан в таджикский язык при помощи морфемы «-тар» (бештар). Словоформа «farther» является сравнительной степенью наречия «far», которая образовала данную форму сравнительным способом.

В третьем примере имеется словоформа «worse», которая образована супплетивным способом от наречия «badly». Данная словоформа переведена на таджикский язык супплетивным способом: worse-бадтар.

Когда возникает необходимость указания на высшую степень качества, присущего процессу в ряду однородных действий, то к качественному наречию в таджикском языке прибавляется морфема «-тарин», английским эквивалентом которой являются: 1) морфема «-est», 2) слово-морфема «most», 3) супплетивная форма отдельных наречий. Выбор одного из этих средств зависит, подобно прилагательным, от количества слогов в наречии или же архаичного способа формообразования, который называется супплетивизм. Например:

.....*we proceeded, though most cautiously, towards the hall*(мы пришли, хотя и в высшей степени осторожно, по направлению к залу). [232, с 117].

Как видно, в английском языке наречие «cautiously» употреблено в форме превосходной степени, однако в таджикском языке нам не встречались случаи употребления качественных наречий в форме превосходной степени. Поэтому английская словоформа «*most cautiously*» переведена на таджикский язык сочетанием наречия степени «хеле»(басо) и качественного наречия. Следовательно, в противовес английскому языку в таджикском языке отсутствуют специальные средства образования превосходной степени

наречия.

В предложении «.....*the daylight was going faster and, worst of all the narrow path was no sooner found*»[237,с. 119]. (*Световой день набирал силу, и что было хуже всего, узкая тропинка затерялась*). - *Равшаниии рӯз тезтар мегузаит ва, аз ҳама бадтар, найраҳаи танг ба зудди пайдо карда нашуд*. И здесь супплетивная форма превосходной степени наречия «badly» (worst) передана в таджикском языке не посредством формы превосходной степени, а при помощи оборота «аз ҳама»+форма сравнительной степени наречия (*бадтар*).

Наши наблюдения свидетельствуют о том, что в английском языке наречия очень редко употребляются в форме превосходной степени, а в таджикском языке такая форма совсем чужда наречию.

Таким образом, на морфологическом уровне только две части речи (прилагательное и частично наречие) служат для выражения категории сравнения. При этом, в одном случае признак предмета или процесса сравнивается с другим предметом или процессом, а в третьем случае указывается на высшую степень качества или процесса, которое противопоставляется другим качествам предметов или процессов.

2.4. Синтаксические средства выражения сравнения в сопоставляемых языках

Сложноподчинённые предложения с придаточным сравнения являются одним из главных способов выражения компаративности.

Сложноподчинённые предложения с придаточным сравнения (далее СПП с придаточными сравнения) представляют собой совокупность структур, служащих для передачи различных видов отношений. СПП с придаточным сравнения широко используются как в английском, так и в таджикском языке, но данное явление считается недостаточно исследованным в обоих языках, так как, по утверждению Т.Г. Беловой, сложные предложения с придаточным сравнения являются одним из

наименее разработанных разделов синтаксиса [21, с. 27]. Данное синтаксическое явление таджикского языка исследовалось в конце 60-х годов XX века Ф.К. Зикрияевым, а отдельные его стороны нуждаются в более глубоком изучении [68, с. 50]. Данное явление таджикского языка ещё не исследовано в сопоставительном плане с английским языком.

Сравнительное придаточное предложение – это такой кюз (от слова *clause*), который указывает на предметное сходство и служит для модификации сказуемого в главном предложении. Как отмечает Т.Г. Белова, сравнение и сопоставление служат для выражения качественных отношений между двумя явлениями или предметами [21, с. 28].

Среди лингвистов нет единого мнения относительно статуса сложноподчинённых предложений с придаточным сравнения. Таджикский лингвист Б. Ниезмухаммедов в своей книге дал общую характеристику данного синтаксического явления [108, с. 102]. Халилов в своей статье кратко описывает СПП с придаточным сравнения. Он рассматривает его в семантическом плане, схожим с СПП с придаточным образа действия [147]. В книге русской грамматики под редакцией Н.Ю Шведовой детально описываются все тонкости СПП с придаточным сравнения русского языка [124]. Данное языковое явление также рассматривается в научной статье Ф.А. Царикаевой «Некоторые особенности сложноподчиненных предложений с придаточными сравнительными и цели в русском и осетинском языках» [151, с. 330].

Некоторые лингвисты относят придаточные сравнения к придаточным образа действия или степени. М.А. Ганшина и Н.М. Василевская не считают сравнение одной из самостоятельных функций придаточного предложения Ganshina [181], Ilyish [183], Е.Б. Карневская [74, с. 107], Ю.Н. Власова [42, С. 97– 98], С.А. Гурбанов [51, С. 24–70], В.В. Бузаров [32, с. 280], В.Г. Гак [44, с. 442], М.У. Blokh [166 с. 323] и другие рассматривают семантическую базу их функции как квалификативную, так как они дают квалификативную характеристику действия или события, выражаемого в

главном предложении. К ним ставят вопрос типа «How?» (чӣ тавр?).
Например:

I planned to give my mother a length of silk for a dress. As thick and heavy as it was possible to buy. (Я собирался подарить матери отрез шёлка на платье. Самого тяжёлого и плотного, какое только продаётся) [241, с. 112]

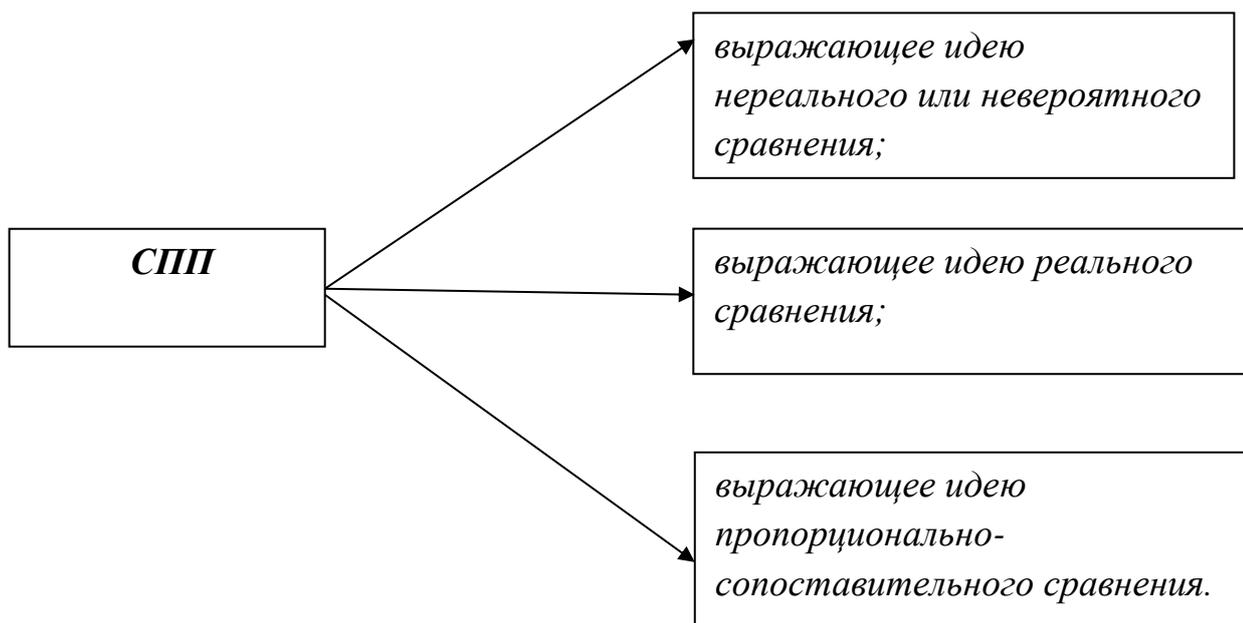
Даста, ба тартибе ки мардуми мо домодеро ба хонаи арӯс ё арӯсеро ба хонаи домод мебурданд, аз сарой баромада рафтанд [200, с 224].

В работе Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой придаточному предложению сравнения дается следующее определение: Это придаточное предложение, поясняющее содержание главного предложения путем сравнения, основанного на каких-либо ассоциациях [187, с.331].

В учебнике по синтаксису таджикского языка данному типу придаточного предложения дается следующее определение: «Придаточные предложения, которые, указывая на отношение одного предмета к другому путем сравнения, модифицируют выполнение действия глагола-сказуемого главного предложения, называются придаточными предложениями подобия» [64, с. 224].

Если сравнить два этих определения придаточного сравнения, то легко можно убедиться в том, что в данном учебнике для вузов Таджикистана дается совсем неадекватная интерпретация этого синтаксического феномена, так как такое придаточное не служит для сравнения двух предметов, а сравнивает действия, или состояния, выражаемые в главном предложении, с каким-либо другим действием или состоянием на основе общности какого-либо их признака.

А.С. Диденко [54], М.С. Бубнова [29], С.В. Иванова[70], С.Я. Александрова [4], Ю.Н. Власова [42], Е.М. Поркшеян [115], В.О. Назарян [106] расчленяют придаточное сравнения на три семантических типа, что не отражено в грамматиках таджикского языка: (см. таблицу № 5)

К первому типу относятся СПП с придаточным сравнения, реализация которого является либо предположительной, нереальной или невероятной. Данный семантический тип придаточных предложений сравнения отмечен в таджикском языке Ф.К. Зикрияевым, который называет их как «Чумлаҳои пайрави монандӣ–ифодакунандаи фикрҳои гумонӣ–ғайривоқеӣ» (придаточное предложение сравнения, выражающее предположительно-ирреальную мысль) [68,с.68].

Наш фактологический материал свидетельствует о том, что придаточные предложения данного типа в таджикском языке образуются при помощи подчинительных союзов *кӣ, гӯё ки, монанди он ки, мисли он ки, гӯё ин ки*, и иногда союзами типа *чи тавре ки, чунон ки, ба тарзе ки, ба тавре ки* и т.д. В английском языке союзы *the more...the more, the less... the less as if* и *as though*, *as* или *so* служат для образования СПП с придаточным сравнения.

Между вышеуказанными союзами сопоставляемых языков обнаруживаются следующие соответствия: *as.....as- мисли, мисли он ки, the more... the more* –« *ҳарчи бештар..... ҳамон қадар зиёдтар, as if (though)* – « *гӯё, мисли он ки, гӯё ки, the less.....the less*–« *ҳарчи камтар..... ҳамонқадар насттар(камтар)*.

Благодаря этим союзам, главное предложение модифицируется придаточным предложением, которое на основе каких-либо сходств определяет главное предложение в различных градациях. Например:

«It looks to me, » continued Soames, as if she were sweeter on him than he is on her [234, с. 34]. –«Ба назарам, –суханаширо давом дод Соумс,- гӯё ки вай ба ӯ махбубтар бошад, нисбат ба он, ки ӯ ба вай». («Мне кажется,- продолжил Соамс, она добрее к нему, чем он к ней “»).

Ҳалимаи хурдтарак, мисли ин ки бародари ҳамтани худро дида бошад, аз дидори ман шод гардид[216, с. 113].(Увидев меня, маленькая Халима обрадовалась, словно перед нею был её родной брат). – On seeing me little Halima rejoiced as if she had seen her own brother(перевод информантов).

Следует различать два типа сравнения: 1) сравнение двух реальных фактов или событий; 2) сравнение двух нереальных фактов или событий. В следующих примерах придаточные предложения выражают реальные события:

Шарофат ҳамин истиқоматгоҳи худро ҳам таъриф мекард, гӯё ки он як ҳавлии оличаноб бошад.(Шарофат таъриф мекард хвалила своё жильё, словно это был дом чести) (С.Улугзода “Субҳи ҷавони мо”, 188) – Sharofat was also praising her dwelling as if it were an honourable house (перевод информантов).

The jug felt as though the water inside had been iced [240, с 11].(От кувшина исходил такой холод, словно вода в нём превратилась в лёд). - Аз хунукии кӯза ҳис карда мешуд, ки оби дарунаш гӯё ях карда бошад (перевод информантов).

As she leant over the parapet, and contemplated the ruin she had caused, felt as if her heart was shattered like the glass that lay glistening below! [231 с. 158]. (Как только она перекинулась через парапет, созерцая развалины, причиной которых была сама, она почувствовала своё пульсирующее сердце, уподобляющееся ритму переливов стакана, лежащего внизу).

В первом примере мы видим, что состояние простого жилья сравнивается с превосходным домом. Данное метафорическое иносказание способствует созданию яркого образа. Сравнение выражает нереальное состояние.

Во втором предложении семантика сравнения выражена при помощи сослагательного наклонения в придаточном предложении сравнения. И здесь сравниваются два нереальных отношения между двумя лицами.

Мы придерживаемся точки зрения, что СПП данного типа обычно имеет ассоциативный характер, который основывается на воображении автора относительно той или иной ситуации, не имеющей ничего общего с реальностью. СПП с ирреальными придаточными сравнения имеют более броское сравнительное свойство, чем СПП с реальным придаточным сравнения.

Второй тип придаточного предложения, выражающего реальное сравнение, основывается на сравнении явлений окружающего мира, которые базируются на реальных ситуативных условиях, и их осуществление является несомненным. Предложения данного типа присоединяются к главному предложению при помощи следующих подчинительных союзов: *ки, тавре ки, чунон ки, чи хеле, ки чи гунае ки, мисли он ки, хамчунон ки* и т.п., Например:

Чи тавре ки сари бачагонро сила мекунанд, ӯ кафи худро ба дами мӯхраи он молид [212,с, 112].

Чунон ки шамоли пурзӯр якбора вазида, абрҳои сиёхро аз рӯи осмон меронд, аз шунидани ин хабар низ тамоми дилмондагии Ҳемнолинӣ дар як лаҳза бартараф гардид, чехрааш якбора кушода шуд [215, с. 29].(Подобно сильному ветру, который изгоняет тучи, разочарование Хемнолини устранилось, сменившись улыбкой, когда она услышала эту новость).

The wind had dropped, and it was as lovely a morning as one could desire. [238, с, 107]. (Ветер стих, и наступило такое дивное утро, лучше которого и желать не надо.)

Mr. Trupman did it, as he was requested [230, с. 193]. (Мистер Трупмэн сделал так, как его просили).

В первом предложении сравнивается быстрота и скорость ветра с моментальным изменением настроения героини романа Хемнолини.

В первом английском примере придаточное сравнения обозначает такое событие, которое, будучи реальным, сравнивается с тем, какое оно произвело впечатление. Во втором примере придаточное сравнения также выражает реальный факт.

Как явствует из примеров в английском языке, второй тип придаточного сравнения связывается с главным предложением при помощи союзов «as....so», «the more.....the more», «the less...the less» и т.д.

Третий тип придаточного сравнения выражает пропорционально нарастающий признак действия в главной и придаточной частях сложноподчинённого предложения. Например:

The more deeply he felt, the more dumb he had always been [234, с. 10]. – *Хар қадар ки ў беиштар ҳис мекард, ҳамеша ҳамон қадар хомӯш мемонд* (перевод информантов).-Чем глубже он чувствовал, тем больше замыкался в себе .

Хар қадар беиштар машқ кунӣ, ҳамон қадар нурқувваттар мешавӣ (Чем больше тренируешься, тем сильнее становишься) [215, с., 97].-*The more you train, the more strong yo`ll become* (перевод информантов).

В сложных предложениях данного типа выражается пропорциональная зависимость между интенсивностью проявления признака предмета и степенью возрастания его в обеих частях сложного предложения.

В основе оформления данных предложений в английском языке лежит коррелят the...the, но остальные элементы данной конструкции могут быть выражены любыми частями речи. Итак, данная конструкция может быть

представлена следующим образом: (the +Adv/Adj +(...)), (the +Adj/Adv). В таджикском языке предложение пропорционально-сопоставительное при участии двух компаративов связывает главное с придаточным предложением при участии союза чи кадаре..... хамон кадар.

В данной категории реализуется особый вид сопоставительных отношений признака главного предложения, что сопоставляется с признаком придаточного предложения. Например:

The more Vittorio thought about it, the more perfect it seemed. (Чем больше Витторио думал об этом, тем безупречней ему это казалось) [229, с.56].

The faster they ran, the dimmer Langdon's torch became [229, с. 56].
(Чем быстрее они бежали, тем тусклее становился фонарь Лэнгдона).

В первой части первого предложения безупречность нарастает в зависимости от длительного обдумывания. Во втором предложении, чем быстрее они бежали, тем тусклее становился фонарь. Невозможность перемены мест частей сложного предложения без изменения смысловой зависимости между ними, иначе говоря, постоянство места каждой из них – показатель очень жесткой структуры сложного предложения. Доказательством этому является также невозможность расчленения его при помощи разделительной паузы [21, с. 50].

Придаточные сравнения в таджикском и английском языках не имеют определённого закреплённого места в сложноподчинённых предложениях. Проанализировав фактологический материал, мы пришли к выводу о том, что придаточные сравнения могут занимать свою позицию перед главным предложением или после него в таджикском языке.

Духтари оташнигоҳ сӯи дилдодаи худ дуздида-дуздида дида меदӯхт ва гӯё аз саргардониҳои Манучехр зӯру равони тоза мегирифт..... [207 с. 30]. (Девушка, игривым взглядом, украдкой смотрела на своего возлюбленного, будто смятение Манучехра доставляло ей удовольствие).

Чунон, ки шӯълаи офтоб шабнамро мемакад, нигоҳи ҷозибдори ӯ маро ба сӯи худ мекаша д [199, с. 160].

Ин ҷавонон чунин менамуданд, ки гуё аз падарони шиносоҳи ман руида бошанд [199,с.70].(*Эти молодые люди выглядели так, словно были детьми моих знакомых*).

В английском языке придаточное сравнения может стоять либо в постпозиции, либо взять главное предложение в интерпозицию. Например:

The jug feels as though the water inside had been iced (*Кувшин настолько холодный, что, когда к нему притрагиваешься, создается впечатление, будто вода в нем превратилась в лёд*) [222, с., 97].

The more I knew their desire, the better I like them [225, с. 36] (*Чем больше я узнавала об их желании, тем больше они мне нравились*).

Выводы по второй главе

В выражении функционально-семантического поля сравнения участвуют единицы различных уровней. В второй главе были подвергнуты анализу лексические, фразеологические, словообразовательные, морфологические и синтаксические средства реализации данной категории в таджикском и английском языках.

В качестве лексических средств сравнения выступает ряд прилагательных сопоставляемых языков, у которых имеется схожая структура, т.е. они являются сложными словами типа *одамсимоманлике*, *шердил*, и *lion-hearted*. Такие образования могут носить традиционный или окказиональный характер. Они распространены в таджикском языке шире, чем в английском.

В исследуемых языках для передачи семантики сравнения используются также некоторые глаголы типа «*to resemble-ҳаммонанд будан*».

В таджикском языке имеется семь суффиксов, которые, присоединяясь к именам существительным, образуют прилагательные с компаративной семантикой. В английском языке имеется только один суффикс «*like*» с такой функцией.

Некоторые предлоги сопоставляемых языков типа «*like-барин*» также служат для выражения сравнения.

Большую роль в выражении поля сравнения играет ФЕ с компаративной семантикой. Для них характерна неразложимость лексического состава и устойчивость семантической структуры, которая представляет собой двух- или трехкомпонентное образование. Такие единицы большей частью обладают специфическим для каждого из этих языков компонентным составом, отражающим национальную культуру и мировоззрение. Поэтому они во многом неидентичные. В качестве ядра ФЕ этого типа выступают слова, относящиеся к таким тематическим группам, как «Человек и части тела», «Животный и

растительный мир», «Предметные явления», «сказочные и религиозные образы».

ФЕ этого разряда могут быть эквивалентными, частично эквивалентными и безэквивалентными.

Компаративные ФЕ в этих языках бывают глагольными, адвербиальными и адъективными.

К морфологическим средствам выражения сравнения относятся категории степеней сравнения прилагательных и наречий. Только категориальные формы сравнительной и превосходной степени прилагательных имеют компаративную семантику. Прилагательные в формах сравнительной и превосходной степени не служат для сравнения признаков двух предметов, тогда как у наречия эти формы направлены на сравнение свойств двух действий.

Имеются существенные различия в образовании форм сравнительной и превосходной степени прилагательных и наречий в сопоставляемых языках. Они образуются в английском языке тремя способами, а в таджикском языке только одним способом.

Синтаксическим средством выражения поля сравнения в сопоставляемых языках выступает придаточное предложение сравнения. Этот тип придаточного предложения дает квалификативную характеристику действия или события, выражаемого в главном предложении, т.е. оно поясняет содержание главного предложения путем сравнения, которое основывается на каких-либо ассоциациях. Данная синтаксическая структура выражает три вида идеи: идею нереального, идею реального сравнения или же идею пропорционального нарастающего признака действия. Такое придаточное связывается с главным предложением рядом составных союзов в сопоставляемых языках, число которых в таджикском языке больше, чем в английском.

ГЛАВА 3. СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КАТЕГОРИИ СРАВНЕНИЯ В ИССЛЕДУЕМЫХ ЯЗЫКАХ

Наряду с морфологическими, синтаксическими, лексическими и фразеологическими средствами сравнения в таджикском и английском языках имеются специальные тропы, в основе которых лежит определенный, свойственный ему признак, близкий в каком-то отношении. К таким тропам относятся метафора, метонимия, синекдоха, *сравнение (ташбеҳ, simile), эпитет(тавсиф), гиперболола(муболиға)* и др. Изучением этих тропов занимается стилистика. Поэтому в данной главе в сопоставительном плане изучается стилистический аспект выражения поля сравнения в таджикском и английском языках.

3.1. Метафора как один из способов выражения сравнения.

Впервые научная оценка метафоры была дана Аристотелем, который считал необходимым изучение семантических изменений в языке. Под термином «метафора» учёный подразумевает «перенесение слова с изменением значения из рода в вид, из вида в род, или из вида в вид, или по аналогии» [7, с. 80]. Аристотель, расценивая метафору как фигуру речи, утверждает, что умение создавать хорошую или удачную метафору – значит, обладать способностью, замечать сходство и тождество [7, с. 24]. Учёный считал, что, трансформируя и говоря о сходстве одного предмета с другим, следует соблюдать меру и вкус его использования [7, с. 24]. Далее он пишет, что «метафора является необыкновенным переносом имени на лицо или предмет путем сходства в каком-либо отношении между предметами или явлениями». В ответ на взгляды Аристотеля классическая риторика, в свою очередь, определяет метафору как термин, описывающий отклонение от нормы [7, с. 109]. Относительно данного языкового явления Цицерон пишет, что метафора – это сравнение, сокращенное до одного слова [152, с. 145]. Труды античных философов Аристотеля и Цицерона послужили основой формирования современной науки о метафоре.

Логики, философы, психологи и лингвисты разных направлений прилагают усилия для основания общей теории метафоры [11, с. 346]. Метафора обращает на себя внимание не только учёных, но и знатоков слова всех направлений: «Нет критика, который не имел бы собственного мнения о природе и эстетической ценности метафоры» [11, с. 370–371].

Во многих современных дефинициях метафоры (греч. *metaphora* – перенос) выделяется её стилистическая функция и важность в ходе познания. Метафора понимается как «вид тропа, скрытое образное сравнение, уподобление одного предмета, явления другому (например: *чаша бытия*), а также вообще образное сравнение в разных видах искусства. В лингвистике: переносное употребление слова» [185, с. 353]. В различных источниках даются такие определения метафоры, как «метафора – перенос наименования на основе сходства. Метафору относят к важнейшим языковым тропам. В то же время функции метафоры значительно шире. Метафора способна быть средством познания, так как с её помощью возможно постижение абстрактных сущностей» [180, с. 108].

Природу метафоры изучили Н.Д. Арутюнова [11], М. Блэк [26], К.К. Жоль [62], Г.Н. Скляревская [130], А.И. Смирницкий [132], В.А.Звегинцев [66], Ю.Л. Лясота [99], Х. Касарес [75], Е.Т. Черкасова [154], А.И.Федоров [144], В.М. Жирмунский [61], Б.В.Томашевский [140], W.Muncie [174], S. Pepper [176], J Donghue [175], К.К. Жоль [62], Г.А. Еремоленко [57], R. Carnap [167], Н.Ф. Крюкова [86], Л.Г. Рамазанова [122], С.А.Хахалова [149], В.Ю.Базарюк [17], Э.Р.Хамитоновна [148], В.Н.Телия [136], В.П.Москвин [105], А. Ричардс [123], О. Свиренко [126], О.Н.Лагута [90], Д.Н. Шмелев [163], Т. Гоббс [46], М. Halliday [172], Кожина [78] Авторами отмечаются творческие особенности формирования каждой метафоры, с помощью которой передаются данные о некоторых характеристиках таким образом, как будто они не являются тем, чем они являются. Г.А. Еремоленко определяет метафору как непосредственный признак речи [51, с. 10]. Л.Г. Рамазанова, проанализировала концептуальную

важность метафоры в тексте. Сферы использования метафоры конкретизируются в трудах Г.С. Баранова [19], В.П. Москвина [105], Дж. Лакоффа [91] и др.

Как утверждает Н.Д. Артюнова метафора считается явлением многоаспектным и это является базой для ряда концептуальных способов ее изучения [11, с. 297-298]. Компаративистская теория выделяет метафору как «свернутое» или «сокращенное» сравнение (в статике) (Д. Дэвидсон, Дж. А. Миллер, Н.Д. Артюнова). Данная теория берет свое начало от Аристотеля и со временем подвергалась такой степени существенным трансформациям, что базой метафоры считают больше отрицание, а не сопоставление [35 с. 148].

Выражают несогласие с определением метафоры, как «свернутым сравнением», приверженцы интеракционистской теории М. Блэк, Дж. Серль, Э. Ортони [26, с. 91]. Эти лингвисты указывают, что процесс переноса является интеракцией двух мыслей для генерирования нового значения, в следствие которого значимыми остаются обе характеристики, а также как дословная семантическая характеристика, так и иносказательный смысл

Д.Дэвидсон находит метафору, в первую очередь, равноценной дословному смыслу и относит ее только к области употребления, но не языка [55, с. 175].

Сторонники когнитивной теории Дж. Лакофф и М.Джонсон выделяют то, что «метафора не ограничивается лишь сферой языка, что сами процессы мышления человека в значительной степени метафоричны»; «метафора как феномен сознания проявляется не только в языке, но и в мышлении, и в действии» [91, с. 25].

А.Н. Баранов определяет метафору следующим образом: «метафора – один из основополагающих, фундаментальных способов организации естественного языка, ее корни необходимо искать не в языке, а в мышлении,

ибо само мышление в значительной степени структурировано метафорически» [19, с. 7].

А.А. Ричардс определяет метафору как «вездесущий принцип языка». По его мнению, «метафорические процессы в языке, взаимообмен между значениями слов, который мы наблюдаем, изучая эксплицитные метафоры, накладываются на воспринимаемый нами мир, сам по себе также являющийся продуктом более ранней или непредумышленной метафоры...» [123, с. 56]. М.Блэк считает, что «целью метафоры не является замещение формального сравнения или любого другого буквального утверждения, у неё – свои собственные отличительные признаки», основной из которых – возможность образовывать, а не формулировать соответствие. М. Блэк также находит в структуре метафоры два объекта: главный – «фокус» (focus) и вспомогательный – «рамку» (frame). В ходе их взаимодействия возникает расширение смысла и смещение семантики [123, с. 162]. Например: *The circle became a horseshoe* (Кружок стал подковой).

В данном примере существительное «horseshoe»(подкова) употреблено в переносном значении в качестве метафоры, так как круг или группа людей не могут быть подковой. Здесь это слово имеет значение «сузиться». Это значит, что значение «horseshoe» сместилось в другую сферу и в результате произошло расширение смысла.

Один пример из таджикского языка:

Ошён гар мегузарӣ, дар дили инсон гузор [217, с. 64].

Oh, choose the human heart in which to weave your nest

(О, выбери человеческое сердце, в котором ты сможешь свить себе гнездо).

В данном примере «дар дил ошён гузоштан» употреблено в переносном значении, так как нельзя свить гнездо в сердце человека. Здесь глагол «ошён гузоштан» означает «стать любимым кому-то». Такое же значение имеет английский перевод этого оборота «to weave a nest» (сплести гнездо).

О роли метафоры А.П. Чудинов пишет: «Человек не только выражает свои мысли при помощи метафор, но и мыслит метафорами, создаёт при помощи метафор тот мир, в котором он живёт» [157, с. 7].

Для подтверждения этой мысли приводим несколько примеров из сопоставляемых языков:

***Қоматаш найзаву рухсори ту, эй ишваписанд,
Офтобест, ки гаштааст, яке найза баланд*** [217, с.102] .

В данном примере имеется две метафоры: «найза» (штык, копье) и «офтоб» (солнце). А.Джами сравнивает стан любимой со стройностью копья и её лицо - с солнцем, т.е. её фигура напоминает копье, а её лицо - солнце.

М. Турсунзаде пишет:

***Агар аз гиря кардан об мешуд дил, дили ман буд,
Ба сели ашк мешуд зарқ манзил, манзили ман буд*** [217, с.52].

***If hearts could be melted by hot tears that`s how
My heart would have melted a long while ago
If tears had strength to wash buildings away
I`s not have a home, to no house could I go***

В данном примере глагол «об шудан» и его английский эквивалент «to melt» употреблены не в своем основном лексическом значении, так как «сердце» (дил-heart) не плавится. Данное слово использовано в своем метафорическом значении «мучиться» (страдать). В этом стихотворении имеется еще одна метафора «сел» (ливень). Под словом «сел» автор подразумевает «много», т.е. «сели ашк» означает «много слез» подобно ливню. Пример из английского языка:

***Dreams are like a bird that mocks,
Flirting the feathers of his tail***
(*Мечты подобны насмешкам птички,
Когда она заманивает вас перьям и хвоста*).

В этом примере слово «mock» (дразнить, насмехаться) употреблено в метафорическом значении, так как птица не может насмехаться над кем-

либо. Кроме того, в этом предложении имеется также сравнение «**like a bird**» (подобно птице). Разница между сравнением (ташбеҳ – simile) и метафорой, как подтверждает К.Усмонов, заключается в том, что метафора направлена на нахождение общих признаков между двумя понятиями и поэтому имеет объединяющую направленность, а сравнение нацелено на поиск какого-либо общего признака между двумя предметами, т.е. оно имеет разделяющую цель (151, 79). В частности, «**like a bird**», являясь сравнением, служит для указания на один общий признак у птицы и у мечты: и то, и другое «прилетает» и «улетает».

Другой пример из английского языка:

In the slanting beams that streamed through the open windows the dust danced and was golden [251, с. 30].

Здесь глаголы «danced» и «streamed» употреблены в переносном значении, т.е. они являются метафорами, так как «луч» (beam) не может струиться (stream), литься, и пыль (dust) не способна плясать (dance), употребляется в значении «посыпаться»

Метафора может быть выражена следующими частями речи:

1. Существительным: *гули рухсор, кулоҳи шукуфта, сарви қомат, дурри дандон, лаъли лаб* и т.д.

2. Существительным и прилагательным:

Дар осмони нурсафо

Дар шаҳрҳои дилкушо,

Бар даштҳои беканор,

Дар боғҳои обшор,

Бар кӯҳсори нуқрапӯш,

Ҳам баҳрҳои нурхурӯш

Ҳар чо кушояд болу нар

Дар хизмати насли башар

Симурғи пӯлодии мо,

Ҳомии озодии мо [69, с. 70].

In the clear sky
In the cities of joyful hearts
In the boundless fields
In the gardens which abound in water
In the silver mountains
In the wavy sea
Everywhere opens the wings
In the service of mankind
Our silver fire-bird
(В ясном небе,
В местах, где обитают исполненные радости сердца
В бескрайних полях,
В садах, где обилие вод,
В посеребрянных горах
В морских волнах
Везде расправляет крылья
На службе у человечества
Наша серебристо-огненная птица
Защитница нашей свободы)
Is the protector of our freedom (перевод информанта).

3.Глаголом:

То нагиряд тифл, кай нўшад лабан

То нагиряд абр, кай хандат чаман [69, с. 78]

The fire had died down in the drawing-room [209, с.45]. (Огонь в гостиной угас).

Во второй строчке первого стиха глагол «*гиристан*» заменяет слово «*боридан*», а слово «*хандидан*» заменяет слово «*шукуфтан*». В английском примере глагол «*died*» употреблен как метафора в значении «угасать».

4. Причастием:

Аз он гулиан дили густохи мо гул чида меояд,

*Ки чаими бозбон он чо зи худ нӯшида меояд.
Канори баҳр киштиро камингоҳи хатар бошад,
Аз он доим нафас аз дил ба лаб ларзида меояд.
Ба мӯй метавон сад кӯхро бардоштан, Соиб,
Зи дил то бар забон як нуқтаи санҷида меояд [69,с. 59].*

В этом примере причастия *гул чида*, *ларзида*, *санҷида* являются рифмами, которые используются не в прямом, а в переносном смысле.

Чаими рӯз накафида ба кор рафтан (букв. *To go to the work before the eye of the day cracks*). – В этом примере метафора выражена деепричастием «*накафида*».

В стихотворении таджикского поэта М. Турсунзаде мы сталкиваемся с фразой «*Рӯи анор барин сурхаи куртаи атлас кати чанг мекунад*», что означает: «*Румяное лицо девушки соперничает с атласом*»[69, с. 75] (национальной таджикской тканью, которая является разноцветной и очень красивой). В этом примере глагол «чанг кардан» (сражаться) употреблено в метафорическом значении «соперничать».

Английский перевод данного примера:

*As your face is always tulip-red.
It always competes with atlas dress* (перевод информанта).
(*Тюльпаноподобный твой лик
Наряда атласного ярче*).

В зависимости от внешней структуры метафора подразделяется на следующие группы: открытая метафора и замкнутая метафора[105, с. 8]. В таджикском языке можно часто встретить замкнутую метафору. Рассмотрим эти метафоры в таджикском контексте:

*Маҳаш мушксову шакар майфуруш,
Ду нарғис камонкаш, ду гул диръпӯш* [69, с. 56].

В первой строчке приведённого примера мы наблюдаем, что слово «*маҳ*» заменяет слово «*лицо*» и является замкнутой метафорой. В этом примере слово «*маҳ*» имеет переносное значение. Сходство сравниваемых

примеров проявляется в их форме. Далее в этой же строчке мы наблюдаем метафору «шакар», что является иносказанием слова «лаб». Данный пример свидетельствует о том, что сходство предметов проявляется в их качестве, т.е. «сладость сахара» сравнивается со «сладостью губ возлюбленной». Во второй строчке мы видим, что автор сравнивает высокие брови своей возлюбленной с натянутым луком (камон). Данную метафору в зависимости от степени развёрнутости знака можно отнести к простой метафоре.

Ассоциация связи между явлениями и предметами объективной действительности является основой для появления переносного значения слова или метафоры. Так как метафора отвечает требованиям прагматической эффективности, перенос значения слова рассматривается, как придание ему свежести и новизны.

Наш анализ фактического материала показал, что в художественной литературе часто можно встретить не только простую метафору, но и развёрнутую.

Наш фактологический материал свидетельствует о том, что в сопоставляемых языках широко употребляются открытые метафоры, которые в таджикском языке номинируются как «истиораи равшан» или «истиораи битасрех». Например:

3-ин чумла фиристод ба гулзори советӣ

Дуздона ба ногаҳ ҳама девона сагонро [69 с. 55].

She looks cold-blooded enough, but you never know, underneath [213, с. 58]. (Она выглядит довольно хладнокровной, но вы никогда не угадаете, что у неё внутри).

Другой разновидностью метафоры являются «скрытые метафоры» в английском языке - «истиораи пушида» в таджикском языке. В скрытых сравнениях не упоминается сравниваемый предмет, ему лишь приписываются некие качества или признаки с помощью изафета. Например, в таджикском языке говорят «панҷаи зулм». В данном обороте слово «зулм», т.е. «угнетение, насилие или жестокость» ассоциируется со зверем, здесь

слово «панча» присоединено к слову «зулм» при помощи изафета, хотя палец не способен к угнетению. Рассмотрим следующий пример:

Лекин дар пешонӣ, гирди лаб ва кунҷи чашмонаш дасти қаттолу бераҳми умр, андак бошад ҳам, аз гузашти худ осор мондааст [69 с. 70].

(Видно, что вокруг губ и глаз жестокая жизнь оставила свои следы).

Здесь, словосочетание «дасти қаттолу бераҳми умр» является метафорой. В этом примере автор образно говорит, что морщины на лице и на лбу героя рассказа являются делом безжалостной руки жизни.

Сравним следующий пример:

Саҳаргоҳон, ки булбул дар наво шуд,

Гул аз шодӣ шукуфту гунча во шуд.

Шумо эй булбулони боғи мактаб,

Саҳаргоҳон набояд хуфт ҳар шаб.

Шумо ҳам дар наво оед бояд,

Ки то аз боғи маънӣ гул кушояд.

Саҳаргоҳон гулистони дабистон

Тароватбахш бошад чун гулистон [69, с. 51].

В этом примере «булбулони боғи мактаб» имеет переносное значение «школьники или учащиеся». В данном примере мы видим, что «боғи маънӣ» является скрытой метафорой. Если мы скажем «баҷаҳо, аз хоб барвақт хезед, ба мактаб равед», то данное предложение теряет свою стилистическую окраску и превращается в простое предложение. Возможно поэтому Садриддин Айни сравнивает школу с расцветающим садом, а школьников с соловьями.

Метафора служит для более четкого и ясного формулирования и выражения мысли, основываясь на образных выражениях, она создает немало сравнительных фразеологических единиц, в которых при сравнении двух предметов появляется новая метафора.

Опираясь на слова Ю.М.Скребнева, метафору можно считать более эмоциональной и, соответственно, более экспрессивной, чем ограниченный литературный стиль [131, с. 155].

Метафоризация проявляет мировоззрение, культуру и идеологию носителя языка. Например: *Устухони касеро сафед кардан, (to take somebody aback or to reduce someone to tears), ба миёни гап даромадан to cut in), гапро ба дузар чо бурдан (to beat around the bush)* и т.д.

Различают метафоры общеязыкового характера (стертые), метафоры, сохраняющие «свежесть» и метафоры собственно поэтические, которые отличаются индивидуальным характером. Общеязыковые метафоры: *сари даре, гардани куза, таги кух* и т.д.

Поэтическая метафора – это новое сравнение, основанное на аналогии двух предметов. Обычно поэтическая метафора носит индивидуальный характер и считается собственно поэтическим созданием.

Лексическая метафора не передает ассоциативные сходства предметов, а лишь усиливает их. Например: *Time flies – время летит, he was flooded with happiness – он был очень счастлив* и т.д.

There was a fluting of compliment on dear Hermine's marvelous arrangements [209, с.17]. (Полился поток комплиментов относительно замечательной организации вечера Гермией).

You know he's trying to get promoted to the sales department, and I suppose it tells on his nerves [204, с.255]. (Вы знаете, он хочет пойти на повышение в отдел продаж, и я думаю, это отразится на его нервах).

Как правило, метафора считается неотъемлемой частью в структурной семантике слова, составляющей фигуру речи. Например: *a purry – young dog, ill-bred young man* и т.д.

Подводя итоги, мы можем утверждать, что метафора может существовать не только в художественной литературе, но и в живой речи. Итак, метафора как в художественной литературе, так и в устной речи, не только находит своё место, но и усиливает воздействие контекста на

читателя. Сила влияния и воздействия на читателя зависит от органичности и убедительности метафоры, а также вкуса автора, уровня владения тем или иным языком и от периода воспроизведения метафоры.

Метафора, являясь мощным средством характеристики явлений и предметов действительности, и, в значительной степени способствуя раскрытию авторского мироощущения, выявляет субъективно-оценочное отношение писателя к фактам данной объективной действительности. Итак, образование и возникновение метафоры и сравнения демонстрируют развитие процесса, эстетические и культурные ценности, которые также могут отражать социальное развитие того или иного общества.

Следует отметить, что метафора является тропом, имеющим дело с употреблением отдельного слова или словосочетания в переносном значении.

Мыслители древности, описывая пути формирования и использования метафоры, называли её скрытым сравнением. Сравнение – это в каком-то смысле и есть метафора, только между метафорой и сравнением существует тонкая грань. Например, в предложении *«Дар ин лаҳза вай ҳеҷ як чизи одамӣ надошт, монанди даррандаи гурусна, дандонҳояширо шиқиррос занонда, аз зери чаши ба ҳозирон нигоҳкунон пулро хоиду фурӯ бурд»* [213, с.367]. *(В этот момент в нем не было ничего человеческого, он клацал зубами, словно дикий зверь, смотрел на всех исподлобья и начал жевать деньги)*. В данном примере мы имеем дело со сравнением. Предложение с участием стилистического приёма сравнения можно трансформировать в метафору. Например: *«Дар ин лаҳза вай ҳеҷ як чизи одамӣ надошт, монанди даррандаи гурусна дандонҳояширо шиқиррос занонда, аз зери чаши ба ҳозирон нигоҳкунон пулро хоиду фурӯ бурд* [213, с. 367]». *(В этот момент в нем не было ничего человеческого, он напоминал зверя, клацкающего зубами , смотревшего на всех исподлобья, а ещё он начал жевать деньги)*. В этой связи следует вспомнить рекомендацию Квинтилиана, который пишет, что, «если метафора кажется рискованной,

надо превратить её в сравнение»[76, с. 35]. Исходя из слов этого ученого, можно сделать вывод, что сравнение является более расширенной формой метафоры.оборот становится менее рискованным при добавлении союза «как», а при отсутствии данного союза получается метафора, что является, по мнению Квинтилиана, более рискованным. Таким образом, Квинтилиан утверждает, что «метафора дарована нам самой природой», и в результате этого ни один предмет не становится незаменимым [76, с. 35].

Французский лингвист Поль Рикер, внося поправки в интерпретирование данного лингвистического философского понятия, утверждает, что в результате нарушения логической структуры появляется метафора. Метафорическое значение – это не только семантический разницей, но и появление нового предикативного значения [137, с. 103].

Итак, метафора – это перенос слова, основанный на ассоциативном сходстве, следовательно, в большинстве случаев метафора считается скрытым сравнением, как уже упоминалось выше. Следовательно, сравнение подготавливает базу и основу для образования метафоры.

Метафорой считают слова или словосочетания, которые используются не в прямом смысле, а употребляются в переносном значении, но в этом случае слово или словосочетание при назывании сходства порождает новое слово. Например: хитрый человек сравнивается с лисой; маккор чун рўбоҳ – as cunning as a fox, женщину ассоциативно сравнивают с a lemon, a peach, a cat, a goose

Относительно метафоры А.А. Ричардс указывает, что: «На протяжении истории риторики метафора рассматривалась как нечто вроде удачной уловки, основанной на гибкости слов, как нечто уместное лишь в некоторых случаях и требующее особого искусства и осторожности. Короче говоря, к метафоре относились как к украшению и безделушке, как к некоторому дополнительному механизму языка, но не как к его основной форме» [123, с. 44].

Метафора является языковым средством, которое переносит

известное наименование на неизвестное, в результате чего осуществляется познание реальности или действительности, что может содействовать пополнению лексического состава языка. Этот факт уже подтверждает то, что метафоризация является универсальным явлением, которое характерно для каждого языка.

Метафорический подход, который обусловлен описательными признаками объекта, предмета и окружающего мира, удостоверяет творческую функцию языка в ходе решения различных прагматических задач. Творческая функция языка осуществляется благодаря многообразному потенциалу языковой системы, приобретающей стилистическую окраску в определённом времени и во время использования его новой семы или компонента смысла языковой единицы.

А под simile понимается фигура речи, которая предполагает особые синтаксические структуры (а не слово), употребляемые для повышения выразительности речи. Первая имеет объединяющую функцию, а вторая - разъединяющую.

3.2. Троп сравнение как один из способов выражения функционально-семантической категории сравнения.

Сравнение как стилистический приём является одним из распространённых тропов, существующих со времён Гомера, и поэтому в риторике ему уделяется большое внимание.

И.Б. Голубь определяет сравнение как сопоставление одного предмета с другим, которое преследует цель художественного описания первого предмета [47, с. 102]. Под термином «simile – киёс» мы понимаем фигуру речи, которая направлена на указание основы некоторого общего сходства между двумя предметами. Сравнение может быть выражено сравнительными оборотами, (*reat me as a friend*) [195, с. 56] *придаточным предложением* (*Let me have a cup of china tea as stong as you can make* [234, с. 21] *или словосочетанием* *Ў чун мори отаидида ҳар сӯ метобад* [220, с. 108].

Номинальными элементами сравнения в наших примерах являются: предмет и объект сравнения (*me + a friend, + \bar{v} мори оташдида*) или сравниваемые признаки действия: *have a cup of china tea as strong you make, чун мори оташдида+ тобидан;*

соединительные элементы *like, as, as if, as though, such as, as.....as etc.*

В таджикском языке в роли соединительного элемента могут выступать союзы *чун, ҳамчун, мисли, монанди, монанди он ки, чунон ки, гӯё, гӯиё, пиндори* и т.д., Например,:

Биёр он май, ки пиндори равон ёкути ноб астӣ,

Ва ё чун баркашида тез неши офтоб астӣ [69,с 61].

Эй лабат гул, оразат гул, туррат сунбул барин,

Ғабғабат дар чарбу нарми тухми нимдунбул барин.

Меравӣ аз сӯҳбат ман ҳамчу нарғис саргарон....[69, с.60].

В процессе образования сравнения наблюдаются следующие компонентные перестановки: объект сравнения (*монандшаванда*), сравниваемый предмет (*ташбехшаванда*) и слово, которое служит для выражения сравнения (*олоти ташбех*). Общий признак, который появляется в процессе сравнения в таджикском языке, называют «*вахчи ташбех*». Например, «*Эй, рӯхат ҳамчу офтоб мунир*». В данном примере мы видим, что «*рух*», т.е. лицо, является объектом сравнения, а слово «*офтоб*», т.е. солнце – сравниваемым предметом. Слово «*мунир*», т.е. «сияние или сверкание» является общим признаком сравниваемых предметов, что возникло в результате сравнения.

Анораи чун лаби дилдор хандон,

Ҳарифонро ҳарифи оби дандон.[69, с. 64]

В первой строке данного примера наблюдается стилистический приём «сравнение». В данном случае слово «*анор*» является предметом сравнения, а сочетание «*лаби ёр*» объектом сравнения. Здесь цвет «*гранатовый*»

побуждает автора сравнить его с устами возлюбленной, которая упоминается в высказывании.

Рассмотрим некоторые примеры из английского языка:

The twilight was so dim that his figure had a shadowy look, like a dark ghost among the darker boughs [249, с. 8]. (Сумерки уже готовы были перейти в темноту, и его фигура превращалась в силуэт, уподобляясь мрачному привидению среди ещё более мрачных сучьев).

The perpendicular cliffs of the barren western mountains seemed like the teeth of a monster lurking to snatch a victim and drag him down into the maw of the deep valley, black with its moaning forests [249, с.15]. (Перпендикулярные утёсы оголенных западах горных чудовищ, маячившихся то тут, то там, в любой момент готовы схватить жертву и поволочь её в долины, темной от тяжести стенающих лесов)

В первом примере понятие «*dim figure*», т.е. смутность фигуры человека сравнивается с туманным или призрачным состоянием лица. Во втором примере перпендикулярность скалы западных гор сравнивается с зубами монстра, который подкрадывается, чтобы захватить свою жертву.

Следует различать нормативное и окказиональное употребление сравнений в речи. При нормативном употреблении сравнение реализуется без какого-либо отклонения от привычного использования ФЕ, при окказиональном же употреблении оно реализуется с теми или иными инновациями. Это отклонение от нормы является стилистическим приёмом, используемым в тексте для придания сравнениям большей выразительности. Яркость образных выражений от длительного традиционного употребления стирается, сравнение обесцвечивается, становится штампом и легко подвергается различным инновациям. При окказиональном использовании сравнения используется свободный подход к замене компонентов, путём добавления слов и словосочетаний, и при этом часто наблюдаются лексическое и синтаксическое изменение и деформация компонентов. Сравнение при окказиональном употреблении дает дополнительную или

стилистическую информацию, объем которой измеряется отклонением от нормативного употребления. Например:

Одам чун мӯру малах майдонро пур карда буд [208, с. 118].

Здесь «чун мӯру малах» является нормативной фразеологической единицей, которая зафиксирована в словаре М.Фозилова на странице 416.

Бе ту ҳар як рӯзи ман сол шуд,

Бе ту дил гаиш кард, чун атфол шуд [217, с. 37]

В данном примере оборот «чун атфол шуд» является надуманным, поэтому такой оборот считается окказиональным сравнением. Обратимся к примеру, из английского языка:

He liked Lucy Moore, in his own way. She`s fresh as a daisy, he often thought [226, с. 10]. (Ему нравилась Люси Муэр в её своеобразии, которое ценил только он один. В ней была свежесть маргаритки, как он полагал.)

В данном предложении «fresh as a daisy» считается общеупотребительным сравнительным оборотом, который зафиксирован в словаре фразеологизмов 289.

Sightless, unless

The eyes reappear

As a perpetuaul star. [233, с.106]

(Не видим пока, не засверкают вновь глаза,

Подобно звезде, вновь вспыхивающей на небосклоне)

В этом стихотворении Т. Элиота «as a perpetual star» является окказиональным сравнением, так как такой сравнительный оборот отсутствует в словаре А.В. Кунина.

Анализируя синтаксический аспект сравнения в контексте, мы пришли к выводу о том, что из-за различных прагматических факторов сравнение структурно различается в контексте. Наблюдение показало, что сравнение может варьироваться из-за коммуникативных намерений автора и субъективной модальности. Мы выделили следующие виды сравнения в таджикском и в английском языках.

1. Явно выраженное или открытое сравнение является одним из часто встречающихся сравнений как в таджикском, так и в английском языке. Под открытым сравнением мы понимаем сравнение, которое часто имеет трехкомпонентную структуру. Сравнение такого типа обычно доступно и четко. Такое сравнение в таджикском языке называют термином «*ташбеҳи равшан*» или «*ташбеҳи сарех*». Например:

Лек овозат чу кафтарҳои сулҳ.

Аз даруни тира зиндон мепарид.

Паҳн мешуд аз фазои беканор,

Халқ онро мисли даъват мешунид [69, с. 73].

Приводим примеры из английского языка:

The line showed clearly on the top of his brown head and back where the brain joined the spinal cord and the old man drove the knife on the oar into the juncture, withdrew it, and drove it again into the shark`s yellow cat-like eyes.

(Линия чётко обозначалась на макушке его потемневшей гоолвы и на спине, где соединились головной и спинной мозг, было видно, как старик воткнул нож в воображаемую линию стыка с веслом и вновь вонзил его в желтые как у кошки, глаза акулы)

2. Скрытое сравнение является другой его разновидностью сравнения. Оно в отличие от явно выраженного сравнения только «намекает» на сравнение. Такое сравнение в таджикском языке номинируется как «*ташбеҳи пӯшида*». Сравнение такого типа образуется без участия сравнительных союзов. Например:

Имрӯз ба пеши ёр рафтам,

Бо ҳолати беқарор рафтам.

Ў шамси шарофат аст, пешаш,

Бо иззату ифтихор рафтам.

Ў моҳи даруни ахтарон буд,

Ман моҳи гирфтавор рафтам [69,с. 77].

В данном примере субъект «ӯ» сравнивается с «шамси шарофат» и «моҳи даруни ахтарон».

3. Развёрнутыми сравнениями называются те сравнения, которые указывают на несколько общих признаков сопоставляемых предметов.

Например:

Пушти замин чу рӯи фалак гашта аз салоҳ

Рӯи фалак чу пушти замин гашта аз зубор.

Аз сумми мупаккабон шуда монанди зор кӯҳ,

Аз ҷисми куштагон шуда монанди кӯҳ зор [69, с. 66].

She saw the hairs lying like thatch on his sinewy arms, and a dozen questions sprang up into her mind, then for although he seemed to have told her a great deal about himself, there were many gaps [209, с.36]. (Она увидела резко выступающие сухожилия рук, заросших волосами, напоминавшими соломенные покрытия крыши, он тут же задался массой вопросов и хотя он вроде бы рассказал ей много о себе, неясностей оставалось немало.)

Приведённые примеры свидетельствуют о том, что чем больше употреблено «сравнение и уподобление», тем выразительней и динамичней становится речь.

4. Условное сравнение в таджикском языке образуется при помощи следующих союзов: *гар, ар, агар*. Например:

Чун ту ба боғ бигзари, гул нарасад ба бӯи ту,

Лек расад ба қоматат сарв, агар равон шавад [69, с. 60].

В данном примере автор стиха сравнивает благоухание и аромат возлюбленной с ароматом цветов.

Такое сравнение встречается и в английском языке. Здесь также используется союз «if», эквивалент «агар»:

If I were in your shoes he'd soon know what I thought of him [195с. 617]

(Если бы я оказался в его шкуре, он бы вскоре узнал, что я думаю о нём)

В английском примере сравнивается состояние двух лиц I и you.

3.3. Дифференциальные признаки метафоры и сравнения

В лингвистической литературе по стилистике находят широкое применение и хождение два термина: метафора (metaphor) и сравнение (simile). Уже с античных времен философы, риторики начали не только изучать понятия «сравнение» и «метафора», но и начали задумываться над их дифференциальными признаками, что ярко обнаруживается в научных исследованиях Аристотеля и Квинтилиана, о чем шла речь выше.

В 90-х годах прошлого века вопрос структуры и семантики сравнения и метафоры был детально исследован А. Вежбицкой на материале английского и русского языков [36, с.10]. Вслед за А. Вежбицкой изучение вопроса о соотношении «метафоры» и «сравнения» нашло свое отражение в работе М.В. Никитина, который исследовал вопрос семантической структуры метафоры. Он пишет, что «в основе метафоры лежит мыслительная операция сравнения, а сама метафора – отработанное скрытое сравнение» [109, с.94].

Многие исследователи разграничивают понятия **метафора** и **сравнение** как синтаксический и семантический сдвиг. Отличительной чертой метафоры и сравнения является то, что сравнение не меняет смысла сравниваемых слов. В отличие от метафоры сравнению не свойственно изменение семантики лексических единиц. Исходя из слов Ш. Балли, можно сделать вывод, что сравнение является логической операцией, которая выявляет общее сходство между предметами и явлениями, а метафора является сравнением, которое сближает абстрактные понятия или предмет и называет его одним словом [18, с. 221]. Сравнение рассматривается многими учеными как синтаксическая конструкция, включающая в себя компаративный союз, а метафора рассматривается как семантический сдвиг, который имеет дело со словом или группой слов, которые исключают буквальное понимание [104, с. 4].

Н.Д. Арутюнова полагает, что метафора и сравнение находятся в тесной взаимосвязи друг с другом. Многие ученые-лингвисты утверждают,

что метафора является сокращенным сравнением. Е.Т.Черкасова относительно того, что метафора является сокращенным сравнением, пишет, что сравнительная конструкция может быть «сокращена» в метафору. Она также пишет, что «метафора» и «сравнение» являются схожими понятиями, но далеко не одинаковыми [154, с. 34]. Схожесть данных явлений основана на психологическом процессе. Е.Т. Черкасова видит различие между сравнением и метафорой в том, что сравнение имеет «синтаксическую или морфологическую членимую структуру», а в метафоре Е.Т. Черкасова выделяет семантическую функцию [154, с. 34].

М.И. Черемисина утверждает, что сравнение является синтаксической категорией, а сравнение является конструкцией, которая имеет свойство компаративной функции. Метафора определяется ею как семантический сдвиг, который происходит внутри слова или групп слов, что исключает буквальное понимание. Она рассматривает сравнение как синтаксическое явление, а метафору как семантическое явление. [153, с.5].

Рассуждая о соотношении метафоры и сравнения, В.Н. Телия утверждает, что «сравнение-это только «поиск», но не обработка» [136, с 40]. Согласно этому автору метафора рассматривается ею как «перестановка» сравниваемых признаков и свойств, которая ставит задачи параллельного рассмотрения «буквальных значений» и признаков, связанных с представлением говорящего [136, с. 46].

Основоположниками изучения теории метафоры и сравнения в России являются такие учёные, как В.Н. Телия, М.И. Черемисина и Н.Д. Арутюнова, основоположниками «теория сравнения» в западной лингвистике считаются А. Бейна и Р.Уэйтли.

У.Д. Дэвидсон считает дифференцирующей чертой данного явления принцип неточности и точности. Исходя из его слов, метафора является сокращённым сравнением, которое ставит знак равенства между буквальным и образным значениями [55, с. 182]. У.Д. Дэвидсон утверждает, что семантическую дифференциацию метафоры и сравнения можно сделать,

опираясь на то, что сравнение является точным, а метафора является неточным сравнением или способом выражения образности.

А. Вежбицкая пишет, что когда многие лингвисты утверждают гипотезу, что метафора является сокращённым сравнением, они ставят преграду для глубокого изучения дифференциальных признаков метафоры и сравнения [35, с. 124]

М.Блэк утверждает, что теория сравнительной метафоры является неясной, имеющей недостатки, ибо метафора не является заменой сравнения и имеет круг своих задач и целей. Он отвергает сравнительную теорию метафоры, хотя, как ни странно, пишет, что некоторые сравнения и метафоры не имеют отчетливых выражений. [26, с. 162]

Вслед за М.Блэком, М.Бирдели тоже отвергает сравнительную теорию метафоры и приводит следующие аргументы:

1. При трансформации метафоры в сравнение нельзя передать всю коннотацию образности той или иной метафоры.
2. Трансформация метафоры в сравнение заставляет задуматься о субъекте сравнения, так как данное сравнение живет только в фантазии.
3. Ставя знак равенства между сравнением и метафорой, мы невольно ставим вопрос о «приемлемости» плана содержания, подходит ли данная трансформация, будет ли она передавать ту же экспрессивность, что и сравнение [26, с.203-204].

О.В. Кравец утверждает, что процесс метафоризации происходит лишь в том случае, если существует логическое противопоставление между «комбинациями лексем и их центральными значениями». Автор утверждает, что одним из достоинств данной теории является то, что в результате комбинирования лексем, метафоризация реализуется не на языковом, а на речевом уровне [82, с.22].

О разнице между метафорой и сравнением И.Р. Гальперин пишет: «Метафора – это отношение между значением, основанным на близости и

схожести отдельных свойств и черт двух соответствующих понятий» [170, с. 136]. А под simile он понимает сравнение двух предметов, один из которых является характеризуемым, а второй характеризующим, причём особая черта или признак характеризующего предмета импонирует характеризуемому предмету. При этом характеризуемый объект проявляется в новом и неожиданном облике, так как данный признак приписывается ему говорящим [170, с. 164]. Он, критикуя распространённую идею о том, что метафора – это упрощённое сравнение, отмечает, что у метафоры имеется цель идентифицировать объекты, тогда как сравнение направлено на нахождение какой-то точки сходства между двумя разными объектами. Поэтому он их относит к двум различным видам стилистических приёмов. Они различны по своей лингвистической природе [170, с. 138–139].

В таджикском языкознании этим двум стилистическим явлениям уделено недостаточно внимания. В работе Б. Камолиддинова и Р. Фаффорова по стилистике таджикского языка [72, с. 167] метафоре посвящено всего две страницы, а сравнению – одна. Здесь речь не идёт о тождестве или различии между метафорой и сравнением. Что касается сопоставительного изучения этих двух стилистических приёмов в английском и таджикском языках, то в этой сфере нет специальных работ. Только в учебном пособии К. Усмонова даются некоторые сведения по сущности, природе, специфике и особенностям метафоры и сравнения в этих языках [142, 78–79, 86–87 с].

Поэтому мы считаем целесообразным по мере возможности изучить точки соприкосновения и дифференциальные признаки метафоры и сравнения на материале английского и таджикского языков.

Метафора и сравнение в функциональном плане преследуют одну цель – выразительность высказывания, однако в структурном плане они явно различаются: одно из них (метафора) связано со словом, а другое (сравнение) – с синтаксическим образованием.

Ср.: 1) *She has a heart of stone* [195, с.550] – *Ū сангдил аст* (перевод информантов) (*У неё каменное сердце*).

2) *Emily Barton was very pink, and looked like a Dresden-china-Shepherdess* [247, с.50.] Эмили Бартон была ярко-розовенькой и выглядела, как фарфоровая пастушка из Дрездэнской галереи) – Эмили Бартон офтоб гурифта буд ва мисли чупонзани дрездену Хитои метобид.

В первом примере слово *stone* и его таджикский перевод «сангдил» употребляются не в своём прямом значении «камень», а указывают на жестокосердие лица (*She – Ў*). Во втором примере мы имеем дело с синтаксической конструкцией *like a Dresden – china - shepherdess*, а не с отдельным словом, как это происходит с метафорой. В данном случае указывается на наличие определённого признака одного предмета у другого. При метафоре также имеем дело с наличием одного общего признака у двух предметов. В нашем примере признак твёрдости, жёсткости камня автор вышеуказанного высказывания находит в душе определённого лица (*she*), и поэтому называет её человеком с каменным сердцем.

Вот эта общность функции метафоры и сравнения даёт основание некоторым лингвистам отождествлять эти два стилистических приёма. В частности, Р. Фогелин утверждает, что сравнение есть метафора, но отличается от неё по способу выражения, так как оно просто шире по форме и менее привлекательно по содержанию. Кроме того, оно прямо не сообщает, что «это» является «тем-то» и потому меньше привлекает внимание слушателя к сказанному [169, с. 27].

Из этих слов Роберта Фогелина вытекает, что между этими двумя стилистическими явлениями нет особой разницы, кроме их структурных свойств и степени экспрессивности, т.е. метафора по форме реализации более проста и по содержанию она эффективнее. Сравнение, наоборот, является по структуре сложным, а по функции оно менее экспрессивно.

Наши наблюдения над материалами английского и таджикского языков свидетельствуют, что метафора и сравнение не тождественные стилистические приёмы, так как, согласно диалектике, не могут существовать два абсолютно тождественных предмета и явления, хотя между

ними может быть много общего. **Мы находим следующие общие свойства между метафорой и сравнением.**

1. И метафора, и сравнение служат для переноса определённого признака или признаков с одного предмета на другой.

Например:

Хаёти одам монанди тир мегузаштааст [211, с. 62]. *It appears that a man's life passes like a shot.* (Человеческая жизнь проходит подобно тому же стихающему выстрелу)

Здесь скоротечность человеческой жизни сравнивается с полётом пули, её тут же стихающим выстрелом. Автор выдвигает на передний план не весь, а отдельный признак движения пули, которым является скорость её полёта. Именно скорость как признак полёта пули обнаруживается и в жизни человека. Поскольку данный признак выводится на основе умозаключения говорящего, он носит субъективный характер, т.е. не является неотъемлемой чертой сравниваемого денотата. Однако, в содержательной структуре у слова «жизнь» и у слова «пуля» есть один общий компонент – «движение и жизнь»: жизнь движется вперёд, и пуля тоже имеет свою траекторию. Но эти два вида движения качественно различны. У жизни оно не такое быстрое, мимолётное, как у пули. И эта скорость переносится на скорость жизни, в результате чего речь получает экспрессивно-оценочную окраску, становится более выразительной.

Это говорит о том, что сравнение тесно связано с содержательной структурой слова, о чём свидетельствует следующий очень интересный пример.

Шоир монанди булбул аст. Хар гулуро дида хониш мекунад, аммо вафо намекунад [211, с. 62]. (Поэт подобен соловью. При виде каждого цветка он начинает петь, но здесь нет искренности и преданности одному конкретному цветку) – *A poet is like a nightingale. Seeing each flower he begins to sing, but it is not faithful.* (перевод информанта)

В этом примере наблюдается необычное сравнение. Обычно при сравнении соловья с человеком на передний план выдвигается один содержательный признак слова «соловей» – приятность голоса, его денотат, как в примере «он поёт, как соловей». А в нашем случае автор этого высказывания находит отдельный признак какого-то предмета в другом предмете. В нашем примере таким признаком является неверность соловья, которая обнаруживается также в деятельности поэта, т.е. сначала он восхваляет один предмет, например, лето, а потом – другой, например, весну.

Теперь обратимся к языковому материалу по метафоре:

Ҳам офтобу ҳам мохтобам шумо [211, с. 44]. (Ты моё солнце и моя луна) – You are my sun as well as my moon.

Для раскрытия сущности метафоры здесь также приходится обращаться к содержательной структуре слов «солнце» и «луна». Наряду с другими семами в их содержательной структуре имеется сема «сияние», «свет», которая есть и у солнца, и у луны, а также сема «тепла» у солнца. Следовательно, автор этого высказывания приписывает эти признаки любимой девушке.

Следовательно, и метафора, и сравнение связаны с признаками предметов. В одном случае (при сравнении) признак одного предмета обнаруживается в другом предмете. В другом случае (при метафоре), некий признак какого-либо предмета приписывается говорящим другому предмету.

Поэтому наличие общего признака у двух предметов и приписывание признака одного предмета другому отличают эти два стилистических приёма.

2. В английском, также, как и в таджикском языке, употребляются такие сравнительные конструкции, у которых нет коннотативного значения. Такое сравнение в английском языке называется термином «comparison», а в таджикском **«муқоиса»**.

Например:

Духтар шавад, мисли худатон зебою оқила мешавад [211, с.60]. – *If a girl is born, she will be beautiful and clever like you.* (Если родится девочка, пусть будет красивой и умной, как вы)

Причина отсутствия коннотативного значения в этом сравнительном обороте заключается в том, что здесь сравнению подвергаются два представителя одного класса, т.е. людей. Следовательно, при сравнении, которое в таджикском языке именуется термином «**қиёс**», а в английском – термином «**simile**», должны сравниваться признаки двух предметов, относящихся к разным классам.

Например:

Ман андар хасрати рӯи чу мохаш

Шудам борик чун мӯи сиёҳат [211, с. 40].

From the pangs of your moon-face

I became so thin like your black hair (перевод информанта)

В этом примере сравнивается внешность человека (его худощавость) с тонкостью волос. В пределах метафоры невозможно сравнение первого типа. Поэтому при трансформации сравнительного оборота в предыдущем примере на метафорическую конструкцию метафорическое значение полностью ликвидируется: *Духтар шавад, зебову оқил мешавад – If a girl is born she will be beautiful and clever.*

Таким же образом, нельзя во втором примере трансформировать сравнительную конструкцию в метафорический оборот: *I became (so thin) your black hair.*

Следовательно, эти языковые факты свидетельствуют о том, что между метафорой и сравнением нельзя ставить знак равенства.

3. Метафорические и сравнительные конструкции не всегда взаимозаменяемы:

Тоҷикистони азизам модари гамхори ман [211, с. 45]. (Любимый Таджикистан – моя заботливая мать)

Если преобразовать данное предложение в виде *Тоҷикистони азизам мисли модари гамхори ман*, то теряется не только смысл первого варианта, но и второй вариант становится логически ущербным.

Таким же образом, если английскую сравнительную конструкцию *Mary sings like a nightingale* – *Мария булбул барин месарояд*) преобразовать в форму *Mary is a nightingale* – *Мария булбул аст*), то смысл этих двух предложений в корне будет отличаться. В первом варианте речь идёт о красоте пения Марии, а во втором случае предполагается наличие признаков соловья у Марии.

4. Метафора может быть выражена любой частью речи, к чему неспособно сравнение. Последнее, как правило, реализуется при помощи слов типа *like, as if* в английском и союзов типа «*мисли, монанди*» суффикса *-вор* в таджикском языке в сочетании с субстантивным словом. Например:

Осмон ошиқи замин гардид,

Бо зиннат бештар қарин гардид [217, с. 162]

(And now the sky with earth is in deep love

Since mankind conquered cosmic space above.)

В этом двустишии таджикский глагол «ошиқ гардидан» и его английский эквивалент «to be in deep love» употреблены в переносном значении, так как небо и земля не могут влюбляться. Здесь данные глаголы сопоставляемых языков употреблены в метафорической функции. Данную метафору невозможно преобразовать в «simile» и нельзя сказать «Осмон мисли замин ошиқ гардид». К тому же процессуальное слово никак не может быть употреблено в сравнительных конструкциях, т.е. сравнение не выражается глаголом.

Вот другой пример из таджикского языка:

Гар фишори рӯзгор обат кунад, миклин машав [211, с. 82].

If difficulties of life melt you, don't be lonely.

В этом примере глаголы *об кардан* и *to melt* употреблены в переносном значении *смягчаться, ослабляться*. Данный глагол не может быть употреблён в сравнительной конструкции.

5. Некоторые слова, как в английском, так и в таджикском языке в результате частого употребления в переносном значении превращаются в стёршуюся метафору, и это метафорическое значение фиксируется в словарях. В частности, слова *to get* в значении *понимать*, *to grasp* в значении *понимать* и *to see* в значении *понимать* относятся к такому разряду. В словаре А. Hornby [195, с. 545] в словарной статье, посвящённой глаголу *to grasp* даётся второе его значение: *understand (smth) fully*. Приводятся примеры: *I don't think you've quite grasped the seriousness of the situation. She never could grasp how to do it.* (Я не думаю, что ты полностью осознал серьёзность положения. До неё никогда не доходил смысл того, как это надо делать.)

На странице 516 этого словаря под номером 19 даётся значение глагола *to get* как *understand smb.or smth.* и приводятся примеры: *I don't get you/your meaning. She didn't get the joke.* (Я не понимаю, что ты имеешь в виду.)

Таким же образом таджикский глагол *резондан* в результате использования в роли метафоры приобрёл новое значение «подрывать», о чём свидетельствует оборот «*обрӯи касеро резондан*» – подрывать чей-либо авторитет. Это значит, что метафора становится средством установления отношений между словами в любом языке. Нам кажется, что сравнение не обладает таким свойством.

6. Эти стилистические приёмы преследуют разные цели. Метафора служит для отождествления двух объектов, тогда как сравнение направлено на нахождение схожести между двумя предметами не одного класса.

Например: *Мир моҳ асту Бухоро осмон,*

Мох сӯи осмон ояд хаме [211, с.80].

The king is the Moon and Bukhoro is the sky.

The Moon always comes to the sky. (перевод информанта)

(Король-это Луна, а Бухара-Небеса.

Луна же всегда приходит в небеса!)

В этом примере слова «*моҳ*» (*moon*) и «*осмон*» (*sky*) употреблены метафорично, и А. Рудаки отождествляет короля с Луной, а Бухару с небом. В примере: «*Ту хаёл кардӣ, ки ман хам мисли ӯ?*» [211, с. 60] (*Did you think that I was like her?*) (Ты считаешь, что между нами может быть что-то общее?.), автор хочет подчеркнуть, что говорящий не похож на неё, т.е. у него нет признаков этой дамы (Ҷ).

7. Слово-метафора может выступать в различных синтаксических функциях, тогда как сравнительная конструкция обычно выполняет синтаксическую функцию именной части сказуемого или обстоятельства образа действия:

Даҳони гунча рангин аст, лекин

Лаби нурхандаи ту беҳтар аз ӯй [69, с. 78].

The knob of a bud is coloured, but

Your laughing lips are better than that.

В этом примере слово «*даҳон*» и его английский эквивалент «*knob*» употреблены метафорически и выступают в синтаксической функции подлежащего, к чему никак не способен сравнительный оборот.

В предложении «*Ба оҳе дар танӯри сина обат мекунам охир!*» слово «*танӯр*» употреблено как метафора и выполняет со своим адьюнктом «*сина*» синтаксическую функцию обстоятельства места. Сравнительная конструкция никак не может выступать в этой функции.

Сравнительная конструкция может выполнять функцию сказуемого, к чему способна также и метафора: «*Ёдат чу шакар кунад ширин даҳонам*» – *Your memory sweetens my mouth like sugar.* В этом примере *чу шакар кунад* (*sweetens*), будучи сравнением, функционирует как обстоятельство образа действия. В предложении *Ту то зулфи парешон шона кардӣ. Маро якбораги девона кардӣ* [211, с. 40]– глагол «*девона кардан*» употреблен

метафорически, он выступает в синтаксической функции сказуемого. В английском переводе этого стихотворения глагол «to madden» (эквивалент таджикского слова *девона кардан*) также функционирует как часть сказуемого, сказуемое:

*As you have combed your tousled hairs,
I maddened all of a sudden.*

Английский глагол «to madden» может употребляться в метафорической функции:

It maddens me that she was chosen instead of me [195, c. 1748]. (Меня бесит, что её выбрали вместо меня.)

Следует отметить, что эти два стилистических приёма могут также выступать в синтаксической функции именной части сказуемого с глаголом-связкой «to be» (в английском) и «будан» (в таджикском языке): *Шумо гули боги санъат будед* [211, с. 40]. – *You were a garden flower of the arts.* (Ты была подобно цветнику сада искусств)

8. Очень важным дифференцирующим признаком метафоры и сравнения является их структура. Метафора обычно состоит из одного слова или словосочетания, а сравнение из союзного слова или предлога с именем существительным или субстантивным местоимением. *He ran like the wind (сравнение).* (Он мчался, как ветер)

*Равоқи манзари чашми ман ошёнаи туюст [211, с. 60] – *The arch of my eyelid is your home.* (метафора)*

Разница между metaphor и simile заключается еще и в том, что в случае simile какой-то предмет уподобляется другому предмету, а в случае metaphor какой-то предмет или явление номинируется под другим названием. Например:

Фарзанд мисли нури чаши азиз аст.-Children are like the sparkle of your eyes. (Дети являются светом очей)

В данном предложении мы имеем дело со сравнением, так как *фарзанд* является объектом сравнения, а *нури чаши* является сравниваемым

предметом. Но в следующем примере словосочетание «нури чаим» рассматривается как метафора, так как данное словосочетание является иносказанием слова *фарзанд*.

То маро он нури чаиму мехрубон аз даст рафт,

Тоқати тан, сабри дил, ороми чон аз даст рафт [69,с.63].

Обратимся к следующему примеру:

Магар қозикалон намедонист, ки гургонаш ба аробакаш тўҳмат карда истодаанд, медонист ва дида истода, онҳоро ба ин даъво ҳақдор мешуморад, чунки худааш пуштибони ин гургон буд [69, с. 64]. *Didn't the Kaziy know that his wolves had slanded the coachman?- he did, he saw it bt ustified them being their promoter*. (*Разве казий не знал, что его волки оклеветали кучера, знал, видел и оправдал, потому что он является их покровителем*)

В данном примере слово «гургон» является иносказанием для обозначения *скупщиков краденых вещей*, где подчеркивается и сравнивается варварство скупщиков с жестокостью и дикостью волков. Следовательно, в этом примере слово «гургон» выступает в качестве метафоры, что придаёт высказыванию особую эмоциональность. Если вместо слова «гургон» было бы употребляемо словосочетание «*одамони қозӣ*», данное высказывание не произвело бы желаемого эффекта на слушателя. При употреблении данной метафоры читателям представляется жестокая картина происшествия и появляются жалость и сочувствие по отношению к *арабакешу*.

Таким образом, метафора и сравнение являются разными стилистическими приёмами, придающими речи особую эмоциональную окраску. Между ними имеются некоторые общие черты, связанные с их функциями. Они сообщают о некотором подобии между двумя объектами, включаемыми в поток речи. Но между ними наблюдается больше различий, чем тождеств, которые проявляются в их семантике, функциях и лингвистической природе. Метафора может быть причиной возникновения нового значения у слова, к чему не способно сравнение. Однако большими

возможностями обладает сравнение, чем метафора, хотя метафоре свойственно приписывание признака предмета. Они различаются не только семантически, но и по структуре.

3.4. Метонимические сравнения в исследуемых языках

Как в английском, так и в таджикском языке существует особый троп под названием «метонимия», который способствует созданию стилистического потенциала сравнения в рамках сравнительных конструкций.

Метонимия является ярким тропом, который имеет описательную черту, что увеличивает и повышает потенциал восприятия и ощущения описываемой картины или ситуации.

Следует отметить, что метонимия является не прямой, а переносной характеристикой слова. Метонимия определяется Ю.М. Лотманом как акт, который выделяет постоянные или временные значительно-специфические черты, которые являющиеся свойственными этим предметам [98, с.20].

Профессор И.А. Гальперин рассматривает метонимию как стилистический прием, который может образовать новое слово. Разные лингвисты дают разные определения данному языковому явлению. Одни трактуют метонимию как трансформацию или перенос названия на основе смежностей понятий. Другие определяют метонимию как явление, которое заменяет одно название предмета другим на основе связи, которая существует между этими предметами [45, с.130]. Это означает, что один предмет уподобляется другим предметам, что является особым средством реализации сравнения в языке.

Так, Н.Д. Арутюнова определяет метонимию как «троп или механизм речи, состоящий в регулярном или окказиональном переносе имени с одного класса объекта или единичного объекта на другой класс или отдельный предмет, ассоциируемый по смежности, сопредельности, вовлеченности в одну ситуацию» [12, с. 300].

Считается, что метонимия является языковым явлением, которое базируется на основе логической связи слова, т.е. одной из важных функций метонимии является перенос названия одного предмета или явления на другой. Например:

Чун муаллими мактаби ибтидоӣ шудам ва ба ду курси маҳви бесаводӣ дарс мегуфтам, музди корам хеле калон буд [219, с. 314]

The final years before his stroke, his old-fashioned spectacles, bushy eyebrows, and deeply lined face made him look more like a retired college professor than the blue-collar he had been [244, с. 6].

(В последние годы перед ем, как хватил удар, его старомодные очки, кустистые брови, лицо изборожденное морщинами, придавали ему вид ушедшего на пенсию преподавателя колледжа, никак нельзя было сказать, что в прошлом человек этот принадлежал к отряду фабричных рабочих в синих халатах)

В таджикском предложении вместо фразы “неграмотные учащиеся ” употребляется фраза «курсии маҳви бесаводӣ»(курс ликвидации неграмотности), что является метонимическим эвфемизмом, и он привлекает внимание реципиента к толерантному сравнению предметов. В английском примере «blue-collar» является иносказанием выражения рабочих на фабрике, которые носят рабочие халаты белого и синего цвета.

Дар ин торикии чашигузар ӯ худро ба синаи Ромиш часпонду дилаш ором гирифт[215,с.19].

В приведенном примере метонимия «сина»(грудь), «объятия» можно соотнести с синекдохой. Синекдоха является одним из видов метонимии. Она предполагает употребление названия части вместо целого и наоборот. Например: *Шаҳр дар хоби ширин буд. (Город погрузился в сладкий сон)-The city was absorbed into deep sleep.(перевод информантов)*

Здесь вместо слово «население» употреблено слово «город» т.е. в место части(аҳоли) использовано целое(шаҳр).

But big nose in the grey suit still stared [246, с. 18] (*Но большой нос и серый костюм все еще разглядывали тебя*) -**Биникалоне, ки костюми хокистарраг дошт, то ҳол нигоҳ мекард.** (*перевод информантов*).

В этом английском предложении вместо человека названо его большой нос, так поскольку лица его не видно.

Следует отметить, что метонимическое значение является производным, но у этого значения имеется логическая основа, которая проявляется в контексте или ситуации общения. В частности, сказать «*шаҳр дар хоби ширин буд*» нелогично, так как не город спит, а спит его население.

Между основными и заимствованными словами существуют следующие типы отношений:

1) Вместо абстрактного понятия приводится название конкретного предмета. В частности, английское слово «*throne*» обозначает кресло или сидение, предназначенное для короля или королевы. Но в предложении «*Queen Elizabeth II succeeded to the throne in 1952*»[195, с. 133] (*Королева Елизавета вступила на трон в 1952 году*), слово «*throne*» обозначает абстрактное понятие «царская власть». *Вай даҳбошии ангиштканон шуда аст* [220, с. 261]. В данном примере слово «*даҳбошӣ*», будучи номинантом должностного лица, употреблено в абстрактном значении «руководить» (руководитель)

2) Вместо названия конкретного предмета употребляется его местонахождение. *The hall applauded* [234, с.80]]. (*Зал заапладировал*)-**Толор кафкӯбӣ зад.** (*перевод информантов*)

3) Вместо конкретного предмета упоминается его часть: *Баъди даҳ соли зиндагӣ ба ин зарн Худо нохун дод* [218, с. 189]. Здесь вместо слово «*фарзанд*» употреблено слово «*нохун*» обозначающие часть тела ребенка.

Таким образом, метонимия как любая образная форма выражения имеет сложную структуру. Как утверждает М.А. Кондратьева « с одной стороны, это чисто знаковый элемент, с другой стороны, это элемент знакового построения выразительного смысла, смежности. Это объясняет тот

факт, что метонимия рассчитана на создание эффекта убеждения, эмоциональной реакции и особой доказательности» [80, с. 112].

Следует отметить, что зачастую метонимизация эквивалентных слов английского и таджикского языков невозможны.

3.5. Гиперболическое сравнение и его особенности

Одной из разновидностей тропа, который содействует образованию яркого стилистического потенциала сравнительных конструкций, считается гипербола. Т.А. Гужова утверждает, что гипербола является одним из важных стилистических приемов, изучение, которого началось уже с античных времен. [49, с. 14]

Изучение лингвистической литературы показало, что по данной проблеме существует мало работ. Нам известны исследования Т.А. Гужовой[49] Е.В. Поликарповой[114], И.С. Курахтоновой.[88] и др. Поэтому по сей день вопрос о сущности и особенностях гиперболы считается не полностью изученным и существуют разногласия относительно статуса гиперболы и его толкования в языке.

Т.А. Гужова отмечает, что имеется ряд идей для определения лингвистического статуса гиперболы: «Гиперболу рассматривают: 1) как поэтическую фигуру; 2) как троп; 3) как особое свойство тропа; 4) как стилистический приём» [49, с.13]. Некоторые исследователи относят гиперболу к фигуре речи (например О.С. Ахманова,) другие учёные – к самостоятельному тропу. М.В. Ломоносов утверждал, что гипербола является преувеличением, из чего следуют предпосылки: «превышения страстей или превышения напряжённости» [96, с. 70]. С.А.Тихомирова считает, что одной из составных частей языка поэзии является гипербола, которая имеет богатую историю развития [138, с. 50]

Большинство философов и лингвистов XIX века относили гиперболу к числу тропов. Гипербола считается разновидностью иронии, которая преследует цель преувеличения.

К.П. Зеленицкий[67] относит гиперболу к тропам, в то время как О.С.Ахманова[188] считает её фигурой речи. Однако, следует отметить, что понятие «троп» и «фигура» сложно разграничивать, так как они очень сходны по своей сути.

И.Р. Гальперин относит гиперболу к стилистическому приёму, определяя гиперболу как «художественный прием преувеличения». Наряду с этим ученый описывает этот стилистический приём как невероятное художественное явление, осуществление которого является сомнительным. [45, с. 152]. Он выделяет две разновидности гиперболы:

- готовые шаблоны гиперболы, воспроизводимые в речи
- художественные гиперболы [45, с.152].

Вслед за ним Л.П. Крысин пишет, что в языке существуют определенные модели и образцы для создания эффекта гиперболизации. Относительно художественной гиперболы он пишет, что в таких гиперболах автор стремится к созданию уникальной гиперболы [85, с.80]

С.Н. Сыроваткин утверждает, что гиперболизация является сложным приёмом и поэтому сложно дать ей единое определение [134, с.80].

А.А. Потехня утверждает, что «гипербола есть результат как бы некоторого опьянения чувством, меняющим видом вещей в их настоящих размерах. Поэтому она редко, лишь в исключительных случаях, встречается у людей трезвой и спокойной наблюдательности. Если упомянутое чувство не может увлечь слушателя, то гипербола становится обыкновенным враньём» [цитата по 45 с. 152] .

«American Heritage Dictionary» определяет гиперболу следующим образом: «Гипербола является фигурой речи, которая основана на преувеличении, чтобы передать особое значение или эффект речи». [192, с. 75].

Мы склонны относить гиперболу к фигуре речи, которая основана на преувеличении тех или иных признаков и качеств предмета, что усиливает

выразительность и приписывает высказыванию эмфатический характер. Рассмотрим следующие примеры:

They were mingled with a thunder-like hammering of hoofs — a swishing and crashing of branches — savage snorts, accompanied by the sharp snapping of teeth — the dull «thud» of heels coming in contact with ribs and rounded hips — squealing that betokened spite or pain — all forming a combination of sounds that jarred harshly upon the ear [242, с. 60]. (Он смешивались с громоподобным цокотом копыт-рассеканием воздуха ветвями и производимым или треском-дикарских храпом, сопровождаемым резким клацаньем зубов, глухим постукиванием каблуков, соприкасающихся с ребрами и округленным крупом-визгом, выразившим злобу либо боль-все это сливалось в звуковую комбинацию, которая отдавалась режущим скрежетом в ушах)

«Oh, Miss Looey!» pursued the negress, as her fingers fondly played among the lustrous tresses of her young mistress's hair, «how beautiful your hair is! Like the long Spanish moss that hang from the Cyprus-tree; only that it is of a different colour, and shine like the sugar-house 'lasses'» [242, с. 70]. («О, мисс Луей, не уставала ворковать негритянка, пока её пальцы мягко прибирали отливающиеся блеском косы своей юной хозяйки,-«Д о чего же у вас красивые волосы! Как длинный испанский мох, свисающий с кипариса, только он другого цвета и сияет чистотой, как юные служанки в сахарном доме».)

В первом примере сравнивается звук, издаваемый молнией и копытами коня. Конечно, звук, который издаётся молнией громче, чем звук, издаваемый копытами коня. Данное гиперболическое сравнение даёт возможность реципиенту представить себе то, с какой скоростью мчался конь.

Во втором примере автор сравнивает текстуру и густоту волос героини своего рассказа с породистой испанской лошастью, что придаёт описанию яркий и запоминающийся образ.

Рассмотрим некоторые примеры из таджикской сатиры Ш. Шоҳина, который написал о своей лошади:

*Шикам аз зояти ковокию қоқӣ чу сабад,
Пой аз бобати бемаззию хушкӣ чу зарав.
Арраи пушти ваю тумушқ қоқуртии ӯ,
Метавон гуфт, ки ин пармиву он оҳасав.
Оғил аз резиши паими тани огандаи ӯ
Ҳамчу дӯкончаи наддоф шуди вақти қашав* [150, с. 56].

В данном примере мы видим, что поэт сравнивает с помощью словосочетания «*пой чу зарав*» удобу лошади с тонкостью тростника и камыша. В следующей строке «*Ҳамчу дӯкончаи наддоф шуди вақти қашав*» мы видим, что поэт сравнивает объем выпадения гривы лошади в мастерской, где обрабатывают шерсть. Рассмотрим другой пример:

*Бар ҳар дили инсон суханат баски писанд аст,
Чун кӯҳи Бадахшон сарам аз шавқ баланд аст* [69, с. 67].
*Your words are endorsed by every heart
Like mountains of Budakshan my head is up with the pride* (перевод информанта).

В приведенном примере наблюдается гиперболизация. В этом примере автор высказывания сравнивает свою гордость, т.е. «*сарм баланд*» (букв. с высоко поднятой головой) с высотой гор Бадахшана.

Гипербола бывает ненадуманной, простой, а иногда бывает нереальной, которую сложно воспринять. *The village was empty as if even the fly would not fly.* (Деревня была безлюдной, где не было никого, муха и та не пролетала.)

Следует отметить, что гиперболическое сравнение также активно употребляется в устной речи. Например:

Гӯё ки замин кафидаасту одам баромадааст (букв. словно земля треснула и оттуда вышли люди). Данное гиперболическое сравнение обычно употребляется, когда говорят о массовом скоплении людей.

Гуё ки дунё ба сараш фуру рафт – (букв: словно мир на голову свалился). Такое гиперболическое сравнение обычно употребляется, когда говорят о человеке, неожиданно обремененном чем-то, огорошенном, загруженном.

Итак, рассмотрев гиперболическое сравнение в сопоставляемых языках, мы приходим к выводу, что основной функцией гиперболического сравнения в обоих языках является повышение экспрессивности высказывания, что преследует цель воздействия речи на реципиента для яркого представления описываемой ситуации.

Гиперболическое сравнение используется для более чёткого изложения той или иной ситуации, человеческих качеств и для выражения эмоций.

3.6. Сравнение, основанное на эпитете

Эпитет как стилистический прием в лингвистических источниках считается одной из дискуссионных и сложных проблем.

Термин «эпитет» происходит от греческого слова, со значением «наложенный, приложенный». Античные мыслители определяли эпитет как второе имя, которое добавляло или накладывало дополнительную характеристику первому имени. Аристотель был одним из первых античных мыслителей, который начал изучать данное языковое явление. Он полагал, что эпитет, как и метафора, может быть образован «от слов прекрасных по звучанию, или значению, или для зрительного или другого восприятия» [7, с. 109].

В современной лингвистике большинство ученых определяют эпитет как средство субъективно-индивидуального оценочного отношения к описываемому предмету, которое не всегда дополняет семантическую характеристику определяемого слова.

В диссертационном исследовании С.А. Губанова написано: «Отечественные исследователи эпитета (А.Н.Веселовский, В.М.Жирмунский,

Б.В.Томашевский и др.) трактуют природу художественного определения с двух позиций: широкой (эпитет есть любое определение, употребленное в художественном контексте) и узкой (эпитет есть только переносное, метафорическое прилагательное). Он учитывает различные критерии, применимые к характеристике эпитетов. Эпитет – сложное понятие, меняющее свою природу с течением времени[48, с. 6]

Итак, эпитет является словом или выражением, которое из-за особой функции и структуры в определенном тексте приобретает оттенок, что помогает слову или выражению приобрести яркость или выразительность. Эпитет считается одним из основных способов выражения субъективного отношения к описываемому предмету. И.В. Арнольд считает, что экспрессивность является основополагающей чертой эпитета, а образность является его дополнительной чертой [10, с.136]. Эпитет считается также средством выражения эмоциональности высказывания [170, с. 157].

Одной из важных функций эпитета является создание в передаваемом сообщении желаемого эффекта и впечатления со стороны реципиента. Данный эффект может быть реализован при взаимодействии экспрессивности и эмоциональности. Эпитет, будучи стилистическим приёмом, по своей сущности является эмоционально-экспрессивным средством. Образные эпитеты считаются оригинально авторскими, которые передают субъективно-индивидуальное восприятие говорящего.

И.Р. Гальперин пишет, что, эпитет является фигурой речи, которая построена на основе контекстуального и предметно-логического значения определения. Данное определение предполагает, что в некоторых случаях эпитет может быть выражен целым предложением, словом или фразой. Эпитет выражает индивидуальное отношение автора по отношению к тому или иному явлению. Логическое определение предмета является объективным мнением автора, которое не может сообщать оценочную характеристику предмета. Следует дифференцировать эпитет и логическое определение. Традиционно эпитет имеет субъективно-оценочный характер. И

таким образом, эпитет выражает дополнительную информацию о предмете. И.А. Гальперин разграничивает два типа информации: «смысловую и эстетическую информацию. «Эстетической информацией» автор называет «эмоционально-дополнительную» [45, с. 141]. Например: *sweet cake* – кулчақанди ширин (сладкий торт), *dead silence* – мертвая тишина (хомӯшии чимҷит), *blue sky* – голубое небо (осмони кабуд).

In the cold, gray, street-washing, milk-delivering, shutters-coming-off-the-shops early morning, the midnight train from Paris arrived in Strasbourg [240, с. 50]. (Холодным ранним утром, когда начинают поливать улицы, а с витрин магазинов снимают ставни, полуночный поезд из Парижа прибыл в Страсбург)

Every day he took many pictures of her, sometimes in the nude, sometimes in the sea, several times perched high on a rock, like some fabulous red-gold sea creature [209, с. 40]. (Каждый день, он фотографировал её много раз, иногда в стиле ню, иногда купающейся в море, он сделал несколько снимков её, взграмоздившейся на скалу, где она походила на сказочную карсно-золотистую морскую русалку)

I guess throwing away good hard-earn money is my affair isn't it? [204, с. 253] (Играть с твоим прозрачным шарфом и ерошить твои золотистые волосы)

В таджикском языке:

Хоби хуши сӯҳбат барод аз дидаи махмур,

Шаб гар шунавӣ наъраи мастонаи моро [217, с. 283]

Насими навбахорӣ кокули заррин ба ҷанг орад

Зи болои сараи гул резаду қарси фаранг орад [217, с. 85]

(And than, I know a breeze will rise upon the limpid air

To play with your translucent scarf and stir your golden hair)

Каждое из употребляемых в этих примерах определений можно считать эпитетом, если они используются не в предметно-логическом, а в эмоциональном значении.

Относительно эпитета как эстетической информации А.В.Павшук пишет, что «эпитет – художественное определение (определение в эстетической функции) предмета, лица, явления, процесса, ситуации, выделяющее, подчеркивающее, усиливающее существенный, с точки зрения автора, признак. [113, с. 20].

Изучив различные определения данного явления, мы пришли к выводу, что в лингвистике существует довольно много дефиниций данного термина. В нашей работе мы определяем его как стилистическое средство, которое обладает экспрессивно-оценочным свойством.

Проблема классификации эпитетов занимает центральное место в современной лингвистике. Однако следует подчеркнуть, что не существует единого принципа у лингвистов, по которому они могли бы их классифицировать.

И.В. Арнольд выделяет две разновидности эпитетов: эпитеты, которые не имеют нарушения семантического согласования, и эпитеты, которые имеют нарушения семантического согласования. [10, с. 69].

В зависимости от отношений между эпитетом и словом, к которому он относится, Р. И. Гальперин подразделяет эпитеты на языковые и речевые. Языковыми эпитетами принято понимать эпитеты, которые в результате регулярного использования стали готовыми шаблонами или клише, которые неизменно употребляются в речи. Например:

Deep feelings – ҳиссиёти чуқур (глубокое чувство), sweet voice – овози ширин, (сладкий голос), unearthly beauty – зебоии ғайризаминӣ (неземная красота) и т.д.

Таджикский лингвист К.Усмонов, вслед за профессором И.А. Гальпериным, по семантике эпитеты делит на два вида : ассоциативные эпитеты (тавсифҳои вобаста) и не ассоциативные (тавсифҳои новобаста).

Ассоциативные эпитеты указывают на признак, который действительно характерен для предмета. Например:

There was warmth, but little colour, in her cheeks; her large, dark eyes were soft. [234, с. 7].

Не ассоциативные эпитеты, наоборот, приписывают признак. Например: *heart-burning smile (табассуми дилхарои), thirsty desert (биёбони ташналаб) и т.д.*

Ассоциативные эпитеты часто подчеркивают один из признаков предмета, который является иногда факультативным или несущественным, который автор выводит на первый план, привлекая внимание читателя, и тем самым выражают свое отношение к данному предмету [45, с. 142].

Ассоциативные эпитеты можно подразделить на следующие подгруппы:

Постоянные эпитеты – характерные качества предмета, которые составляют его сущность.

Например: *round table - мизи мудаваар (круглый стол), high building – бинои баланд (высокое здание), blue sky – осмони кабуд (голубое небо), hot summer- тобистони гарм (жаркое лето), kind mother - модари мушфиқ (нежная мать) и т.д.* Прилагательные, использованные в данных словосочетаниях, являются объективными признаками данных существительных. Рассмотрим некоторые примеры из английского языка:

All the houses along the seafront promenade had blank, black windows, for this was a summer place, in February it was only half alive [209, с. 21].

He waved a hand around the small kitchen, scattering little drops of foamy water, and she saw the room through his eyes, the clean windows, the shining taps, the immaculate sinks [209, с. 23].

Пояснительные эпитеты - качество предмета не является постоянным, а приписано им говорящим . Например:

Рашик мебурдӣ, ки қӯҳи сарбаланди нухрақӯш

Осмони нилгунро мекашад бар рӯи дӯш [217 с. 86]

You envied granite slopes, that rising upward, share

With ease the heavy burden tale has made man bear (перевод информантов)

Her pleasant smile robbed the coming ordeal of some of its terror. [228, с. 50]

Тавтологические эпитеты. Они обозначают которые такой признак который заложен в самом определяемом [141, с. 19]. Например: *daumi беканор (endless desert), офтоби дурахшон (shining sun)*

На основе смыслового содержания эпитеты можно классифицировать на образные и безобразные эпитеты. К первому типу относятся следующие эпитеты: синестетические, сравнительные, звукообразные, метафорические.

В синестетических эпитетах образность основана на психологическом понятии «синтеза». Это можно определять, как слово, которое обозначает межчувственную связь. Это – языковые универсалии, которые фиксируют межчувственную связь словесно. Семантическая специфика данного эпитета состоит в том, что он трансформирует признаки и качества, которые усваиваются одними органами чувств, на объекты и явления, которые не могут быть усвоены по своей природе. Необычная комбинация индивидуально авторского восприятия мира содействует яркому и необычному образу.

She was watching a brown spaniel that had run out of a side-path, and was looking toward them with lifted nose, making a soft, fluffy bark [228, с129] (Она наблюдала за спаниелем коричневого окраса, выбежавшего со стороны тропинки и смотревшим прямо на них, нос у него был вздернут, лаял он приятным незлобивым тембром)

В этом примере в сознании героини как бы перекрещиваются два потока информации: звуковой (лай собаки) и зрительно-тактильный (ее пушистая мягкая шерсть) — в месте пересечения этих двух потоков возникает синестетический эпитет «мягкий, пушистый лай». При переводе на русский синестетизм уходит, потому, что «пушистый лай» -сочитание по

условиям языка несоединимое и тактильный образ разрушается, на его место приходит, более реальный.

Вот один таджикский пример:

Басе қиссаҳои хунин бо таърихи ин сана вобастаанд[208, с. 180]

Здесь эпитет «хунин» заставляет читателя представить себе ситуацию, где происходит кровопролитие.

Сравнительные эпитеты реализуются при участии сложных прилагательных с элементом like, где первый элемент существительное, а второй элемент прилагательное (Noun+adjective). Например: *sky+blue - осмонранг (небесно голубой) lily+white – сафеди бунафшранг (лилово белый) и т.д.* Обычно в таких сложных прилагательных второй элемент является цветообразующим понятием.

Чаши алмосии ту дар шишаи дилнора кард

Зиндагии талху ширин маро наззори кард[217, с. 205]

Your eyes never lied a soke and at taleshood they lash,

Their diamond-like glance on the glass of my life leaves a gash.

Сравнительные эпитеты в отличие от метафорического эпитета выражают сходство двух или более понятий, которые при этом не приобретают черты двупланности.

В сопоставляемых языках функционируют также **звукообразные эпитеты**. Данные эпитеты в свою очередь делятся на подгруппы:

- звукосимволические
- аллитерирующие

Одной из самых распространённых разновидностей звукообразного эпитета является звукосимволический эпитет. Обычно звукосимволические эпитеты выражаются словами, которые имеют звукоподражательную

оболочку и как бы воспроизводит звуками птиц, животных, стука, грома и других природных явлений. Например:

Зинда кардам дар замин ман шуълаи хомӯширо,

Бо сухан дар чӯш овардам дили бечӯширо [217, с. 55]

The clean clear bitter-sweet chat`s not for me

В таджикском примере слова «*хомӯш*» и «*бечӯш*» представляют собой звукообразные эпитеты. Они по звучанию напоминают звуки фонтана. А в английском примере слова «*clean*» и «*clear*» выступают как звуко-символический эпитет благодаря звуко-сочетанию [kli], напоминающему бессмысленное чириканье птичек.

Другой разновидностью звукообразных эпитетов является аллитерирующие эпитеты. Л.А. Турсунова считает, что данное сравнение основано на аллитерации, т.е. на повторе одинаковых согласных звуков, являющееся средством, которое передает выразительность художественной речи. [141, с. 61] Например:

Биё, эй дилбари гесубирида, интизорат ман,

Биё, эй чаими нилӯпарварида, интизорат ман[217, с. 84]

Forgetful head makes a weary of heels(proverb).

В таджикском примере повторение фонемы [p] в слове «*нилӯпарварида*», выступающей как звукообразный эпитет, придает стихотворению выразительность. Такую же функцию выполняет повторение фонемы [f] в слове-эпитете «*forgetful*». При переводе на русский нужно подобрать другой звуковой образ.

3.7. Сравнение, основанное на контрасте

Сравнение может быть выстроено на основе контраста, который в стилистике называется «антитезой». Она базируется на сопоставлении и сравнении двух далеких друг от друга предметов. Антитеза занимает особое место среди риторических фигур речи.

Антитеза происходит от греческого слова со значением «противоположность». По Р.И. Гальперину антитеза служит для образования контрастной характеристики описываемого явления или предмета [45, с.242]. Данное языковое явление служит для сравнения логических явлений, которые противоречат друг другу. Сравнение, основанное на антитезисе или контрасте, может выявить не общие качества, а противоположенные качества. Например:

Балои ишқи ту бар ман чунон асар карда-ст,

Ки панди олиму чоҳил намекунад асарам. [217, с.104]

И.Р. Гальперин разграничивает две разновидности антитезы «логическую и стилистическую». По его мнению, при сравнении противоположных явлений или феноменов задействованы слова, которые не могут выражать противительные понятия. В таком случае слова могут получать «дополнительные оттенки значения». Исходя из слов И.Р. Гальперина, если слова приобретают контекстуальные значения, то это является заслугой лингвистики, а не логики. Соответственно, анализ антитезы требует брать во внимание тот факт, что слово приобретает дополнительное значение, т.е. смысловые наслоения, которые появляются в результате сравнений и сопоставлений понятий [45, с. 243].

Немецкий ученый Н.М. Наер разграничивает две разновидности антитезы: «логическая антитеза» и «сомнительная антитеза». Он утверждает, что «логическая антитеза» охватывает грамматическую и лексическую антитезу. Грамматическая антитеза может быть базирована на построении контрастности или противоположности на основе сем двух словоформ.

Лексическая антитеза может быть построена на основе контекстуальных антонимов [107, с. 190].

Для создания антитезы на лексическом уровне используются антонимы. Антонимы, по К.А. Левковской – это лексические единицы, имеющие противоположное значение. [93, с. 351]. Однако, следует отметить, что антитеза это не только два противоположных по смыслу значения, а противоположных понятий к одному общему. Например:

*Ғамат дорам, маро шодӣ ҳамин аст,
Зи бахти ҷои ободӣ ҳамин аст.* [217, с. 284]

Антонимы делятся на две группы: *окказиональные и узуальные*.

М.А. Кондратьева под узуальными антонимами понимает те противоположные лексемы, которые являются антонимами даже вне контекста. Узуальные антонимы могут быть выражены наречиями, прилагательными и существительными [80, с. 122]. Например:

*Ў милкҳои чашмонашро чапаю роста карда, аз девор ҳарфҳоро
нишон дода менурсид*[215, с. 140]. -

Mrs. Nork had a large home and a small husband [223, с.44]

В первом примере узуальные антонимы выражены прилагательными чапаю-роста. Данное сравнение выражает яркий контраст и придает высказыванию эмоциональный и экспрессивный потенциал. С точки зрения структурного построения, эти антонимы образованы при помощи прибавления соединительного энклитика «у». Во втором примере узуальные антонимы выражены при помощи существительного.

Относительно окказиональных антонимов можно сказать, что они, также как и узуальные, могут быть выражены разными частями речи. Отличительной чертой узуальных и окказиональных антонимов является то, что окказиональные антонимы могут существовать только в пределах одного контекста. Например:

*Ду рӯи барҷастаи ӯ анча фӯрӯ рафтааст, вале ин боз ба ӯ ҳусну
ҷамоли беишаре башиидааст.* [215, с. 69] - Her two cheeks protruded and it

added more charm to her face. (перевод информанта) (*Чуть выступающие скулы придавали её лицу дополнительное обаяние*)

Он гоҳ Ҳемнолинӣ рост ба рӯи Ромиш нигоҳ кард ва Ромиш дар ин нигоҳи ӯ азобу алами ботинӣ ва ишқи чӯши ӯро хонда тавонис. [215, с. 56]

Окказиональный антоним в первом примере выражен прилагательными «*фӯрӯ рафта*» и «*хусну чамоли бештаре бахшида*». В данном предложении автор сравнивает два противоположных понятия. Обычно выступающие скулы не являются признаком красоты, они огрубляют любое лицо, но героине, по мнению автора, мудрой и душевной, они придают особое индивидуальное обаяние.

Во втором примере автор фрагмента сопоставляет два противоположных чувства как «страдание» и «любовь». Благодаря такому контрасту у реципиента складывается яркий образ описываемой картины.

3.7.1 Сравнение, основанное на оксюморне

Другая разновидность тропа, которая основана по принципу оппозиции, является оксюморон. По О.С. Ахмановой, оксюморон является фигурой речи, имеющей два понятия, являющаяся противоположными друг к другу. [178, с.286].

Профессор В.В. Виноградов был одним из первых, кто описал данное явление в русской лингвистике. Он считал, оксюморон разновидностью сравнения или эпитета и отмечал, что оксюморон может быть «сложным», так как при оксюморне «осуществляется смысловой и эмоциональный контраст слов, рождающих новый символ» [40, с.384].

Согласно Э.Г. Шестаковой, оксюморон – это сопоставление противоположных слов и понятий, значение которых не уничтожается при соединении данных двух противоположных слов по значению, а наоборот, отображает новое явление или новое состояние [162, с.62].

Лингвистическая природа оксюморона была также исследована Р.М. Флаихом [198], который считает, что оксюморон является фигурой речи, где

противопоставлены несовместимые слова, фразы или явления, чтобы создать риторический эффект. Например: «sad joy»-«грустное веселье», «tender cruelty»-нежная жестокость, «awfully beautiful»- ужасно красивая, «sweet sorrow»- сладкая печаль и т.д.

В своей книге «Услужбети забони англисӣ ва муқоисаи онҳо бо забони тоҷики» таджикский языковед К. Усмонов пишет, что у оксюморон имеется одна структурная особенность: он осуществляется путем сочетания существительного с прилагательным. В словосочетании «существительное +прилагательное» существительное является основным компонентом, а прилагательное выступает его определением. Однако прилагательное обозначает такой признак, который вовсе отсутствует в содержательной структуре определяемого существительного [142, с.84].

Например:

Зи лавҳи гӯрҳо, аз мармари сарди мазористон,

Зи хоки мурдагони зиндатар аз зиндагӯрон,

Зи нақши ҳар китоба, нақши нохун дар тани зиндон,

Зи соҳилҳои бедарё, зи дарёҳои бечараён

Ту моро кофтӣ, устод,

Ту моро ёфтӣ, устод. [142, с. 84]

В данном примере прилагательные «зиндатар», определяет существительное «мурдагон», что противоречит реальности, так как умершие не могут быть живыми. В словосочетание «соҳилҳои бедарё» прилагательное «бедарё» указывает на такой признак «соҳилҳо», который не присущ, им так как берега не могут быть без реки.

В словосочетание «дарёҳои бечараён» прилагательное «бечараён» обозначает такой признак, который не присущий рекам, так как река не может быть без потока.

Таким образом, оксюморон является стилистическим приемом, который целенаправленно объединяет и сопоставляет слова, имеющее

оппозиционные значения. Следует отметить, что чем неординарнее оксюморон, тем эффективнее он влияет на реципиента. Например:

... he waited, then rang again, and this time he heard what sounded like a muffled cry coming.... [244, с. 33]

Оксюморон в своем сочетании может иметь слова, которые относятся к разным синтаксическим классам. Например:

Adjective+ noun

There was a peaceful beauty to the coastal lowlands, and he slowed the car taking it all in[244, с. 29].

"The wordy silence troubled her."[251, с.40]

Verb+verb(редко)

Mr. Gruyter both disliked and respected him. [240, с.7.]

Таким образом, оксюморон является фигурой речи, состоящей из двух элементов, которые стоят в оппозиции друг к другу. Оппозиция является семантической связью между значениями двух лексических единиц.

Выводы по третьей главе

Функционально-семантическое поле сравнения в сопоставляемых языках находит свое выражение такими стилистическими тропами как метафора, сравнение, метонимия, эпитет, гипербола, антитеза и оксюморон. Наиболее употребительными является метафора и сравнение.

При метафорическом употреблении слова предмет или явление номинируется названием другого предмета или явления. В основе такой номинации лежит общность одного или более признаков у этих предметов или явлений, т.е. происходит процесс уподобления одного предмета или явления другим. По структуре метафора состоит из двух номенантов: 1) слово, называющее сравниваемый объект, 2) слово, номинирующее сравниваемый объект. При метафоризации происходит взаимодействие двух объектов, в ходе чего происходит расширение смысла и смещение значения слова, что основано на ассоциативной связи между предметами и явлениями объективной действительности. Поэтому метафору называют скрытым сравнением.

Метафора может быть открытой и замкнутой по внешней структуре.

При выражении поля сравнения посредством стилистического приема *simile* (ташбех) происходит процесс поиска какого-либо общего признака между двумя предметами или явлениями. Поэтому в качестве номинальных элементов сравнения выступают номинанты какого-либо предмета и объекта сравнения. Созывающим элементом этих двух единиц служат некоторые союзы типа «like - мисили, чун» «as if - гўё ки» и др.

Имеются два вида сравнения: нормативные и окказиональные. При нормативном сравнении используются готовые, традиционные модели, а при окказиональном сравнении происходит какие-либо инновации в структуре сравнительных оборотов.

Сравнение (*simile*) может быть открытым или скрытым. Первый тип состоит из трех компонентов, а второй тип носит ущербный характер, т.е. в нем отсутствует соединительный элемент, который предполагается.

Между метафорой и сравнением имеется много общего. Они оба направлены на сравнение двух объектов и явлений, но метафора -это скрытое, а simile-это открытое сравнение. Между ними имеется много дифференциальных признаков: метафора выражается одним словом, а simile-синтаксической конструкцией. При метафоре происходит изменения семантики метафорического слова, а при simile этого нет.

Метафора может быть выражена любой частью речи, а simile к этому не способно. Метафора служит для отождествления двух объектов, а simile на нахождение сходств между двумя предметами разных классов.

Метонимия также способствует созданию стилистического потенциала сравнения. Метонимия - это регулярный или окказиональный перенос названия одного предмета на основе их смежности, сопредельности или вовлеченности в один ряд, в одну ситуацию. Такой перенос происходит или образуется на основе логической связи слов, которая ассоциируется из контекста или ситуации общения. Между заменяющим и заменяемым словами существуют определенные отношения: 1) вместо абстрактного понятия номинируется конкретное понятие; 2) вместо названия предмета номинируется его местонахождение; 3) вместо конкретного предмета называется его часть.

Зачастую метонимизация эквивалентных слов сопоставляемых языков сравнивать невозможно.

Гипербола также служит средством выражения поля сравнения. Гиперболическое сравнение основано на преувеличении тех или иных признаков и качеств предмета с целью усиления выразительности высказывания. Гипербола в сопоставляемых языках бывает ненадуманной, реальной, обычной и нереальной.

В выражении функционально-семантического поля сравнения может участвовать также и стилистический приём «эпитет». Эпитет указывает на такое сравнение, которое основывается на противопоставлении сущностного признака или свойство предмета с его субъективно-оценочным признаком,

приписываемым предмету, лицу или явлению говорящим лицом. Данный признак служит для выделения, подчеркивания, усиления характеристики предмета, о котором идет речь. Поэтому эпитет дает дополнительную оценочную информацию о предмете.

Эпитеты бывают по семантике ассоциативными и неассоциативными, у которых также имеется несколько разновидностей. По смысловому содержанию в обоих языках разграничиваются образные и безобразные эпитеты. У образного эпитета три разновидности. Способы выражения эпитета в сопоставляемых языках во многом различаются.

Сравнение может основываться на антитезе, под которой понимается образование, служащее для выражения контрастной характеристикой того или иного предмета или явления. Такое сравнение направлено на выявление не общих признаков предмета, а противоположных качеств. Структура антитезы состоит из двух антиномических лексических единиц. Такие антонимы могут быть также окказиональными.

Оксюморон также может служить целям сравнения. Оксюморон направлен на выражение контраста и сопоставление двух несовместимых понятий, которые в потоке речи, сочетаясь друг с другом, служат для отображения нового явления или нового состояния. Структурно он состоит из имени существительного и имени прилагательного, обозначающего такой признак, который отсутствует в содержательной структуре определяемого им существительного.

В целом, вышеуказанные стилистические тропы в таджикском языке употребляются шире и больше, чем в английском языке. Их структура и семантика также разнообразнее в таджикском языке. Они зачастую не совпадают в сопоставляемых языках, что связано, очевидно, с социальными условиями жизни носителей этих языков и с историей их развития.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сравнение является очень сложным и многогранным логико-психологическим концептом мыслительной деятельности лица. Поэтому его изучают как особый феномен и в философии, и в логике, и в психологии, и в лингвистике. Философы трактуют сравнение как познавательный процесс. С логической точки зрения сравнение считается средством познания духовных и культурных ценностей. Психологи рассматривают сравнение как мыслительную и когнитивную функцию человеческого мозга. В лингвистике сравнение рассматривается в двух ракурсах: структурном и семантическом. В семантическом плане сравнение направлено на выявление тождеств или различий в качествах, свойствах и признаках предметов материального мира и их действиях и сопоставлениях. Оно предполагает понятия равенства или неравенства таких признаков и свойств. Структурный аспект изучения сравнения направлен на выявления разноуровневых средств выражения данной категории, куда относятся единицы лексического, словообразовательного, грамматического, фразеологического и стилистического уровней языка.

В разработке различных аспектов категории сравнения большой вклад внесены русскими учеными, начиная с М.В. Ломоносова до наших дней. Во второй половине XVII века им был предпринят новый подход в изучении данного лингвистического феномена, суть которого заключается в том, что он должен рассматриваться как явление, соприкасающееся почти со всеми уровнями языка. В этом деле велик вклад академика В.В. Виноградова, который сделал очень многое в изучении оценочной и лингвопоэтической функции сравнения. Он также положил начало изучению стилистического арсенала выражения категории сравнения. Одновременно с ним в этом направлении работали также французские лингвисты. Кроме того, они предприняли новый подход в этой сфере, включив сравнения в сферу риторики.

Последователи академика В.В. Виноградова исследовали сравнение в синтаксическом, фразеологическом и прагматическом ракурсах. Не остались в не поля зрения также лексические и словообразовательные средства выражения данного явления.

В таджикском языкознании эта проблематика мало изучена. Исследуя фразеологические средства выражения сравнения в английском и таджикском языках, а также сравнительные придаточные предложения, таджикские ученые подчеркнули роль некоторых стилистических троп в реализации значения сравнения в английском и таджикском языках. Других работ в этой сфере нет.

Несмотря на то, что было уделено большое внимание изучению сравнения, многие аспекты проблемы остаются до сих пор либо дискуссионными, либо не полностью решенными. Сюда относятся вопросы, связанные с его классификацией видов и типов сравнения, с границей поля сравнения и с механизмом включения в речь средств и способов выражения данного феномена и т.д. В таджикском языкознании, кроме того следует внедрить имеющиеся в исследованиях России и западной Европы теоретические положения об отношении категории сравнения к материалу сравниваемого языка.

Термин «сравнение» относится к разряду тех лексических терминов, у которых имеется широкая содержательная и понятийная структура. С одной стороны, «сравнение» обозначает понятие «comparison» в английском и «муқоиса» в таджикском языках. Содержание этого термина предполагает понятия равенства-неравенства, различные степени качества, которые могут проявиться либо в большем, либо меньшем объеме. Такое качество может быть признаком предмета или действия (состояния). Сравнение в данном случае находит свое выражение при помощи форм степеней сравнения прилагательных или наречий, а также может быть выражена лексическими, фразеологическими и даже словообразовательными средствами языка. С другой стороны, «сравнение» указывает на стилистический троп «simile» в

английском и «киёс» (ташбех) в таджикском языке. Эта фигура речи служит для уподобления одного предмета другому на основании какого-либо общего признака.

Авторские сравнения (метафоры, фразеологизмы и т.д.) обычно и являются образными, потому что языковые, которые противостоят авторским, используются всеми носителями языка и чаще всего бывают безобразными. От частного употребления их образность стирается

У сравнения имеется ряд функций: создание образности, оценочная функция, экспрессивная и эмотивная функция. Имеются две разновидности экспрессивности: экспрессивно-усилительная и экспрессивно-эмоциональная.

Сравнению также свойственно также сверхорганизующая функция, т.е. оно используется в комбинации с другими языковыми выразительными средствами и приёмами.

Сравнение может реализоваться и при помощи морфологических средств таджикского и английского языков. Сюда относятся формы степеней сравнения прилагательных и наречий. Категориальная форма положительной степени этих двух частей речи лишена идеи сравнения. Формы сравнительной степени называют такое качество предмета или действия, которая сравнивается с качеством другого предмета или действия. А форма превосходной степени выражает высшую степень качества предмета или свойства действия. Эти две категориальные формы в английском языке образуются синтетическим, аналитическим и супплетивным способами в зависимости от числа слогов в слове или по традиции. А в таджикском языке они маркируются синтетическими средствами.

В выражении функционально-семантического поля сравнения участвует также синтетическое средство, которым является придаточное предложение сравнения. Оно указывает на предметное сходство и служит для модификации сказуемого, т.е. дает квалификативную характеристику действия или события, выражаемого в главном предложении. Такие

придаточные предложения разделяются на три семантические типа: они могут выражать: 1) идею нереального, или невероятного; 2) идею реального сравнения; 3) идею пропорционально нарастающего признака действия. Для связи такого придаточного с главным предложением таджикский язык использует девять союзов, а английский языке – шесть. Такое придаточное в обоих языках может стоять либо в препозиции, либо в постпозиции. В английском языке главное предложение иногда занимает интерпозицию.

Сравнение в сопоставляемых языках может также выражаться специальными стилистическими тропами, к которым относятся метафора, метонемия, синекдоха, сравнение, эпитет, гипербола и т.д.

Метафора является одним из ведущих тропов при выражении поля сравнения. Метафора – это уподобление одного предмета другому, одного действия другому, в результате которого номинант данного предмета или действия получает переносное значение. В основе понятия метафоры лежит скрытый перенос определенного признака или признаков одного предмета или явления на другой предмет или явления, что происходит путем номинации первого предмета (явления) другим словом. Поэтому называют также скрытым сравнением. В данном случае сравниваемый предмет упоминается, а в другом нет. Соответственно, метафоры делят на открытые и закрытые. Метафора может быть стертой и авторской.

Метафора в таджикском языке и в особенности в классической поэзии используется значительно шире и разнообразнее, чем в английском языке.

Сравнение (simile) также является распространенным приёмом выражения поля сравнения в исследуемых языках. При сравнении (simile) один предмет уподобляется другому на основе наличия у них общего признака. В структурном плане оно состоит из номинантов объекта сравнения, сравниваемого предмета и соединительного слова или оборотов, которых в таджикском языке девять единиц, а в английском шесть единиц.

Разграничиваются нормативное и окказиональное употребления сравнительных конструкций.

Можно выделить четыре типа сравнения: открытые сравнения, скрытые сравнения, развернутые сравнения и условные сравнения.

Между метафорой и сравнением имеется много общего, но у них имеется ряд и дифференциальных признаков. При сравнении не изменяется семантика номинанта сравниваемого предмета, а при метафоре она изменяется. При сравнении имеется членимая структура, чего нет при метафоре. Сравнение является синтаксической категорией, а при метафоре происходит семантический сдвиг, т.е. она является лексико- семантическим явлением. У метафоры имеется функция идентификации двух объектов, а сравнение предполагает нахождение какого-либо сходства между объектами. Метафора связана со словом, а сравнение с- синтаксическим образованием. Метафора служит для отождествления двух объектов, а сравнение направлено на нахождение схожести между двумя предметами разных классов

Троп метонимия также служит целям сравнения в сопоставляемых языках. Под метонимией понимается постоянное или ситуативное употребление названия какого-либо предмета, перенесённое на другой предмет, который ассоциируется с первым по смежности, и включенности в определенную ситуацию. Другими словами, метонимия - это перенос названия одного предмета или явления на другой. Одним из видов метонимии является синекдоха, которая предполагает использование названия части вместо целого или наоборот.

Между названиями двух предметов может существовать три типа отношений: 1) вместо абстрактного предмета приводится название конкретного предмета.; 2) вместо названия конкретного предмета номинируется его место хождением; 3) вместо конкретного предмета называется его часть.

Гипербола также выступает как способ выражения семантики сравнения. Данный троп преследует цель преувеличения тех или иных признаков или качеств предмета для усиления выразительности и

экспрессивности высказывания. Гипербола может быть ненадуманной, простой или нереальной.

В качестве средств выражения сравнения может быть употреблен также и стилистический троп эпитет. Разграничиваются два вида эпитета: широкий и узкий. Под первым видом понимается любое определение, а под вторым – только определение с переносной оценочной семантикой. Мы придерживаемся только второй точки зрения и определяем эпитет как троп, выражающий субъективную оценку говорящего того или иного предмета. Поэтому следует говорить о субъективно-оценочной характеристике эпитета.

Основной разновидностью эпитета является ассоциированный эпитет, у которого имеются две разновидности: 1) пояснительный эпитет, 2) тавтологический эпитет.

На основе смыслового содержания в сопоставляемых языках следует разграничивать образные и безобразные эпитеты. К первому типу относятся синестетические, сравнительные, звукообразные, метафорические эпитеты, которые в свою очередь подразделяются на определенные группы.

Контраст (антитеза) также выступает в качестве одного из средств выражения сравнения.

Антитеза базируется на сопоставлении и сравнении двух далёких друг от друга предметов. Она служит для выявления не общих качеств, а противоположных признаков двух предметов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Научная литература

1. Абсаматов, С.Б. Структурно-семантические особенности синтаксических единиц со значением сравнения: дис. ...канд. филол. наук: 10.02.01 / Абсаматов Сакен Бакирович. – Тамбов, 1997. – 165 с.
2. Аверина, А. В. Стилистический аспект функционально-семантического поля (на примере поля эпистемической модальности немецкого языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Аверина Анна Викторовна. – М., 2010. – 447 с.
3. Аврорин, В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка (к вопросу о предмете социолингвистики) / В.А. Аврорин. – Л.: Наука, 1975. – 276 с.
4. Александрова, С.Я. Структурно-семантическая характеристика сравнительных конструкций: автореф. дис. ... канд. филол. наук: / С.Я. Александрова. – М., 1981. – 15 с.
5. Амосова, Н. Н. Основы английской фразеологии/ Н.Н. Амосова. –Л: Из-во Ленинградского университета, 1963 – 208с.
6. Анохина, Ю.М. Способы выражения сравнений в языках с разной грамматической структурой (на материале русского и французского языков): дис. ...канд. филол. наук: 10.02.19 / Анохина Юлия Михайловна. – Омск, 2004. – 190 с.
7. Аристотель. Об искусстве поэзии / Серия: – Памятники мировой эстетической и критической мысли. В.Г. Аппельрота и коммент. Ф.А. Петровского. – М.: Гослитиздат, 1957. – С. 109 – 110.
8. Арнольд, И.В. The English Word / И.В. Арнольд. – М.: Высшая школа, 1973. - 302 с.
9. Арнольд, И.В. Статус импликации в системе текста / И.В. Арнольд // Интерпретация художественного текста в языковом вузе: Методика исслед: Межвуз. сб. научн. тр. – Л.: Ленингр. гос. пед. ин-т им. А.И. Герцена, 1983. – С. 3– 4.

10. Арнольд, И.В. Современный английский язык: учебник для вузов. – 5-е изд., испр. и доп. / И.В. Арнольд. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 384 с.
11. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт / Н.Д. Арутюнова; АН СССР, Ин-т языкознания; отв. ред. Г.В. Степанов. – М.: Наука, 1988. – 388 с.
12. Арутюнова, Н.Д. Тождество или подобие? / Н.Д. Арутюнова // Проблемы структурной лингвистики. –М.: Наука,1981. – С. 3–22.
13. Ашурова, Д.У. Лингвистическая природа художественного сравнения (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.663 / Д.У. Ашурова. – Ташкент, 1970. – 225 с.
14. Бабаев, Э.Б. Образные сравнительные обороты в современно английском и таджикском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук:10.02.20 / Бабаев Эргаш. -М., 1978. – 16 с.
15. Бабайцева, В. В. Система членов предложения в современном русском языке / В.В. Бабайцева. – М.: Просвещение, 1988. – 158 с.
16. Бабенко, Н. Г. Окказиональность в художественном тексте. Структурно-семантический анализ: учебное пособие / Н.Г. Бабенко – Калининград: Калининградский гос. ун-т, 1997. – 81 с.
17. Базарюк, В. Ю. Смысловое развитие метафоры в текстах различных жанров: семиотический и синергетический аспекты интерпретации: автореф. дис. ... канд. филол. наук:10.02.20 – М., 2013. – 28 с.
18. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли – пер. с фр. К. А. Долинина; под ред. Е. Г. Эткинда. – 3-е изд. – М.: URSS, 2009. – 384 с.
19. Баранов, А. Н. Очерк когнитивной теории метафоры / А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов // Русская политическая метафора (материалы к словарю). – М., 1991. – С. 184 – 193.
20. Бебчук, Е.М. Образный компонент в лексическом значении русского существительного: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Бебчук Елена Михайловна. – Воронеж, 1991. – 24 с.

21. Белова, Т.Г. Некоторые типы сложных предложений, выражающих отношения сравнения и сопоставления / Т.Г. Белова // Ин. яз. в школе - №1. – 1958. – С. 27–40.
22. Беркнер, С.С. Некоторые явления взаимодействия реплик английской диалогической речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Беркнер Сергей Самуилович. – М., 1960. – 18 с.
23. Болгарова, Р.М. Функциональное семантическое поле компаративности в русском и татарском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Болгарова Рамзия Марсовна. – Казань, 2011. – 181 с.
24. Бондарко, А.В. Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. – М.: Наука 2005. – 480 с.
25. Блох, М.Я. Поле эпистемической модальности в пространстве текста: монография / М.Я. Блох, А.В. Аверина. – М.: Прометей, МПГУ, 2011. – 156 с.
26. Блэк, М. Метафора / М. Блэк // Теория метафоры: сборник вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной; – М: Прогресс, 1990. – С. 153–172. пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз.
27. Бирдели М. Метафорическое сплетение/ М. Бирдели. // Теория метафоры. – М.: Прогресс. – 1990. С. 201-218.
28. Брыкова, Л. В. К вопросу о стилистических функциях экспрессивного словообразования // Сб. научных статей. – М., 1965.-150 с
29. Бубнова, М.С. Грамматико-стилистическая характеристика сложноподчинённых предложений с придаточным ирреального сравнения в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Бубнова Мария Степановна. – М. 1978. – 16 с.
30. Буглак, С.И., Волкомор Е.В. Придаточные сравнительные или придаточные образа действия (нереальное сравнение в английском языке) / С.И. Буглак, Е.В. Волкомор // Англистика 21 века: материалы Второй Всерос. межвуз. конф. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. – С. 42–45.

31. Будаев, Э. В. Метафора в политической коммуникации: монография / Э.В. Будаев, А.П. Чудинов. -1-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 248 с.
32. Бузаров, В.В. Основы синтаксиса английской разговорной речи / В.В. Бузаров. – М.: Крон-Пресс, 1998. – 368 с.
33. Буслаев, Ф.И. Сочинения по археологии и истории искусства. Исторические очерки Русской народной словесности и искусства/ Ф.И. Буслаев. – Санкт-Петербург, 1910. [Электронный ресурс] <https://books.google.ru/books?isbn=5518061358>
34. Ваганов, А.В. Сравнение в художественных произведениях М.А. Шолохова: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ваганов Алексей Владимирович. – Ростов н/Д, 1992. – 189 с.
35. Вежбицкая, А. Сравнение – градация – метафора / А. Вежбицкая // Теория метафоры. – М.: Наука, 1999. – 147 с.
36. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А.Вежбицкая. - М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
37. Вердиева, З.Н. Семантическое поле в современном английском языке / З.Н. Вердиева. – М.,1986. -120с.
38. Веселовский А.Н. Историческая поэтика / А.Н. Веселовский. – М.: Высшая школа, 1989. – 406 с.
39. Вине, Ж.-П., Дарбельне, Ж. Технические способы перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. - М., 1978. - С. 157.
40. Виноградов, В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В.В. Виноградов.// – М.: Просвещение, 1963. – 511 с.
41. Виноградов, В.В. О поэзии Анны Ахматовой (Стилистические наброски) /В.В. Виноградов. – Избр. труды. Поэтика русской литературы. – М.: Наука, 1976. – 511 с.
42. Власова, Ю.Н. Функционально-семантическое поле компаративности/ Ю.Н. Власова, И.А. Черкасс, Ю.Н. Черникова // Функционально-семантические и словообразовательные поля в лингвистике. – Ростов н/Д: Изд-во Ростовск. пед. ун-та, 1998. – С. 201–213.

43. Воронцова, Г.Н. Очерки по грамматике английского языка / Г.Н. Воронцова. – М.: ИЛИЯ, 1960. – 399 с.
44. Гак, В.Г. Теоретическая грамматика французского языка / В.Г. Гак – М.: Добросвет, 2000. – 832 с.
45. Гальперин, И. Р. Очерки по стилистике английского языка / И.Р. Гальперин. – М., 1958. – 459 с.
46. Гоббс, Т. Левиафан / Т. Гоббс. – М., 1936. – 504 с.
47. Голуб, И.Б. Стилистика современного русского языка / И. Б. Голуб. – М., 1986. – 333 с.
48. Губанов С. Эпитет в поэзии, эпитет в творчестве М.И.Цветаевой: Семантические и структурные аспекты: автореф. дис. кан. фил. наук: 10.02.01/ Губанос С. – Самара, -2009-24с
49. Гужова Т.А. Гиперболический способ выражения в современном немецком языке: дис. кан.фил наук: 10.02.04./ Т.А. Гужова М.: 2003-
50. Гулыга, Е.В. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке / Е.В. Гулыга, Е.И. Шендельс. – М.: Просвещение, 1969. – 184 с.
51. Гурбанов, Х. М. Придаточные сравнительные предложения в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Гурбанов Х.М.– Чарджоу, М.: 1988. – 194 с.
52. Гухман, М.М. Единицы анализа словоизменительной системы и понятия поля. Фонетика, Фонология, Грамматика / М.М. Гухман.- М.,1971
53. Диброва, Е.И. Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке / Е.И. Диброва. – Ростов-н/Д.: Изд-во Рост. Ун-та, 1979. – 192 с.
54. Диденко, А.С. Система гипотаксиса немецкого языка / А. С. Диденко. – Краснодар: Изд-во Кубанск. ун-та, 1977. – 106 с.
55. Дэвидсон, Д. Что означает метафора / Д. Дэвидсон // Теория метафоры – М.: Прогресс, 1990. –С. 173–193.
56. Дюбуа, Ж. Общая риторика/ Ж.Дюбуа. - М: Языки русской культуры 1998-364 с

57. Ермоленко, Г. А. Метафора в языке философии: автореф. ... дис. канд. филол. наук: 09.00.01 / Ермоленко Галина Алексеевна. – Краснодар, 2001. –20 с.
58. Ефимов, А.И. Сравнение как средство художественной образности / А. И. Ефимов. –М.: Наука, 1975. –108 с.
59. Железнова-Линец, И.А. Сравнение и метафора как средства создания художественного образа в поэзии Шарля Бодлера и в ее русских переводах: дис. ... канд. филол. наук:10.02.01 / Железнова– Линец Ирина Аркадьевна. - -Казань 2012. 242 с
60. Жинкин, Н.И. Язык – речь – творчество / Н. И. Жинкин. – М.: Наука, 1998. –368 с.
61. Жирмунский, В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика / В.М. Жирмунский. – М., 1997. – 408 с.
62. Жоль, К.К. Мысль. Слово. Метафора. Проблемы семантики в философском освещении / К.К. Жоль. – Киев: Наукова Думка, 1984. – 304 с.
63. Забони адабии ҳозираи тоҷик, қ. I. - Душанбе: Ирфон, 1973. - 452 с.
64. Забони адабии ҳозираи тоҷик. Синтаксис. / дар зери таҳрири проф. Б.Ниёзмухаммадов. – Душанбе: Ирфон, 1970. – 318с.
65. Захыров, И.О. О межъязыковых фразеологических параллелях и лакунах/ И.О. Захыров // Известия АН Туркменской ССР. Серия общественных наук.- 1979. - № 6. - С. 85-88.
66. Звегенцев, В. А. Семасиология / В.А. Звегенцев. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1957. – 320 с.
67. Зеленецкий, К.П. Общая риторика/ К.П. Зеленцкий. – Одесса, 1849 –250с
68. Зикрияев, Ф.К. Ҷумлаҳои пайрави монандӣ ва тарзи амал / Ф.К. Зикрияев Душанбе: Ирфон, 1980 -180с.
69. Зеҳнӣ, Т. Санъати сухан / Т. Зеҳнӣ. –Душанбе: Ирфон, 1979. –110 с.
70. Иванова, С.В. Структурно-семантические особенности придаточных сравнения и их функционирование в тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Иванова Светлана Викторовна. – М., 1988. – 22 с.

71. Искандерова, И.З. Семантико-структурная характеристика сравнительных конструкций немецкого языка / И.З. Искандерова. – М.: Изд-во Московск. пед. ин-та им. Ленина, 1982. – 16 с.
72. Камоллидинов Б. Услубшиносӣ / Б. Камоллидинов, Ҳ. Гаффоров. – Душанбе: Ирфон, 1975.
73. Карапетова, Е.Г. Функционально-семантическая категория компаративности в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Карапетова Елена Геннадьевна. – Минск, 2000. – 16 с.
74. Карневская, Е.Б. К вопросу о сложноподчинённом предложении с придаточным сравнения в английском языке / Е.Б. Карневская // Вопросы романо-германском филологии. – Минск: Изд-во Белорусск. ун-та, 1971. – С. 104-117.
75. Касарес, Х. Введение в современную лексикографию / Х. Касарес. – М., 1958. – 345 с.
76. Квинтилиан. Античные риторики / Квинтилиан. – М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 1978. – 352 с.
77. Князев, Ю.П. Степени сравнения / Ю.П. Князев // Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. – М.: Дрофа, 1998. – С. 537–538.
78. Кожина, М.Н. Стилистика русского языка / М.Н. Кожина. – М.: Просвещение, 1983. – 222 с.
79. Комиссаров, В.Н. Теория перевода. Лингвистические аспекты / В.Н. Комиссаров. – М.: Высшая школа, 1990. – 253 с.
80. Кондратьева, М.А. Стилистический потенциал компонентов функционально-семантического поля сравнения в немецком языке (на материале публицистических текстов): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Кондратьева Мария Александровна. – М., 2014. – 248 с.
81. Кондратьева, О. Н. Диахронический аспект изучения концептуальных метафор / О. Н. Кондратьева // Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова. – Т. 17. – № 2. – 2011. – С. 171–175.

82. Кравец, О.В. Функционально-семантическое поле компаративности в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Кравец Ольга Владимировна– Таганрог, 2003 – 150с
83. Краснянская, И.В. Сопоставительный анализ фразеологических единиц современного английского и русского языков и проблема лакунарности // Английская филология. - Краснодар, 1976. - С. 63-75.
84. Крыжовникова, Э.В. Способы выражения сравнения в хакасском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Э.В. Крыжовникова. – Абакан, 2010- 262 с.
85. Крысин, А.П. Гипербола в русской разговорной речи// Проблемы структурной лингвистики. отв.ред. В.П, Григорьев. – М. : Наука, 1988.-111 с.
86. Крюкова, Н. Ф. Средства метафоризации и понимания текста / Н. Ф. Крюкова. –Тверь, 1999. –128 с.
87. Кузнец, М.Д. Стилистика английского языка / М.Д. Кузнец, Ю.М. Скребнев. – Л.: Учпедгиз, 1960. – 173 с.
88. Курахтанова, И.С. Языковая природа и функциональные характеристики стилистического приема гиперболы (на материале английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Курахтанова Ирина Сергеевна. – М., 1978. – 210 с.
89. Кухаренко, В. А. Интерпретация текста / В. А. Кухаренко. – М.: Просвещение, 1988. – 192 с.
90. Лагута, О. Н. Метафорология: теоретические аспекты Ч.1./ О. Н. Лагута. – – Новосибирск: Изд-во Новосибир. гос. ун-та, 2003. – 116 с.
91. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем: / Дж. Лакофф, М. Джонсон; пер. с англ. под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 24 с. (Перевод: Lakoff, George, Johnson, Mark. *Metaphors We Live By*. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1980).

92. Лебедева, Л.А. Устойчивые сравнения русского языка во фразеологии и фразеологии: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Лебедева Людмила Алексеевна. - Краснодар, 1999. – 296 с.
93. Левковская, К.А. Немецкий язык. Фонетика, грамматика, лексика: учебник / К.А. Левковская. – М., 2004. – 368 с.
94. Леонтьев, А.А. Психолингвистика / А.А. Леонтьев. –М.: Наука, 1998. – 287 с.
95. Ломоносов, М.В. Собрание сочинений:- в 7 Т. . Труды по филологии. В 7 т 1739 –1758. Л-М: Изд-тво АН СССР,1952
96. Ломоносов, М.В. Российская грамматика / М.В. Ломоносов // Собрание сочинений. Труды по филологии. – М.,1985. – 389 с.
97. Лосев, А. Ф. Вещь и имя / А.Ф. Лосев // Бытие. Имя. Космос. –М., 1993. – 880 с.
98. Лотман, Э.К. Структура и стилистические функции сравнительных оборотов в повести С. Антонова «Аленка» / Э.К. Лотман // Исследования по русскому языку: Сб. науч. работ. – Вып. 2. – № 713. –Днепропетровск: Изд-во Днепропетр. ун-та, 1972. – С. 20–23.
99. Лясота, Ю. Л. Роль метафорических слов и выражений в развитии словарного состава языка: на материале современного английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. Л. Лясота. – Л., 1955. – 17 с.
100. Макаренко, Н.Н. Индивидуальные образные сравнения во французском языке (на материале художественной прозы второй половины 20 в.): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Макаренко Наталья Николаевна. –М., 2001. – 199 с.
101. Мезинин, С. М. Конструкции современного английского языка, имеющие значения сравнения: Дис. ... канд. филол. наук:10.02.20 / Мезинин Сергей Михайлович. – М., 1969. – 232 с.
102. Мельчук, И. А. Курс общей морфологии / И. А. Мельчук. – М. ; Вена : Языки русской культуры, Венский славистический альманах, 1998. – Т. 3. – 544 с.

103. Мирзозода Х Дурдонахои наср.-Душанбе: Ирфон:1987 -250с
104. Михалев, А.Б. Функционально-семантическая категория сравнения в современном французском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Михалев Андрей Борисович. – М., 1982. – 24 с.
105. Москвин, В.П. Русская метафора. Семантическая, структурная, функциональная классификация / В.П. Москвин. – Волгоград, 1997. – 91 с.
106. Назарян, В. О. Сопоставительный анализ сложноподчинённых предложений сравнения в немецком и английском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Назарян Виолетта Оганджановна. – М., 1992. – 17 с.
107. Наер, Н.М. Стилистика немецкого языка: учеб.пособие / Н.М. Наер. – М.: Высшая школа, 2006. – 271 с.
108. Ниёзмухаммедов, Б. Очеркҳо оид ба баъзе масъалаҳои забоншиносии тоҷик / Б. Ниёзмухаммедов. – Сталинобод, 1960.
109. Никитин М.В. О семантике метафоры / М.В. Никитин // Вопросы языкознания. – 1979.- № 1.
110. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка/ отв. ред. Б.А. Серебренников. –М.: Наука, 1970. – 604с.
111. Огольцов, В.М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии / В.М. Огольцов. – Л.: Просвещение, 1978. – 338 с.
112. Павлова, В.В. Сравнительные конструкции в структуре простого предложения: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Павлова Валентина Викторовна. – М., 1994. –179 с.
113. Павшук А.В. Языковая природа и функции эпитета в художественном тексте (на материале романа Асорина «Воля»): дисс...канд. филол. наук 10.02.05 / Павшук Анна Владимировна. – М., 2007 – 198 с.
114. Поликарпова, Е.В. Гипербола в современном немецком языке (лексикологический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Поликарпова Елена Вакифовна. – М., 1990. – 16 с.

115. Поркшеян, Е.М. Сравнительные конструкции современного русского языка и их структурно-семантические разновидности: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Е.М. Поркшеян. – Ростов н/Д, 1991. – 18 с.
116. Потебня, А.А. Из записок по теории словесности// А.А. Потебня Теоретическая поэтика. - М: Высшая школа, 1990.
117. Потебня, А.А. Из записок по теории словесности: Поэзия и проза. Тропы и фигуры. Мышление поэтическое и мифическое / А.А. Потебня. – М.: Изд-во Харьков: Паровая тип. и литогр. Зильбельберг и сыновья, 1905. – 652 с.
118. Прияткина, А.Ф. Простое осложнённое предложение / А.Ф. Прияткина. –М.: Наука, 1990. -142 с.
119. Пятаева, И. Г. Структура, типы и функции сравнения в художественной прозе Ф.М. Достоевского: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Пятаева Ирина Геннадьевна. –М.: 1994. – 156 с.
120. Разинкина, Н.М. Функциональная стилистика английского языка / Н.М. Разинкина. - – М.: Высшая школа, 1989. – 180 с.
121. Райхштейн, А.Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии / А.Д. Райхштейн. – М.: Высшая школа, 1980. – 143 с.
122. Рамазанова, Л. Г. Метафора в публицистическом тексте (на материале произведений А. Н. Толстого) / Л. Г. Рамазанова. – Махачкала, 2009. – 212 с.
123. Ричардс, А.А. Философия риторики / А.А. Ричардс // Теория метафоры. – М.: Наука, 1990. – 64 с.
124. Русская грамматика: Синтаксис. Т.2. / под редак. Н.Ю. Шведова -М.: Наука, 1980.-900с
125. Садыкова, Г.З. Межъязыковая фразеологическая лакунарность и средства её компенсации (на материале татарского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук. - Казань, 1989. - 174 с.
126. Свиренко, О. А. Метафора как код культуры: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 24.00.01 / Свиренко Оксана Анатольевна. –Ростов н/Д., 2002. – 24 с.

127. Серебrenиков, Б.А. Заметки об истории тюркских языков//Тюркологические исследования.- М, 1976
128. Сеченов, И. Психологические этюды / И. Сеченов. – СПб: типография Ф.С. Сущинского, 1878. – 225 с.
129. Сидякова, Н.М. Компаративные фразеологические единицы типа (as) + прилагательное + as + существительное в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Сидякова. Н.М. –М., 1967. –15 с.
130. Скляревская, Г. Н. Метафора в системе языка / Г. Н. Скляревская. – СПб.: Наука, 1993. – 152 с.
131. Скребнев, Ю.М. Основы стилистики английского языка/ Ю.М. Скребнев.-М: Изд-во. АСТ 2003
132. Смирницкий, А. И. Лексикология английского языка / А. И. Смирницкий. – М., 1956. – 260 с.
133. Смирницкий, А.И. Морфология английского языка / А.И. Смирницкий. – М.: Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1959. – 440 с.
134. Сыроваткин, С.Н. Явление гиперболизации в плане функциональной лингвосемиотики// Вопросы лексикологии, стилистики и грамматики в аспекте общего языкознания. -Калинин, 1977-
135. Тарасов, Л.Ф. Поэтическая речь / Л.Ф. Тарасов. – М.: Высшая школа, 1974. – 118 с.
136. Телия, В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция / В.Н. Телия Метафора в языке и тексте./ М: Наука-1988
137. Теория метафоры пер. с англ., фр.,нем., исп.... польс язык; общ. ред Н.Д. Артюнова и М.А. Журиной– М: Прогресс 1990– 512 с.
138. Тихомиров, С.А. Гипербола в градуальном аспекте: дис.кан. фил.наук: 10.02.01- Тихомиров С. М., 2006 -241с

139. Толикина, Е.Н. К вопросу о предмете исследования в аспекте фразообразования / Е.Н. Толкина // Проблемы русского фразообразования. Вып. 1. –Тула, 1973. – 150 с.
140. Томашевский, Б.В. Поэтика / Б.В. Томашевский. - М: Наука, 1996. – 120 с.
141. Турсунова, Л.А. Структурные типы и стилистические функции эпитета в языке английской художественной литературы XX века: Дис. ... канд. филол. наук / Турсунова Л.А. – М., 1973. – 196 с.
142. Усмонов, К.У. Услубиёти забони англисӣ ва муқоисаи он бо забони тоҷикӣ./ К.У. Усмонов. - Хучанд, 2015. -150 с.
143. Федоров, А.И. Образная речь / А.И. Федоров. – Новосибирск: Новосибирское книжное изд-во, 1969. – 92 с.
144. Федоров, А.И. Семантическая основа метафорической образности языка /А.И. Федоров // Актуальные проблемы лексикологии. –Новосибирск, 1967. – С. 109 – 111.
145. Федосева, Н.С. Функционально–семантическое поле сравнения в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук:10.02.04 - Н. Новгород 1997 – 17 с
146. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М.Фуко / пер. с фр. В.П. Вызгина и Н.С. Автономова – М.,1994. – 408 с
147. Халилов, С. Чумлаҳои пайрави монандӣ / С. Халилов // Журн. Мактаби совети– 1966. – № 7. С. 6-9
148. Хамитонов, Э.Р. Концептуальная метафора «природа – человек» в русской поэтической картине мира XIX- XX веков: лингвокультурологический и лексикографический аспекты: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Хамитонов Эльвира Рафаэлевна. – Уфа, 2008. –332 с.
149. Хахалова, С. А. Метафора в аспектах языка, мышления и культуры: монография / С. А. Хахалова. – Иркутск: Изд-во Иркутск. гос. лингвист. ун-та, 2011. – 292 с.

150. Ҳодизода, Р, Шукуров М, Абдучабборов Т Фарҳанги истилоҳоти адабиётшиносӣ. -Нашри дуйум. Душанбе 1966.
151. Царикаева, Ф.А. Некоторые особенности сложноподчиненных предложений с придаточными сравнительными и цели в русском и осетинском языках / Ф.А. Царикаева // *Фундаментальные исследования*. –№3. – 2014.
152. Цицерон, М.Т. *Философские трактаты: О природе богов, О дивинации, О судьбе* / М.Т. Цицерон / пер. с лат. и коммент. М.И. Рижского; отв. ред., сост. и авт. вступ. ст. д-р филол. наук Г.Г. Майоров. –М.: Наука, 1985. – 382 с.
153. Черемисина, М.И. *Сравнительные конструкции русского языка* / М.И. Черемисина. –Новосибирск: Наука, 1976. – 176 с.
154. Черкасова, Е.Т. *О метафорическом употреблении слов* / Е.Т. Черкасова // *Исследования по языку советских писателей*. –М., 1959. – С. 6–12.
155. Чернышева, И.И. *Фразеология современного немецкого языка* / И.И. Чернышева. – М.: Высшая школа, 1970. – 200 с.
156. Чесноков, П.В. *Грамматика русского языка в свете теории семантических форм мышления* / П.В. Чесноков. –Таганрог, 1992. – 432 с.
157. Чудинов, А.П. *Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000)* / А. П. Чудинов. – Екатеринбург, 2001 д. – 238 с.
158. Шведова, Н.Ю. *Русская грамматика: Синтаксис. Т.2.* / под ред. Н.Ю. Шведова -М.: Наука, 1980-900с
159. Швейцер, А.Д. *Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты* / А.Д. Швейцер. – М.: Наука, 1988. – 215 с.
160. Шевченко, О.Ф. *Прилагательные-компози́ты усилительного значения (на материале современного английского языка)* / О.Ф. Шевченко // *Исследования по романской и германской филологии*. – Киев, 1991. – С. 127–131.

161. Шендельс, Е. И. Грамматическая синонимия: (на базе морфологии глагола в современном немецком языке): Автореф. дис. ... д-ра. филол. наук: 10.02.04 / Шендельс Евгения Иосифовна. –М.: 1-й Моск. гос. пед ин-т иностр. яз., 1964. – 51 с.
162. Шестакова, Э. Г. Оксюморон как категория поэтики (на материале русской поэзии XIX - первой трети XX веков): дис... канд. филол. наук: 10.01.06 / Шестакова Эльвира Георгиевна. – Донецк, Донецкий гос. ун-т., 1999. – 222 с.
163. Шмелев, Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики / Д.Н. Шмелев. –М.: Наука, 1973. – 280 с.
164. Широкова, Н.А. Из историй союзных конструкций, выражающих отношения сравнения / Н.А. Широкова. – Казань, 1966. –184 с.
165. Щур, Г.С. Теории поля в лингвистике / Г.С. Щур. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 264 с.
166. Blokh, M.Y. A Course in Theoretical English Grammar / M.Y. Blokh. – 3rd ed., rev.– М.: Vysshaya Shkola, 2000. – 381 p.
167. Carnap, R. The Logical Syntax of Language. – L., 1937. – 352 p.
168. Close, R.A. A Reference Grammar for Students of English [Text] / R.A. Close. – М.: Prosveshcheniye, 1979. – 342 p.
169. Fogelin, R. Figuratively Speaking / R. Fogelin. -New Haven and London: Yale University Press, 1988.
170. Galperin, I.R. Stylistics / I.R. Galperin. –М., 1971.
171. Ganshina, M.A. English Grammar / M.A. Ganshina, N.M. Vasilevskaya. – 9th ed., rev. – М.: Higher School Publishing House, 1964. – 548 p.
172. Halliday, M. A. K. Language, Context and Text: Aspects of Language in a social-semiotic perspective / M. A. K. Halliday, R. Hassan – Oxford: Oxford Univ. Pr., 1989. –P. 51–118.
173. Ilyish, B. A. The Structure of Modern English / B. A. Ilyish. -2nd ed. – L.: Prosveshcheniye, 1971. – 368 p.

174. Muncie, W. The psychology of Metaphor / W. Muncie // Archive of Neurology and Psychology. – № 37. – 1937.– P. 796–804.
175. O` Donghue, J. Is a Metaphor (like) a Simile? / J. O` Donghue. – Cambridge University Press, 2008.
176. Pepper, S. C. The Root Metaphor of Metaphysics / S. C. Pepper // J. of Philosophy. – № 32. – 1935. – P. 365–374.
177. Sweet, H. A. New English Grammar. Logical and Historical. Part I / H. Sweet. – Oxford: The Clarendon Press, 1955. – 499 p.

СЛОВАРИ И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

178. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. - М.: Советская энциклопедия, 1966. – 607 с.
179. Бегбуди, М. Русско-таджикский словарь / Н.Н Ершов, А.Х. Халилов и др. – М.: «Русский словарь», 1985. –1279 с.
180. Брусенская, Л. А. Учебный словарь лингвистических терминов / Л. А. Брусенская, Г. Ф. Гаврилова, Н. В. Малычева. – Ростов н/Д.: Феникс, 2005. – 256 с.
181. Квятковский, А.П. Поэтический словарь / А.П. Квятковский. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 375 с.
182. Кондаков, Н.И. Логический словарь – справочник – М.: 1976, 567 с
183. Кунин, А.В. Англо-русский фразеологический словарь /А.В. Кунин. – М., 1955. -445с.
184. Лингвистический энциклопедический словарь/ под ред В.Н Ярцева. – М.: «Советская энциклопедия», 1990- 682с
185. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; Российская АН Ин-т рус. яз.; Российский фонд культуры. – М.: Азъ Ltd, 1992. – 960 с.
186. Психологический словарь. –М.: Наука, 1990. – 900 с.
187. Розенталь, Д. Э. Словарь- справочник лингвистических терминов / М. А. Теленкова .- М.: Просвещение,-1976.-544с.

188. Фарҳанги забони тоҷикӣ. Ҷ.1 / дар зери таҳрири М. Шукуров. / М.: Сов.энциклопедия, 1969. – 950 с.
189. Фозилов, М. Фарҳанги ибораҳои рехта. Ҷилди як / М. Фозилов. – Душанбе: Ирфон, 1964 -802
190. Фролов, И. Т. Философский словарь / И.Т. Фролов. -6-изд. – М., 1991. – 559 с.
191. Ҳодизода, Р. Фарҳанги ислоҳоти адабиётшиносӣ / Р. Ҳодизода, М. Шукуров, Т. Абдучабборов. –Душанбе: Ирфон, 1966. –187 с.
192. American Heritage Dictionary third edition- executive editor Robert B. Costello, Canada 1994-951 p.
193. Falla, P. Oxford Russian Dictionary / P. Falla, C. Howlett. – Бишкек, 2005.
194. International Journal of English Linguistics; Vol. 2, No. 6; 2012 ISSN 1923-869X E-ISSN 1923-8703 Published by Canadian Center of Science and Education 86
195. Hornby, A. Oxford advanced learner's dictionary / A. Hornby. – Oxford University Press, 1989. –1580 p.
196. Электронный словарь Abby_ Lingvox
197. Oxford Student`s Dictionary of English.– Oxford University Press, 2001.– 775 с.
198. Reja'a M. Flayih A Linguistic Study of Oxymoron/ Journal of Kerbala University , Vol. 7 No.3 Scientific. 2009

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

199. Айнӣ, С. Куллиёт. Ҷ.3./ С.Айнӣ – Сталинобод: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1960. – 622 с.
200. Айнӣ, С. Дохунда / С. Айнӣ. –Душанбе: Адиб 1989- 278с
201. Айнӣ С. Ёддоштҳо Аини С. Ёддоштҳо (чор қисм) – Душанбе: Сарредаксияи илми Энциклопедияи Миллии тоҷик/ С.Айнӣ 2009. –С. 680.

202. Айнӣ С. Ғуломон/ С. Айнӣ.-Сталинобод: Нашрдавтоҷ,1959-620 с.
203. Айнӣ, С. Марги Судхӯр /С. Айнӣ. Душанбе: Адиб, 2010. – 219с.
204. Аракин, В.Д. Практический курс английского языка:4 курс: учеб для студ.высш.учеб.заведений/ под ред. В.Д. Аракина. -5-е изд.,перераб.и доп.- М: Гуманит.изд. центр. ВЛАДОС, 2003-352с
205. Войнич, Э. Л. Ғурмағас / Э. Л. Войнич. – Душанбе: Маориф, 1982. – 320 с.
206. Ҷумҳурият-2016.- 18 июня.
207. Зарифзод, С. Хучандзодони руёи тан / С. Зарифзод. –Хучанд, 2010. – 429 с.
208. Муҳаммадиев, Ф. Куллиёт, Ҷ. II / Ф. Муҳаммадиев. - Душанбе: Адиб, 1990. - 446 с.
209. Новикова И.А., Петрова Н.Ю. Практикум к курсу английского языка. - 2-е изд. испр. и доп. под ред. В.Д. Аракина М.:2008. 191 с.
210. Рудаки А. Ашъор/ А. Рудаки. Душанбе: Адиб, 2007. - 416 с
211. Сайфуллоев, А.С. Бомдоди ошиқон / А.С. Сайфуллоев. – Хучанд: Нашриёти ба номи Р. Ҷалил, 1993. – 252 с.
212. Саттор, Т. Камони Рустам /Т. Саттор.- Душанбе: Маориф, 1982-140с.
213. Севунч, Т. Техрон Қисми I / Т. Севунч // – Сталинобод: Нашриёти давлатии Тоҷикистон 1959.
214. Стивенсон, Р. Л. Ҷазираи ҷавохирот / Р. Л. Стивенсон. –Сталинобод: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1952. – 260 с.
215. Такур, Р. Завол / Р. Такур. -Сталинобод: Комбинати полиграфии Вазорати маданияти Тоҷикистон, 1958.
216. Толис, П. Тобистон / П. Толис.- Душанбе, 1991.-335с.
217. Турсунзода М. Ашъори мунтахаб /М. Турсунзода: Хучанд – 2015, 225с.
218. Фирӯз, Б. Агар вай мард мебуд ... / Б. Фирӯз. - Душанбе: Адиб, 1987. - 384 с.
219. Ҷалил, Р. Маъвои дил / Ҷ. Раҳим. –Душанбе: Нашриёти Ирфон,1983. – 367 с.

220. Чалил, Р. Асарҳои мунтахаб. Ҷ.3. / Раҳим Чалил.- Душанбе: Адиб, 1988-464с.
221. Чалил, Р. Одамони ҷовид / Р. Чалил. - Сталинобод, 1954. - 346 с.
222. Шоу Б. Избранные пьесы. комент. М.В. Дячкова –М: Изд-во «Менеджер», 2006-256 с.
223. Ясакова Ю.Б. Интерпретация художественного текста: учебно-методическое пособие для студентов V курса отделения английской филологии / под ред. Мелиссы Грейс Леви. –Набережные Челны, 2005.- 117 с.
224. Bayron G. collection of poems / G. Byron M., 1972-816p
225. Bronte Charlotte. Jane Eyre. Edited with an introduction by M.Smith. Oxford University Press, 1975. 496 p.
226. Cronin, A. Beyond this Place / A. Cronin. - M., 1972.-90p.
227. Cronin A/ Shanon`s way/ A. Cronin- M 1972.-313p.
228. Cusack, D. Say not to Death / D. Cusack.-Kiev: Dnipro Publishers, 1976/- 382 p.
229. The Dickens Drama: Mr. Dombey, Ian Milner. Nineteenth-Century Fiction. Vol. 24, No. 4. The Charles Dickens Centennial (Mar., 1970), pp. 477-487
230. Dickens, Ch. Martin Chuswellit / Ch.Dickens.- M., Foreign languages Publishing House,1951.-481p.
231. Dreiser, Th. The sister Carrie / Th.Dreiser. Moscow,1968-595p.
232. Dreiser, Theodore. An American Tragedy. Signet Classic. New American Library. New York and Scarborough.2010.
233. Eliot Th. Collected poems 1909-1962/ Th. Eliot. Publisher: Harcourt Brace Jovanovich, ,1962
234. Galsworthy, J. The Forsyte Saga. p. II / J. Galsworthy. – M., Progress Publishers, 1956. – 304 p.
235. Green G The heart of the matter/ G. Green London: Smith, Elder &Co, 1948, с.240с

236. Hemingway, E. The Old Man and the Sea / E. Hemingway. – L., 1963. – 112 p.
237. Hardy, T. Far from the Madding crowd / Thomas Hardy. - London: Smith, Elder & Co, 1874-308p
238. Jerome K. Jerome. Three men in a boat / K. J. Jerome. - M.: Foreign languages publishing house, 1959.-248p.
239. Lewis S the job part 3/ S. Lewis , Progress Publishers, 1956. –250p
240. Maugham, W.S. The complete short stories.- Vol. 1 «Before the party».
241. Maugham, W. S. The Moon and Sixpence/ W. S. Maugham. - M., 1972. – 180 p.
242. Mayne Reid The headless horseman, Ebook: <http://originalbook.ru>
243. Morning star, №4, 2008
244. N. Sparks Nights in Rodanthe./ N. Sparks Warner book 2002-240p
245. Paulo C. Brida/ Coelho Paulo-Harper Collins:1990-266p
246. Prestley, J. B. Angel Pavement / J.B. Prestley. -M.: Progress Publishers, 1974-504p.
247. Steinbeck, J. The Grapes of Wrath. M: “Progress”, 1978.-530p
248. Stevenson, R. Treasure Island/ R. Stevenson. – M.: Foreign Languages Publishing House, 1963. – 278 c.
249. Voynich, E.L. The Gadfly / E.L. Voynich. – M.: Foreign Languages Publishing House, 1954. – 332 p.
250. Waugh, E. Prose, memories, essays / E. Waugh.- M.: Progress publishers, 1980- 446p.
251. Wilde O. The picture of Dorian Grey / O. Wilde M: “Progress”, 1978

Список сокращений

1. **Adj. – Adjective**
2. **N. – Noun**
3. **Adv. – Adverb**
4. **ФЕ – фразеологические единицы**
5. **УС – Устойчивые сравнения**
6. **СПП-Сложноподчинённые предложения**